

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ

ПОСЛЕДНЯЯ
НАДЕЖДА
ВЫЖИТЬ

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА
ВЫЖИТЬ

Эрмигаж

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ

**ПОСЛЕДНЯЯ
НАДЕЖДА
ВЫЖИТЬ**

ЭРМИТАЖ

1985

Лев Тимофеев

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ВЫЖИТЬ

Lev Timofeev

POSLEDNYAYA NADEZHDA VYZHIT'.

(“The Last Hope of Survival.”)

Copyright © 1985 by A. Koslova

All rights reserved

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Timofeev, Lev, 1936–

Posledniâia nadezhda vyzhit'.

1. Soviet Union—Rural conditions. 2. Collective farms—Soviet Union. 3. Private plot agriculture—Soviet Union. I. Title.

HN523.5.T56 1985 307.7'2'0947 85-80911

ISBN 0-938920-68-5 (pbk.)

Подготовка и составление текста Антонины Козловой

Обложка работы Григория Копеляна

Фото автора — Лев Поляков

Cover design by G. Kopyan.

Photo by Lev Polyakov.

Published by HERMITAGE

P. O. Box 410 Tenafly

N. J. 07670

USA

ТЕХНОЛОГИЯ
ЧЕРНОГО РЫНКА
ИЛИ
КРЕСТЬЯНСКОЕ
ИСКУССТВО
ГОЛОДАТЬ

Я — не крестьянин. И никогда не голодал. Случайно я близко увидел жизнь крестьянской семьи и, начав — с малыми целями — записывать события и обстоятельства этой жизни, вдруг с удивлением понял, что вся советская система, начиная от нашего высокомерного правительства и кончая учеными-атомщиками и поэтами-песенниками, живет за счет сельской семьи, как пиявка присосавшись к крестьянскому хозяйству.

Если бы я так удивился в двадцатых годах, мне бы сказали, что я просто ослеп: тогда все знали и едва ли не во всех газетах писалось, что пролетарское государство не может существовать, не ограбив крестьянина, другое дело, что одни принимали это с восторгом, другие вовсе не хотели принимать, — но знали все. С тех пор знания эти несколько позатерлись временем и разговорами по поводу всенародного государства, но сама зависимость системы от крестьянина осталась. Изменилось только наше представление о ней. Если в двадцатых годах страна знала, как живет деревня, то теперь, пятьдесят лет спустя, все заслонил собою давно отработанный образ процветающего колхозника, который никак не вяжется с хозяйственной деятельностью. Впрочем, доверчивые дети социализма, мы, кажется, и не слишком озабочены тем, чтобы увязать наши представления с реальностью.

Мы, горожане, не знаем деревни, не знаем законов, по которым живет крестьянин. Ложь и предрассудки заме-

няют нам знания о сельской жизни и передаются из поколения в поколение. И редкий случай, чтобы какой-нибудь потомственный или хотя бы недавний горожанин застыдился бы своего самодовольного незнания, своего пренебрежения к труду, к судьбе крестьянина. Само это незнание, само пренебрежение не замечается, и с течением времени не только не прозреваем мы, но, кажется, все сильнее порошит нам очи...

„Да уж теперь-то крестьянин сыт! — заявляют даже наши интеллигенты, которые лет десять—пятнадцать назад считали себя приверженцами деревенской темы, были озабочены судьбой сельской России и до сих пор выписывают журнал „Новый мир”. — Уж теперь-то наступил с ы т ы й д е н ь к р е с ь я н и н а”, — говорят они полагаясь, видимо, на очерки в журнале.

Отчего же только теперь? В нашем представлении — т а к - т о он всегда был сыт. С детства помню странный анекдот, злой, рассказанный кем-то у нас в семье, среди горожан. Будто бы в первую послевоенную денежную реформу крестьянин принес в сберкассу мешок денег — менять. Посчитали — рубля не хватает до ста тысяч. „Вот, черт возьми, не тот мешок прихватил. В том — точно сто”, — подсадовал крестьянин.

Откуда у крестьянина в голодное время мешок денег? Только вместе с недоумением и запомнилась сама эта история, с ее, я бы сказал, сталинским взглядом на крестьянина: сколько ни драть, всегда есть что брать. Или нет, не столько недоумения в этом анекдоте, сколько надежды: если у крестьянина есть м е ш о к денег, значит, в государстве все в порядке, значит, и за себя можно не беспокоиться, и страна проживет — значит, е с ь г д е б р а т ь, есть и что брать.

Пока жив человек, у него всегда есть что брать. Для нашего государства и вопроса такого нет: брать или не брать у крестьянина? Хоть и последнее — БРАТЬ! И как можно больше... Но как? И тут не один вопрос, но целая их цепочка, круг...

Как это может быть, чтобы и дорогостоящая косми-

ческая программа, и грандиозные, но малополезные хозяйственные начинания у нас в стране, и успешные военные действия в Эфиопии — все бы оплачивалось из скромного бюджета крестьянской семьи? Только ли крестьянская семья сейчас оплачивает политику партии и правительства? Каков вообще м е х а н и з м эксплуатации трудящегося человека в условиях развитого социализма? В этом кругу и все крестьянские вопросы.

Марксов политэкономический анализ у нас не годится: классические законы капиталистического производства, законы открытого рынка для нас недействительны — ни того, ни другого у нас просто нет... Но вообще без рынка можно обойтись лишь в теоретических построениях советских политэкономов: человеческие потребности столь обширны и многообразны, что не могут уместиться ни в какие нормы, разнарядки, ни в какие с в е р х у спущенные планы. Вне планов и разнарядок ищем мы живого э к о н о м и ч е с к о г о о т к л и к а на сам факт своего существования. И находим.

Чем дольше длится относительно спокойное время вне войны, революций и массовых репрессий, тем четче наша социально-экономическая система проявляется как чудовищных размеров и размахов ч е р н ы й р ы н о к.

Черный рынок живет и развивается — у всех на виду и для всех очевидный. В границах его связей и отношений можно накормить страну картошкой или построить тепловоз, определить сына в университет или купить диплом агронома, отремонтировать трактор или найти место на „лимитном” московском кладбище. Все продается и все покупается вне планов и разнарядок. Ты — мне, я — тебе... Но кому достаются прибыли? Ни мне, ни тебе — мы-то никак из нищеты не выйдемся.

Иногда кажется, что черный рынок, — все это искусство дышать в петле запретов и ограничений, вся эта простодушная хитрость, этот кооператив нищих, — нами придуман, что мы тут обманули советскую власть: нам — колхоз, а мы приусадебное хозяйство; нам — дефицит и распределение по карточкам и талонам, а мы — взят-

ку и товары через заднюю дверь; нам — постную пятницу в заводской столовой, а мы — кроликов разводить в городской квартире; нам — бесплатно плохого врача в конце длинной очереди больных, а мы — с подарком и без очереди к хорошему... Словчили? Дудки!

Когда надо, власти и приусадебное хозяйство прижмут запретами и налогами (так было!), и кроликов из городских квартир милиция повытрясет, и за подарки врачу сроки давать будут. Раз терпят, значит, всем выгодно. Раз терпят, значит, без этого и власти не удержаться. Нас тут отпустили слегка, чтоб вовсе не примёрли, но на вожжах держат.

Черный рынок — не лазейка, не потайная дверца в стене, которую мы хитро пробили. Черный рынок — и лазейка, и сама стена.

При беглом взгляде кажется, что черный рынок существует побочно от плановой экономики, что в экономической жизни он явление второстепенное. Но нет! Посмотрев внимательнее, увидим, что как раз черный рынок составляет основу советской экономики, стержень, на котором крутится планово-разнарядочная хозяйственная постройка.

Черный рынок — это социалистический механизм власти и эксплуатации, самая суть нашей социально-экономической системы — именно он обозначился в последнее время.

Ценности, которые здесь циркулируют, поддерживают существующий политический и социальный порядок. Как именно поддерживают? Куда движется общество? Этого мы не поймем, пока сам черный рынок не понят.

Понять технологию тем более необходимо, что это и есть реальная политэкономия социализма. Иной экономической реальности при нынешних политических условиях мы не знаем. Да и возможна ли она? Запрет на частную инициативу порождает спекуляцию, коррупцию, тайную эксплуатацию, — это подтверждено всей шестидесятилетней историей нашего государства. И трудно предполо-

жить, что может быть как-то иначе, в какой бы стране ни был повторен советский эксперимент...

Но как раз понимать-то мы не вполне готовы. Советское общество по сути своей — совершенно небывалая в истории социально-экономическая система (какие бы аналогии не приходили в голову исследователям), и для анализа здесь необходим новый инструмент, новые понятия. У нас их пока нет. Поэтому мы вынуждены начать не столько с анализа, сколько с описания. Не столько с научного мышления, сколько с образного восприятия, с изложения личного опыта, индивидуальной судьбы. Может быть, мне, журналисту, взяться за такую работу — между фельетоном и наукой — было несколько проще, чем кому-то из серьезных ученых.

С чего же начать? С чего мы можем начать? Есть лишь один сектор черного рынка, разговор о котором под угрозой всеобщего голода разрешен в последнее время и даже поощряется: приусадебное хозяйство крестьянина. Оно-то и интересует нас в первую очередь. С крестьянского двора и начнем...

1

27 марта прошлого года я приехал в деревню в слепую метель. В тот же день, но без моего участия похоронили Аксинью Егорьевну Ховрачеву. Я даже видел, как ее хоронят, а не пошел, — не понял, что похороны, не спросил, кто умер. Совсем рядом со мной промелькнул ее гроб, и я еще боковым зрением увидел сосновые доски, а понять, что это за доски и кто их несет, — не понял, не различил в плотном, косом снегопаде. Торопился домой, в тепло, — торопился уйти от метели. Подумал, плотники встретились. Мало ли кто строится, дом поправляет. Или вообще ничего не подумал... А провожатых за снегом и вовсе не увидел... Или увидел провожатых, но не увидел гроба: толпа и толпа. Может, тихая свадьба такая, а может, селедку в магазин привезли. Метель гнала мимо чужих забот.

Только вечером пришли, рассказали, кому и какой дом построили, что за тихую свадьбу сыграли...

Я познакомился с Аксиньей Егорьевной Ховрачевой, а заодно и с мужем ее Александром Авдеечем по прозвищу Кутек много лет назад, когда купил в деревне по соседству с ними избу и впервые приехал на несколько месяцев, чтобы ловить рыбу, ходить за грибами и писать диссертацию о мелодике русского стиха.

Самое первое знакомство состоялось в дождливый осенний день, — для меня на всю жизнь особенный, как непонятный, и до сих пор непонятный, вязкий кошмар, а для Аксиньи Егорьевны, может, и не единственный такой, — когда пьяный Кутек, избив ее до сумеречного сознания, за волосы выволок во двор и свободной рукой стал шарить вокруг — топор искал, казнить собирался на виду у четырех оцепеневших дочерей.

Убил бы, если бы не помешали? Кутек-то вряд ли убил бы — очень уж он жалкий и тщедушный мужичишка был. Он и не думал убивать — так, тешился... Однако пьяного кто разберет? Сама же Аксинья Егорьевна рассказывала: за год до моего первого приезда в Гати один тоже потешился пьяный, троих детей своих сжег, ночью со всех углов избу запаливал. Жену его спасли, в огонь обратно не пустили, и тогда она, вроде еще не успев обезуметь, призналась, что сама во всем виновата: это Господь наказал ее за а б о р т ы. А на аборт она ездила из-за того, что от пьяного последний ребенок родился совсем п р о с т о й, — его на третьем году жизни в больницу сдали. Он-то один и уцелел.

— Сколько ей нужно было простых родить, чтобы те трое жить остались? — спросила Аксинья Егорьевна...

Впрочем, на моей памяти это был единственный случай, чтобы она на что-то всерьез роптала.

В течение многих лет мы прожили соседями с Аксиньей Егорьевной, двор ко двору. Я видел нечастые дни ее радости, вроде того, когда вышла замуж третья дочь, глухонемая Рая, — вышла за хорошего, скромного парня, работающего милиционером в Рязани. Я видел, как гордо ходила Аксинья Егорьевна по селу, показывая родным

и знакомым диплом, полученный младшей дочерью Анной, — та выучилась на зубного техника. Я видел, как отказалась она проехать по сельской улице на новеньком „Москвиче”, когда один-единственный раз приехал навестить ее сын — строитель-монтажник, работающий не то в Египте, не то еще где-то в Африке. В машину не полезла, застыдилась чего-то, но пока машина из конца в конец ездил по селу, с улицы не уходила — от соседей и от прохожих принимала поздравления...

Я слышал, как убивалась, как причитала она, когда умер ее Александр Авдеич. На кладбище вроде дочерьми оберегалась, а все же у них на руках лишилась сознания от горя. А дочери плакали сдержанно. Так ли они любили покойного, как мать любила? Так ли жалели его, как она жалела?

Но сколько ни была Аксинья Егорьевна щедра душой в радости и в горе, безропотна в обиде и страдании, больше этих свойств души меня поражал ее многообразный и великий хозяйственный талант, ее безграничная трудоспособность, уменье годами работать без отдыха.

Лет двадцать назад, когда в Гати провели электричество, кто-то из взрослых дочерей прислал ей счетчик. Счетчик приладили, и оказалось, что за все лето Аксинья Егорьевна нажгла электричества на 8 копеек. Она вставала с первым светом и ложилась, едва начинало темнеть. Усталость от чрезмерного труда не пускала празднично засиживаться вечерами, а были все труды вне дома — в колхозе, на своем приусадебном участке, на лесных полянах в сенокос... Не знаю, как зимой, но начиная с мая месяца и по октябрь вечерний свет нужен был Аксинье Егорьевне только затем, чтобы не в темноте постель разобрать, да кошке налить молока в блюдце, не пролить мимо трясущимися от усталости руками.

Из года в год хозяйственные усилия Ховрачевых заставляли меня все с большим уважением относиться к тому искусству, с которым крестьянская семья избегала нищего рабства, хотя все, что ей осталось для хозяйства — крошечный участок приусадебной земли, —

и скот держать почти невозможно из-за бескормицы, и десятилетиями не было ни колхозных, никаких других заработков на стороне. Как бы то ни было, но Ховрачевы оставались семьей крестьянской, то есть такой, которая с в о и м трудом на с в о е й земле — какая она ни есть — и себя кормит, и весь народ. И Аксинья Егорьевна слыла главой семьи.

Двадцать лет без мужа она тянула все хозяйство и привыкла надеяться только на себя. Да и раньше, когда муж еще был жив, от него толку выходило немного — смолоду пьянствовал, а к старости все болел. Так что не двадцать, а считай, все сорок пять лет она одна всех кормила, одевала, ставила на ноги. И дети все выросли, все выучились, каждый в жизни по-своему устроился. И всех Аксинья Егорьевна кормила не с каких-то волшебных доходов и уж, конечно, не от колхозных хлебов, которых для нее просто никогда не было, а со своего огорода, с сорока соток земли — от черемухи у одного забора до яблони у другого, да вдоль восемьдесят шагов — все, что оставили власти крестьянской семье после коллективизации. Тут она работала сама и заставляла работать детей. Это было ее поле, ее надежда, а больше надеяться было не на что — только на себя и на эту землю. Что бы стала она делать без этого огорода с восемью ртами в семье? Ничего. Без этого огорода прожить было нельзя.

Пока есть своя земля и дом на земле, она самостоятельная хозяйка — как работает, так и живет... Земля-то, конечно, не ее, а считается колхозной или даже государственной, и только за отработку в колхозе полагается, но Ховрачева Аксинья и в колхозе навечно на Доске почета оставлена, всюду труженица была.

О том, как она работала в колхозе, я слышал чуть ли не легенды. Да я и сам хорошо помню те времена — лет пятнадцать назад, — когда она еще ходила на работу. Ей тогда уже было за шестьдесят... Каждое утро перед домом останавливался бригадир и, не вылезая из своей брички, кричал:

— Окся! Выходи сор рвать!

Это „сор рвать” он кричал как одно слово „сорвать”, и получалось, что он зовет Аксиныю Егорьевну для какой-то пустяшной работы: где-то что-то надо сорвать — цветок ли, травинку ли — и можно возвращаться. На самом же деле речь шла о прополке, об одной из самых трудных и нудных работ в полеводстве: на солнцепеке, согнувшись, постоянно на ногах, постоянно в движении, и не видишь, где остановишься, поскольку вручную прополоть все колхозные поля невозможно — пока до крайней межи дойдешь, на первой все как прежде выросло.

Вечером природа трудолюбия в колхозном поле становилась совершенно понятна: Аксиныя Егорьевна возвращалась и везла с собой тележку, полную сорной травы. Кроме начисленных трудодней, которые неизвестно когда и как оплатятся („да и оплатятся ли нынешний год?”), трава была главным призом за работу: сорняки разрешалось брать себе, — жесткое сено годилось на корм скоту, и я думаю, что и не требовался интерес более привлекательный, — с сеном всегда было трудно.

Да и вообще, главным в колхозных заработках были не деньги — на трудодень только последние лет десять стали платить хоть какими-то деньгами, — и даже не натура, хотя три-четыре мешка ржи (случавшаяся иногда годовая плата за каторжный крестьянский труд) имели для семьи большое значение, — главным было право на покупку соломы и сена для личного скота, право на сенокос, и, наконец, самое главное право — право на приусадебный участок, на полгектара земли, п р а в о н а п р и у с а д е б н о е к р е с т ь я н с к о е х о з я й с т в о. Случалось, что в колхозе работали совсем задаром, без денег и без натуроплаты, но зато правами своими пользовались, ибо иначе нельзя было реализовать другое, не властями данное право — п р а в о н а ж и з н ь.

„Если у вас в артели нет еще изобилия продуктов, и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям все, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы

и общественные нужды удовлетворялись, и личные”, — учил товарищ Сталин в 1935 году.*

Крестьяне составляли в те годы три четверти населения страны, но крестьянское — не общественное. Крестьянская семья как бы вне общества. Ее нужды не заслуживали внимания. „Колхоз не может взять на себя...”

И не брало на себя государство никаких забот о крестьянах, о крестьянских семьях. „В 1939 году около 16 тысяч колхозов не оплачивали труд в деньгах, 46 тысяч колхозов выдавали только по две копейки на трудодень, около 9 тысяч колхозов не выдавали зерна на трудодни”.**

За этими цифрами официальной статистики уже треть всех колхозов, шесть миллионов крестьянских семей. Сколько голодающих за этими цифрами? Неизвестно, как неизвестны нам данные о голодающих и в тех колхозах, где выдавали по 3—4 копейки и по полкило зерна на трудодень.

Да может быть, и не так уж много народу голодало в предвоенные годы, меньше, чем в кладбищенском тридцать третьем, — научились уже к тому времени кормиться, рассчитывая только на приусадебное хозяйство. Но и государство училось все крепче, все безысходнее прижимать крестьянина, отнимать личное в пользу „общественного”: в 1939 году после очередного пленума ЦК партии у крестьян было отнято более 2,5 миллионов гектаров приусадебной земли — излишки, отвлекают от общественного хозяйства, позволяют сохранить хоть какую-то независимость...

Благополучие или хотя бы только сытость крестьянской семьи вообще казались властям совершенно необязательным, а может быть, даже и вредным излишком, и потому колхозник не только лишался всего, что производилось его трудом в колхозе, но и приусадебный участок, приусадебное хозяйство, кормившее семью, было

---

* Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стеногр. отчет, стр 1.

** Г. В. Дьячков. Общественное и личное в колхозах. М., 1968, стр. 22.

жестоко обложено. Каждый крестьянский двор, независимо от состава семьи, сдавал обязательные поставки молока, мяса, яиц, шерсти, кож. Да еще и денежный налог — кто сто рублей, а кто и больше. Этот денежный налог был удивительным изобретением советского фиска: налог все на те же сданные государству продукты, н а л о г н а л о г.

Спрашивали жестоко: „...по истечении срока уплаты налога опись имущества недоимщика и дело о неуплате налога передается в народный суд, по решению которого производится изъятие имущества неплательщика в количестве, необходимом для погашения недоимок...”*

Но где же взять деньги, если колхоз ничего не платит? А все там же искать их, в приусадебном хозяйстве: продавать продукты, даже если сами голодны, — на рынок!

Но как ни беспросветна жизнь Аксиньи Егорьевны и ее односельчан была в первое десятилетие после коллективизации, как ни нище было русское крестьянство к 1941 году (а среднерусским крестьянам, сидящим на скудных почвах, всегда жилось особенно тяжело), как ни лишен всякого смысла становился крестьянский труд на земле, — война добавила страданий и разорила крестьянство вконец. Первые пятнадцать послевоенных лет были такими, что если не каждый год скажешь: г о л о д, — то все-таки и без сурового недоедания ни одного года не прожито... Но все эти годы оброчные поборы со двора колхозника продолжались, и проплывали мимо голодных детских глаз и молоко, и мясо, и яйца. Крестьянские дети — забота не общественная.

Оброк этот номинально был отменен в 1958 году. Но местным властям сразу же „довели” план по закупкам все тех же продуктов, от выполнения плана зависело служебное благополучие работников сельсоветов, и они всеми способами, вплоть до прямого физического насилия, заставляли крестьянина сдавать, — номинально же,

---

* „Закон о сельскохозяйственном налоге” от 1 сентября 1939 г., ст. 34-б.

продавать по самым мизерным ценам, — столько, сколько было на деревню разнаряжено, — и продавали, куда денешься? Ведь сунешься уехать — не пустят, паспорта не дадут. А без паспорта нигде ни жить, ни работать не примут. Крестьянин был „крепок” колхозу своему.

Даровой труд в колхозе, денежный налог, натуральный налог. Аксиныя Егорьевна хорошо помнила, чем заплачено за право на приусадебное хозяйство, за право жить. Помнила, а вот рассказать никогда не могла, хоть и пыталась как-то, — плакать начинала: все-таки шестеро малых в доме было. Голодных детей и через двадцать лет, и через тридцать вспоминать страшно. Даже если, Бог дал, никто из них не умер.

Теперь Аксиные Егорьевне не надо больше подтверждать свои права: у нее пенсия — двадцать рублей от государства и десять от колхоза. Это, правда, ниже самой низкой пенсии городского жителя, — что-то около того, что инвалиду с детства дается, — но зато огород остается за колхозным пенсионером, покуда тот живет в деревне и покуда вообще живет еще. И если на старости лет с огородом справишься, — весь рыночный доход — твой. Много ли ей одной надо?

Младшая дочь звала Аксиныю Егорьевну в город и даже настоятельно просила получить паспорт, выписаться и приехать, поскольку мужу обещали свою квартиру, и приезд матери, а там, может быть, и скорая смерть ее — человек все-таки немолодой — сулили лишние метры жилплощади. Но как ни привыкла Аксиныя Егорьевна в последние годы бывать в городе, как ни жалела дочь, мысль, что останется без своих сорока соток земли, где она из года в год сажала, а потом и продавала картошку и еще на маленьких грядках огурцы, помидоры и все необходимые овощи, — эта мысль выводила ее куда-то в сироты и казалась ей совершенно невозможной.

Поэтому я не удивился, когда в какой-то из моих приездов в деревню Аксиныя Егорьевна пришла с чистым листом бумаги, с конвертом и еще одним клочком бумаги, на котором был записан адрес дочери:

— Напиши им, что летом я точно не приеду, — сказала она, — пусть не обижаются. Скажи, земля не пускает. Куда я от своей картошки поеду? Нынче, говорят, за килограмм по десяти копеек в сельпо принимать будут. Да и им самим в городе картошка нужна будет, — поди, подорожает там-то...

Она молча сидела, пока я писал, молча выслушала, когда я перечитал письмо вслух, но, принимая уже готовый, заклеенный конверт, вдруг невпопад спросила:

— Кто же это нас такой жизнью каторжной наказал? — так просто спросила, словно я и мог, и обязан был так же просто, в нескольких словах и ответить...

Но нет, не ради ответа спросила. Да и не вопрос это был, вздохнул человек от усталости...

2

От Гатей, деревни, где жила Акси́нья Егорьевна, до Посадов всего-то километров двадцать по прямой, но если Гати — с первого взгляда — деревня бедная, деревянная, под шиферной щепней, а кое-где и под соломенной, то в Посадах и бревенчатых избушек, кажется, ни одной не осталось — все каменной кладки дома, просторные по сельским понятиям, в две-три комнаты, с большими окнами, с огромными дачными террасами и непременно под оцинкованной крышей. Весной вся эта роскошь волшебным образом исчезает, делается невидимой за белорозовым дымом цветущих садов, а осенью наоборот: белокаменные стены и зеркальные крыши далеко видны на черных от дождя речных берегах. Откуда такое богатство на нищих просторах?

Никакой тайны, никакого волшебства. В Посадах все доходы от приусадебных участков. В огороде здесь не сажают ни картошку, ни лук, ни капусту, а одни только ранние огурцы. В июне урожай созревает и на попутных машинах отправляется на рынки Москвы, Рязани, Пензы, а бывает, и еще дальше, благо село расположено рядом с шоссе. На те же рынки ближе к осени везут яблоки...

Имея в своем распоряжении даже самый крошечный участок земли, крестьянин всегда будет стремиться вести не натуральное хозяйство, но товарное, рыночное, поскольку потребности его семьи значительно шире потребностей в простейших продуктах питания, которые можно получить в своем хозяйстве.

В хорошие годы один приусадебный участок в Посадах дает до пяти тысяч рублей. И выручив эти деньги, посадские уже в соседних деревнях покупают и картофель, и лук — и все остальное, что необходимо для личного потребления. Пять тысяч на семью в четыре-пять человек — не ахти как много, но все же и чистая выручка не вся уходит на питание. Да теперь и в колхозе какие-никакие, а все-таки деньги платят: хороший механизатор тоже тысячи полторы, а то и две в год имеет.

Наша знакомая Аксинья Егорьевна всякий раз, едучи из города, где гостила у дочери, мимо Посадов, так бывала поражена разницей в доходах, что воображение доводило эту разницу и вовсе до нереальной величины:

— Как люди живут! Я как-то зашла к одним напиться, — чего у них только нету! Даже через дверь видать. Подумай, телевизор в сенях стоит — это уж значит, что они его совсем не ценят. „Этот, говорит, мы смотрим, когда большой сломается”. А большой у них в горнице показывает... Откуда ж эти деньги берутся? Мы вон тоже работали, а всю жизнь в деревянном срубе прожили, словно в колодце просидели.

— Знаю я этот дом, — возразил было я, — там хозяин подрабатывает починкой чужих телевизоров. Должно быть, в сенях чей-нибудь сломанный стоял.

Аксинья Егорьевна промолчала, — она спорить не любила, но видно было, что она осталась при своем мнении о размерах богатства посадских крестьян, исчисленного в телевизорах...

В другой раз где-то по дороге она увидела огород, сплошь занятый капустой, — и это поразило ее:

— Зачем столько? Или нерусские — одну капусту едят?

— Может быть, на продажу?

— Да чего уж там продавать? Капуста по тридцать копеек кочан. Ну, пусть две тысячи кочанов. Шестьсот рублей весь доход. Да мы иной год и на картошке столько выручали, да еще себе и скотине на всю зиму хватало. Так ведь картошка! А с капустой возись: весной поливай, летом червяков обирай... Нет, невыгодно...

Аксинья Егорьевна хоть и была неграмотна и в колхозе, конечно, никаких иных работ, кроме работы руками, ей не доверяли, но меня всегда удивляло, как точно она считает и высчитывает в своих повседневных делах.

— Постой! А может быть, они ее квашеную продают? — Эта новая идея совершенно повернула ход ее рассуждений. — Ну да, квасят! А за квашеную капусту на базаре и по пятьдесят и по восемьдесят копеек ломают. А перед праздником и по рублю кило. Да она и тяжелее, квашеная-то: в ней соль из воздуха воду берет. Вот ведь чем торгуют! Вот они где, деньги-то! Тут уж доход на тысячи считай. А велик ли труд заквасить капусту? Любая старуха справится...

Все эти открытия сильно взволновали ее, и я даже подумал, не займется ли моя соседка на старости лет производством квашеной капусты, чтобы иметь возможность купить большой телевизор.

Я давно знал за ней постоянную готовность пустить в оборот единственный наличный капитал — собственные рабочие руки. Это не раз давало ей возможность выгодно продать картошку или задаром нанести с молзавода — на поило скотине или даже на постный сыр для себя самой — обрата.

Кажется, и теперь она была близка к тому, чтобы войти в дело, такая идея приходила ей в голову, поскольку на следующий день она была несколько опечалена.

— О капусте-то говорили, — напомнила она, — так нам капуста не годится. Первое, что мы от шоссе далеко: капусту хорошо зимой продавать, а у нас как заметет, так из сугробов не вылезешь. Если какой шофер согласится, так на него все капустные деньги и уйдут. Да хоть бы и была дорога, все равно плохо. Для этого дела свой

инструмент нужен: вручную столько не нашинкуешь. Бочки нужны. Одних бочек штук девять — меньше невыгодно. Для бочек большой погреб нужен... Ну, и еще привычка нужна. Без привычки столько капусты не вырастишь — или червяк сожрет, или еще что-то случится... Те-то, поди, не первый год капусту сажают, привыкли...

Те привыкли, иные не привыкли. Объяснение не такое уж наивное, как кажется на первый взгляд. Привычка, а другими словами, традиция и опыт, долгосрочное из года в год приложение невеликого крестьянского капитала — труда и знаний — к одному и тому же делу в приусадебном хозяйстве имеют особое значение: сельский житель напрасно рисковать не станет и никаких новшеств на приусадебном участке вводить от себя не будет — слишком дорог ему урожай с о с в о е й земли.

Впрочем, я уверен, что не одной только Аксинье Егорьевне пришла в голову идея выйти на рынок с квашеной капустой или еще с каким-нибудь товаром, более доходным, чем традиционная картошка. Но под несусыпным контролем государственной власти, не раз ужесточавшей свою политику по отношению к приусадебному хозяйству, нужно особо благоприятное стечение обстоятельств, особое доверие к обстоятельствам, чтобы решиться на хозяйственную инициативу. Крестьянин, хоть и цепок, когда дело отлажено, но осторожен.

Эта, казалось бы, побочная для колхоза, но основная для колхозника крестьянская жизнь требует значительно более ответственного подхода к делу, чем в отработочном колхозно-совхозном хозяйстве, где что ни прикажут сверху, какую глупость ни спустят, — все исполняется вмиг, на пользу ли, во вред ли урожаю, — никого не заботит... Здесь же крестьянину принадлежит и инициатива, и капитал, и средства труда, и весь конечный продукт. Здесь он — хозяин. Здесь он — ч е л о в е к. Здесь он как бы микромодель того хозяина, каким мог бы стать, если бы не отобрали у него в 30-м году скот и землю, оставив с грушечным приусадебным хозяйством.

Крестьяне зарабатывают возможность жить хоть как-

то сносно, поскольку могут часть своего рабочего времени, часть своих сил реализовать в иной хозяйственной системе — не в гласно-социалистической, разнорядочной, а в рыночной.

Крестьянский рынок сужен до размеров базарной площади, исковеркан феодальными отношениями личной зависимости колхозника от административной власти, имеет вообще вид придатка к тому главному базару, где торгуют партийными должностями и демагогическими ценностями, вроде посулов всеобщего народного блага и скорого торжества идей коммунизма... И все-таки это рынок и ничто иное. Рынок, без которого социалистическое государство обойтись не может.

При первом знакомстве цифры потрясают: на приусадебных участках, по разным подсчетам занимающих лишь два с половиной или даже полтора процента всех посевных площадей страны, в крестьянских хозяйствах, обладающих лишь одной десятой всех производственных фондов сельского хозяйства, производится треть всего сельскохозяйственного продукта. Таковы данные официальной статистики.*

Но официальная статистика молчит о том, что не менее трети сельскохозяйственной продукции, произведенной в колхозах и совхозах, ежегодно гибнет из-за потерь в поле, при транспортировке, при складировании, при первичной переработке. По некоторым данным, например, гибнет до половины всего картофеля...

Официальная статистика, исчисляя валовой продукт в стоимостном выражении, конечно же, молчит о том, что государственные закупочные цены на зерновые, которые производятся, в основном, колхозами и совхозами, значительно завышены, а цены на мясо, овощи, картофель, то есть на продукты, которые наиболее широко распространены в крестьянских хозяйствах, — занижены.

Официальная статистика молчит об этом, поскольку

---

* Г. И. Ш м е л е в. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971, стр. 11.

в противном случае пришлось бы признать, что в совокупном объеме потребленной сельскохозяйственной продукции доля приусадебных крестьянских хозяйств с их полутора-двумя процентами пахотной земли намного больше половины. Да что там, в прибалтийских республиках доля приусадебных хозяйств в совокупном сельскохозяйственном продукте и по официальной статистике составляет почти половину: в Литве, например, — 43,6%. В то же время „в семьях колхозников Литовской ССР в 1971 году 50,5% общих доходов было получено из личного подсобного хозяйства”.*

В этих цифрах — позор советской хозяйственной системы и несчастье крестьян, чья инициатива, чей талант скованы размерами приусадебного огорода и огромным количеством административных запретов... Несчастье крестьянское, но и надежда.

Продукция крестьянских хозяйств кормит всех сельских жителей — 40% населения. Но мало этого. Даже согласно официальной статистике здесь производится половина всего товарного картофеля, не менее трети товарного количества яиц, треть товарного мяса, — то есть продукты, которые продаются и накормят значительную часть городского населения. Нет, без крестьянских хозяйств социалистическая экономика и дня не проживет.

Оказалось, что экономику невозможно зарегулировать полностью. Экономика — такой механизм, где без связи с маховым колесом рыночных отношений, раскрученным всей историей человечества, скрипят и замирают шестерни планово-бюрократической хозяйственной системы. Рынок, рынок в основе экономики. Уничтожить его, значит уничтожить народное хозяйство страны. Это хорошо понимал Сталин, когда выгонял крестьянина работать в приусадебный огород: „...колхоз не может взять на себя...” Покуда живы рыночные отношения,

---

* А.—И. С. В и л и м а в и ч у с. Личное подсобное хозяйство при социализме, его место, роль и тенденция развития. Автореферат диссертации. 1976, стр. 3, 19.

к ним можно и социалистическую экономику пристроить.

Даже если эти отношения подвластного государственной администрации черного рынка. Как раз именно черный рынок властям и нужен... Но об этом разговор впереди, пока же посмотрим, каким образом крестьянин со своего крошечного огорода кормит страну.

Почему именно Посады богатеют на ранних овощах? Во-первых, село расположено удобно: прежде река, а теперь шоссе придвигают здешние огороды прямо к городскому рынку. С грядки — на прилавок, и без лишней перевалки. Во-вторых, здесь „жирная” земля, черноземный остров в море супесей и подзолов, — поэтому выше урожай, поэтому овощи раньше созревают, поэтому требуют меньше полива. Кто может с ними конкурировать? Из всех удобно расположенных сел в Посадах лучшая земля.

Но на рынке все продают по одной цене — и с лучших земель, и с худших. Причем цена устанавливается по худшим землям. Иначе кто станет сажать на своем участке овощи, если они не дают никакого дохода? Поэтому из всех, кто производит огурцы, посадские имеют самый большой куш. Их овощи достаются им дешевле, чем остальным, а идут по одной цене со всеми. Разница — в карман.

Все это основы политэкономии, прямо хоть учебник цитируй: до каких-то границ черный рынок притворяется обычным открытым рынком, и в таком виде манит крестьянина.

Крестьяне, даже и не знакомые с учебником политэкономии, давно уже поняли рыночные механизмы и применяют их на практике.

И конечно, не только в Средней России или, скажем, в Молдавии, где в последнее время „колхозники сокращали посевы под зерновыми, как менее интенсивными культурами, и расширяли производство винограда и плодов — наиболее доходных и интенсивных культур”, но прежде всего в Грузии, в автономных республиках Северного Кавказа, в республиках Прибалтики, в Белоруссии,

где в совокупный доход крестьянской семьи приусадебное хозяйство дает больше половины.*

„Курская картошка путешествует на рынки Донбасса; среднеазиатские и закавказские фрукты — на рынки городов Центральной России; украинский лук — в Москву, Горький, Тулу и т. п. Особое место в снабжении московских рынков продукцией личных подсобных хозяйств занимают Рязанская и Липецкая области”.**

Возможность самому и, как кажется, с максимальной выгодой приложить свой труд, толкает людей поистине на великие земледельческие подвиги. Чего стоят одни только клубничные хозяйства в пригородных зонах больших городов, где на нескольких сотых, если вообще не тысячных долях гектара получают урожай, а значит, и доходы, которые даже нашей Аксинье Егорьевне не снились при всей живости ее хозяйственного воображения.

Писатель В. Солоухин разглядел напористую силу этого явления:***

„Под конец нашей цветочной экскурсии меня привели в помещение, называемое теплицей...

— Четырнадцать квадратных метров, — пояснил хозяин. — Искусственный климат. Урожай по желанию, в любое время года. Но я приурочиваю к первому января.

— Огурцы или помидоры? Оно, конечно, к новогоднему столу свежий огурчик — цены нет. То же и помидор...

— Ну что вы! Огурцы — это грубо и дешево...

— Тогда о каком новогоднем урожае вы говорите?

— Цветы. Тюльпаны. Вот о каком урожае. По два, по три рубля за каждый цветок. Эти четырнадцать метров приносят мне пять тысяч рублей дохода”.

Два рубля за цветок — дорого или дешево? А рубль-полтора за килограмм картофеля на рынках Средней Азии? А рубль-два за лимон на базаре Новосибирска?

---

* В. И. Ш у б к и н. Социологические опыты. М., 1970, стр. 78.

** Г. И. Ш м е л е в. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971, стр. 11.

*** В. С о л о у х и н. Трава. „Наука и жизнь”, № 10, 1972.

Дорого, очень дорого!

Но такова рыночная цена, и вряд ли найдется альтруист, который станет просить за лимоны по гривеннику. Когда действуют рыночные отношения, добрая душа и высокая нравственность не помогут, у рынка свои законы, причем законы рынка имеют объективный характер.

Поэтому наивно ругать за дороговизну какого-нибудь кавказца, продающего персики или мандарины. У рыночного торговца нет души. Он фигура чисто экономическая. За ним — весь советский хозяйственный строй.

Представление обывателей, что на среднерусских рынках наиболее сильно наживаются кавказские и среднеазиатские крестьяне, — ложно.

Базарная выручка должна быть поделена в соответствии с численностью семьи колхозника. И тогда окажется, что, например, в „1965 г. Туркмения занимала среди союзных республик первое место по совокупному доходу на семью и девятое место по душевому доходу... В то же время Эстония стояла на первом месте по душевому доходу и на седьмом — по семейному”.*

Нет, рыночная дороговизна — не от алчности крестьянской души. Да и те сияющие пять тысяч, которые время от времени фигурируют как максимальный доход от приусадебного хозяйства, в лучшем случае доход семьи в четыре-пять человек, причем не чистый доход, а всего лишь рыночная выручка, тогда как затраты при ведении хозяйства бывают весьма велики. Так что от рыночной дороговизны крестьянин не становится самым богатым человеком в обществе. Фактический денежный доход крестьянской семьи не выше, но в огромном большинстве случаев ниже, чем средний доход семьи промышленного рабочего при двух работниках (294 рубля по официальным данным).

Нет, не крестьянин возгоняет цены на рынке. Тюльпаны — или ранние огурцы, или первые майские помидоры, или всегда и всем необходимое мясо — стоят на рынке

---

* Г. И. Шмелев. Личное подсобное хозяйство. ... стр. 26.

дорого лишь потому, что производятся индивидуальным способом и в малых количествах. Развернуть их производство более широко крестьянин не может, размеры его хозяйства административно ограничены, никакая кооперация не разрешена.

Крупные же сельскохозяйственные предприятия (колхозы, совхозы) рассчитаны не на удовлетворение прямого спроса потребителей, но на товарное обеспечение обменной и распределительной политики государства в интересах и для удобства партийной бюрократии — этой правящей структуры государства, охраняющей существующие порядки и себя вместе с ними.

Именно политикой правящей структуры обусловлены цены, объем капиталовложений — прямых и косвенных, — а в конечном счете определяется и объем производства. Потребительский спрос дальним светом еле пробивается сквозь мглу бюрократических отношений. Какие уж тут тюльпаны, когда в течение десятилетий сельское хозяйство финансируется и снабжается так слабо, организовано так бездарно, что хлеба, мяса, молока от крупных хозяйств все никак не получим в мало-мальски достаточных количествах.

Так что обывательские разговоры о совести и душе нужно по крайней мере отложить до выяснения причин дороговизны, причин нехватки продуктов питания в стране. Тогда и ясно будет, о чьей совести вести речь.

Вообще-то говоря, если душа — в некоем мистическом значении слова — вмешивается в рыночные отношения, то ничего хорошего не получается.

В Средней Азии я знаю один колхоз, где приусадебные сады цветут и плодоносят обильнее, чем всюду вокруг, а их владельцы живут беднее, чем соседи. Оказывается, здешняя земля орошается водами священного источника, и все, что на ней вырастает, по мусульманским законам не подлежит продаже — табу! А раз табу, то нет необходимости искать наиболее товарные сорта яблок и винограда, нет необходимости строить траншеи для цитрусовых, — что росло от века, то и теперь растет.

Идеологические условности приглушили экономические возможности, притормозили инициативу.

Может быть, идеологические условности тормозят и развитие экономики всей страны? Частная инициатива — табу! Рыночные отношения — табу! Стремление к прибыли — табу! Это ничего, что хлеб везем через один океан — из Америки, а мясо — через другой, из Новой Зеландии. Зато экономика наша щедро омывается священными идеями Маркса-Энгельса-Ленина... (чуть было не сказал — Сталина, но теперь не принято, хотя, по существу, чего же стыдиться?).

Можно, конечно, предположить, что все действующие запреты — печальная ошибка, условности, недоразумение, которое само собой рассеется по мере того, как будет увеличиваться разрыв между потребностями населения в продуктах питания и низкой производительностью крестьянского труда, хилыми возможностями социалистического сельского хозяйства эти потребности удовлетворить.

Но не будем выдавать желаемое за действительное. Запреты — не случайность и не условность. Они инструмент правящей структуры, инструмент партийной бюрократии — инструмент охраны существующих государственных порядков. И установлены все запреты в стремлении оградить государство партийных чиновников от посягательств, скажем, со стороны экономически окрепшего крестьянства или со стороны политически осознавшей себя техноструктуры.

Сталин понимал это лучше других. И хотя сегодняшняя партийная верхушка старается делать вид, что не замечает его тени, именно он среди прочих классиков марксизма-ленинизма ближе к нынешней политике правящего класса: „Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в советской стране составляет рост производительности труда? — спрашивал он в своей знаменитой речи против Бухарина. — Нет, не верно. Нам нужен не всякий рост производительности труда. Нам нужен определенный рост производительности

народного труда, а именно — такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического (то есть не рыночного, а напрямую подвластного партийной бюрократии, объективно работающего на укрепление ее власти — Л. Т.) сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим.*

Именно запреты составляют суть власти, содержание деятельности партийной бюрократии: она обойдется без хлебного изобилия в стране, ей не нужна торговая прибыль, не обязательна всесторонне и гармонично развитая экономика — ей нужна только власть, безграничное изобилие власти, прибыль в виде увеличения власти, развитая система получения все новой и новой власти по мере продвижения в партийной иерархии.

Поскольку партийная бюрократия, как некогда — вырождающийся класс феодальных землевладельцев, никоим образом не участвует в общем потоке производства материальных и духовных ценностей, который и зовется прогрессом общества, у нее остается только одна возможность не быть смытой этим потоком: возможность установить строгую систему запретов, ограничений, „табу”. И все „мероприятия партии и правительства в области экономики”, которые объявляются каждый раз как великий дар народу, есть не что иное, как робкое лавирование партийной бюрократии среди ею же установленных плотин и барьеров — лавируют, чтобы вовсе не утонуть.

Но черныи рынок как раз ничем и не угрожает стабильности нынешнего государства. Строго говоря, он ему целиком и полностью подконтролен, а потому — выгоден. Колхозная система с самого начала и задумывалась как система черного рынка, и сфера его значительно шире базарной площади, — это мы сразу увидим, вновь обратившись к Сталину:

„И если у вас в артели нет еще изобилия продуктов,

---

* И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 79.

и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям все, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворять, и личные. Тогда лучше сказать прямо, что вот такая-то область работы — общественная, а такая-то — личная. Лучше допустить прямо, открыто и честно, что у колхозного двора должно быть свое личное хозяйство, небольшое, но личное. Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, большое, крупное, решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с ним небольшое личное хозяйство, необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника”.*

Добрый Сталин, который, как видим, разрешил крестьянской семье не умирать с голоду — в тридцатых годах, как, впрочем, и добрый Брежнев, который настойчиво подталкивает крестьян к интенсификации труда на приусадебных хозяйствах — в семидесятых, — не уточняют, конечно, какую часть суток крестьянин должен отдать „личному хозяйству”. Ясно, что лишь ту, что остается от трудов в колхозе...

Вот где начинается „ч е р н ы й р ы н о к”! Здесь, а не у базарных ворот.

Он начинается с того, что крестьянина в ы н у ж д а ю т продавать обществу свой с в е р х у р о ч н ы й труд, тогда как его труд в колхозе попросту отнимается задаром или почти задаром, без удовлетворения элементарных нужд крестьянской семьи. Вот где самая главная „купля-продажа” на черном рынке: не морковка продается и не петрушка, но труд и жизнь крестьянина...

Но кто же здесь покупатель?

3

Колхозная, гармоничная система сельского хозяйства удобна правящей структуре и всемерно поддерживается ею как идеальная система эксплуатации крестьянства,

---

* Второй всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенографический отчет. 1935, стр. 1.

поддерживается целиком, включая институт приусадебного хозяйства...

Впрочем, уместно ли, размышляя о приусадебном хозяйстве, говорить об э к с п л у а т а ц и и? Ведь здесь крестьянин работает на с е б я: сколько в огороде ни вырастит, сколько в загороде ни выкормит, все ему, никто теперь не отберет. Работай, живи, пользуйся...

И все-таки я знал человека, который по доброй воле решил отказаться от своего огорода. Да не где-нибудь, а в самих „огуречных” Посадах, которым завидуют окрестные деревни и села. В конторе тамошнего колхоза мне показали такой документ:

„В правление колхоза „Счастливая жизнь”
от механизатора Тюкина Гаврилы Ивановича

З а я в л е н и е

Прошу отобрать у нашей семьи индивидуальный огород и предоставить нам с женой возможность зарабатывать в колхозе дополнительно еще три тысячи рублей, которые мы ежегодно выручаем на базаре от продажи ранних огурцов. Моя просьба вызвана тем, что вчера, возвращаясь с работы на ферме, моя жена, Тюкина Анна (1951 г. рожд.), увидела, что перед ней по дороге катятся цветные шары, — наработалась, значит. Когда жена остановилась, шары исчезли, но когда пошла дальше, шары опять покатались. Справку от фельдшера прилагаю.

В случае, если мою просьбу выполнить нельзя, я не разрешу моей жене ходить на ферму, где она работает дояркой и получает редко больше ста рублей в месяц. Пусть уж тогда одними огурцами занимается на приусадебном участке да за ребяташками смотрит...

Тюкин”.

Хитрый Тюкин рассчитал безошибочно: приусадебный участок у него, конечно, не отобрали. Деньги, которые жена приносила с фермы, никакого серьезного значения в бюджете семьи не имели, — по крайней мере, старания в „огуречном деле” дадут значительно больше доходов.

Что же до участия в колхозном производстве, которое, как мы знаем, одно только и дает право иметь приусадебный огород, — то Тюкин полагал, что его собственная доля в колхозных трудах достаточно велика, чтобы не жертвовать здоровьем жены. Он и сам-то и в колхозе, и дома поспевал на последнем дыхании...

Радуясь доходам крестьянина от своего приусадебного хозяйства, подумаем: если в индустриально развитой стране здоровому человеку приходится работать на пределе физических возможностей (иначе не прокормить семью), не значит ли это, что п р и б а в о ч н о е рабочее время растянуто за естественные, природой поставленные границы? Это ли не эксплуатация сверх всякой меры?

Прибавочный труд создает прибавочный продукт, который отнимается правящей структурой и направляется на расширение производства в интересах стабильности государства, на научно-технические исследования и разработки (в тех же интересах), на содержание лиц, не занятых в сфере производства, но своей деятельностью поддерживающих существующую систему.

Если бы государство партийных чиновников отнимало у крестьян лишь прибавочный продукт, произведенный в колхозе, оставляя крестьянину необходимый, это была бы еще не беда, — оно бы поступало по законам товарного производства. Беда в том, что отнимается и прибавочный продукт, и необходимый продукт.

С самого начала сплошной коллективизации, с первых дней колхозной системы „пролетарское” государство оставило крестьянина на произвол судьбы. У крестьянина забирали все под метелку, нисколько не заботясь о том, остались ли ему хотя бы самые необходимые средства существования.

Какой садистический акт — сообщить с гордостью, как достижение (не к этому ли стремились?) на 18 съезде партии: „Средняя выдача зерна в з е р н о в ы х р а й о н а х (разрядка моя — Л. Т.) на один колхозный двор поднялась с 61 пуда в 1933 году до 144 пудов в 1937 го-

ду”.* И где! На Кубани, на Дону, в Новороссии — на богатейших землях, о которых более чем за сто лет до того еще Сисмонди было известно, что они способны не только досыта накормить живущий на них народ, но и дать такой урожай, „что русским хлебом было бы легко снабдить все рынки, которые оставит открытыми для русских и поляков цивилизованная Европа”.**

Шестьдесят один пуд на большую крестьянскую семью — голод, по двухсотграммовой тюремной пайке на человека в день. 144 пуда — едва ли возможное существование. Но то в зерновых районах.

А что там, в Рязани, Смоленске, Владимире, Вологде? Об этом ни слова. Будто вымерли земли. И близко к тому было... Голод в 39-м году. Голодные военные годы. Голод в 47-м. Голод в 49-м. В остальные годы травяных лепешек не пекли, но никогда не ели досыта. И еще в 1963 году в стране были тысячи колхозов, где крестьянин получал за свой труд в течение года 6—7 пудов зерна и 10—15 рублей деньгами.***

Государство отнимает продукт, произведенный крестьянином в колхозе, но делает это не напрямую, не грубо, не физическим нажимом, который мог бы вызвать нежелательное противодействие, но замаскированно, через систему закупочных цен. Создается видимость, что продукт не отнят, но куплен, а поскольку продукта произвел мало, постольку и не заработал ничего. Кого же винить?

Финансируя сельскохозяйственное производство, власти принимают позу доброго дядюшки — исключительная щедрость толкает его оплачивать хозяйство нерентабельное, себя не оправдывающее... Слушайте, слушайте! Воз-

---

* И. С т а л и н. Вопросы ленинизма. Изд. 2-е. ГПИ., 1952, стр. 626.

** Ж. Симон де С и с м о н д и. Новые начала политической экономики... М., 1936, стр. 269—270.

*** См.: Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. „Мысль”, М., 1970, стр. 110.

можно ли, чтобы люди признали нерентабельным кормить себя? Возможно ли где-нибудь еще, чтобы при нехватке мяса, молока, картофеля производство их было нерентабельным?

Весь этот голодный маскарад затеян с одной-единственной целью: скрыть очевидный факт, что значительная часть сельскохозяйственной продукции попросту отнимается бесплатно, поскольку существующие цены никоим образом не соответствуют ее реальной общественной стоимости...

Впрочем, предоставим слово специалистам, которые, решая задачи конкретной экономики, волей-неволей вынуждены если и не до конца распутывать клубок, то, по крайней мере, потянуть нитку дальше, чем обычно принято: „Расчеты, выполненные на базе учета затрат труда в отраслях материального производства и редукции труда на основе различий в общественно необходимых затратах труда на подготовку рабочей силы разной квалификации, показывают, что в сельском хозяйстве в 1969 году было произведено 29,4%, а в 1970 году — 28% национального дохода страны... Вместе с тем, доля сельского хозяйства в национальном доходе, рассчитанная нами, выше, чем учтенная текущими ценами по действующей методике ЦСУ СССР. Последняя составила в 1960 году 19,5% и в 1970 г. — 21,8%.*

То есть, по меньшей мере, стоимости, оцениваемые в 30 миллиардов рублей, отнимаются у сельского хозяйства безвозмездно. Часть из них в демагогической обертке возвращается, но далеко не сполна и далеко не по тем адресам, какие назвали бы заинтересованные потребители товаров, испытывающие нехватку мяса, молочных продуктов, овощей, яиц. Так в течение многих лет животноводство получало столь мизерный возврат произведенных здесь стоимостей, что их едва хватало даже на про-

---

* А. П. Плотников. Отношения сельского хозяйства с перерабатывающей промышленностью и торговлей. М., 1973, стр. 51.

стое воспроизводство. В результате и сегодня в стране катастрофическая нехватка мяса, от которой в первую очередь страдают рабочие промышленных предприятий, пролетариат, чьи интересы якобы положены в основу государственной политики.

Но если животноводство недополучает причитающейся ему по законам товарного производства доли продукта, то недополучают ее и крестьяне, занятые в колхозном животноводстве. Система норм и расценок так устроена, что значительная часть общественно необходимого труда остается неоплаченной.

Можно примерно подсчитать долю необходимого продукта, которая отнимается у крестьянина безвозмездно: подсчитанная разными способами, она составляет от 40 до 60 процентов стоимости воспроизводства рабочей силы со средним уровнем квалификации. А это значит, что от 60 до 40 процентов необходимого продукта крестьянин должен добирать в своем приусадебном хозяйстве.

Но оказывается, и этого сказать недостаточно. „Сравнение фактического минимального уровня доходов колхозной семьи с рассчитанным минимумом материальной обеспеченности показывает, что в 1960 — 1970 гг. минимальная оплата труда в колхозах с учетом всех других источников семейных доходов (разрядка моя — Л. Т.) обеспечивала воспроизводство рабочей силы на 80—85% от уровня возмещения затрат простого труда в промышленности”.*

Вот и вспомним те тысячи, которые крестьянин получает, реализуя продукты приусадебного хозяйства. Где они? Их едва хватает взамен тех денег, что недоданы в колхозе, что отняты государством.

Ограбленное таким образом крестьянство, казалось бы, обречено было на деградацию и вымирание. Но инстинкт самосохранения силен. До смерти и котенка уто-

---

* М. И. Сидорова. Возмещение необходимых затрат и формирование фонда воспроизводства рабочей силы в колхозах. М., 1972, стр. 187.

пить непросто, а человек-то, люди будут сопротивляться до последнего. На это, впрочем, советская экономическая политика и рассчитана...

И сопротивлялись, учились жить с сорока, и с пятнадцати соток, и с пятнадцати метров земли. Выучились. Живут, карабкаются. До цветных шаров в глазах. Лишенные необходимого продукта в колхозе, добывают его в приусадебном хозяйстве.

Но обратим внимание еще и на то, что, ограбив крестьянина в колхозе, выжав из него соки в своем плановом, гласно-социалистическом тоннеле, власти отпускают его на поправку в систему рыночных отношений. Отпускать-то отпускают, но „на поводке”, ограничив экономический маневр целым рядом запретов и табу.

Минимальный размер земельного участка и связь его аренды с отработкой в колхозе или совхозе, строгий регламент на фураж, отсутствие рынка сельскохозяйственного инвентаря, запреты на интенсивное использование земли, строгий запрет на частные товарищества и кооперативные — все это не дает крестьянину сделаться независимым хозяином. Этот черный мешок запретов мешает рынку развернуться в полную силу, мешает производству напрямую связаться с потребительским спросом. Черный рынок остается под рукой административной власти, которая диктует жесткие условия постоянной эксплуатации крестьянина в колхозе, совхозе и в приусадебном участке.

Но в то же время власти не могут, не хотят, боятся до конца пролетаризировать крестьянина, сделать его лишь наемным рабочим. В конце шестидесятых годов в Латвии местные партийные органы, видимо, сдвинутые несколько в европейскую сторону от центрально-русских методов хозяйствования, распорядились приплачивать колхозникам за отказ от своих участков. Немного, всего по 300—400 рублей в год, но здесь важна не сумма, а тенденция.*

---

* А. С. С т а м к у л о в. Приусадебное землепользование. Алма-Ата, 1972.

Вроде бы все логично: колхоз получает дополнительную землю, увеличивает свои доходы и какие-то суммы из них платит тем, кто от этой земли отказался...

Но нет, не нужны властям ни эта земля, ни эти доходы, которые, впрочем, будут не будут, еще неизвестно. Властям не нужен сельский пролетарий — власть партийной бюрократии не умеет распорядиться его трудом, не умеет создать такие условия труда, чтобы, получая необходимый продукт в виде зарплаты, он произвел достаточное для общества количество прибавочного продукта. Она не умеет организовать производство товаров, ни торговать, она может только отнять уже произведенное. А у пролетария что отнимешь? По крайней мере, куда меньше, чем у крестьянина.

Кроме того, промышленные рабочие обладают неотъемлемыми правами, которые в приложении к крестьянству весьма проблематичны: право на труд, право на отдых, право на жилье. Права, которые гарантируются в том или ином объеме в зависимости от уровня развития производительных сил...

И еще, конечно, право на восьмичасовой рабочий день, которое хоть и нарушается сплошь и рядом, но оно все-таки провозглашено, и нужно искать оправдание, чтобы его нарушить. В деревне же таких прав просто нет и быть не может... Крестьянин во многих случаях хотел бы стать пролетарием!

„По материалам социального обследования в колхозах Нечерноземной зоны затраты времени трудоспособного колхозника в артельном производстве составили 2600 часов, а колхозницы — 2380 против 2000 часов оптимально возможного времени в промышленности”.* Прибавим сюда примерно 1000 часов, которые затрачиваются каждым колхозником в приусадебном хозяйстве, и мы получим представление о реальных затратах рабочего времени в деревне.

---

* В. И. Староверов. Город и деревня. Политиздат, 1972, стр. 80.

Пролетария можно заставить работать и по десять, и по двенадцать, и по четырнадцать часов в сутки, как это и делают на советских промышленных предприятиях в дни ежемесячных, ежеквартальных авралов или в последние месяцы года. Но пролетарию нельзя вообще не дать зарплату, предлагая кормиться где-нибудь на стороне. Ему помногу добирать негде, и если бы власти рискнули регулярно оплачивать труд промышленных рабочих лишь на 40—60%, то поставили бы под угрозу само существование государства. Поэтому советская система трудового нормирования и заработной платы, система ценообразования и распределительная политика советского государства построены таким образом, чтобы рабочий во всех случаях получал свой прожиточный минимум, даже тогда, когда та или иная отрасль промышленности или строительства нерентабельны и для покрытия дефицита приходится соответствующим образом перераспределять общественный продукт.

Так это, например, происходит с жилищным строительством. Колоссальный дефицит жилья власти пытаются хоть как-то компенсировать в глазах общественного мнения низкой квартплатой, которая далеко не покрывает строительных затрат, и в том числе затрат на оплату труда строителей. Правда, недобрали плату за жилище, недодадут и зарплату, снизив расценки, увеличив степень эксплуатации... Государство нам ничего не дает даром.

Равнодушие к сельскому работнику даже и запрягано не очень тщательно, настолько оно кажется властям естественным и непредосудительным. Ему можно заплатить сколько угодно мало, не считаясь ни с какими общественными нормами. Доберет в приусадебном хозяйстве и на черном рынке. И никакой угрозы для государства и партийной бюрократии от этого нет. Напротив, осуждая на словах рыночные отношения, власти на самом деле толкают крестьянина на рынок с продуктами приусадебного хозяйства, и именно за счет рыночного оборота удовлетворяется значительная часть общественных потребно-

стей. А иначе где их взять? Как сбалансировать потребности и возможности? Как отвести интересы общества от крутого столкновения с интересами партийной бюрократии? Без рынка плановый социализм только в теоретических работах ладно катится, но на практике — заклинивает.

Не знаю, успел ли кто-нибудь в Латвии получить те 300 рублей за отказ от земли, да и нашлись ли вообще желающие продаться таким способом в обельное холопство, но инициаторы мероприятия получили по партийному выговору — и поделом! Не руби сук, на котором сидишь, не предавай партийных интересов: без приусадебного хозяйства, без рынка так заклинит...

Крестьянин вынужден трудиться два рабочих дня ежесуточно. Большую часть того, что он зарабатывает в первый день — в колхозе, в системе гласно-социалистической, — у него отнимает государство и распределяет в интересах сохранения существующей системы. Крестьянину не остается ни необходимого продукта, ни права распоряжаться прибавочным...

Тогда начинается второй рабочий день — по законам чернорыночного товарного производства, по законам не г л а с н о г о социализма, — рабочий день, во время которого крестьянин пускает в ход весь свой наличный капитал: рабочую силу — свою, оставшуюся от колхозных трудов, и своей семьи. Он сам определяет здесь уровень эксплуатации: минимум — чтобы не голодать, максимум — чтобы не падать с ног от недосыпа, работая с трех утра до десяти вечера. Сам определяет (в рамках дозволенного) характер производства в зависимости от спроса на те или иные продукты.

Как мы знаем, значительная часть продукта приусадебного хозяйства — от 20 до 90% — реализуется. Крестьянин получает тот или иной доход в зависимости от величины дифференциальной ренты. Но рента — часть прибавочной стоимости. Прибавочные стоимости создаются в прибавочное время. Сколь велико оно в приусадебном хозяйстве? Здесь крестьянин сам себе работник, сам себе и „капиталист”.

Весь этот чернорыночный оборот настолько мал в каждом своем индивидуальном объеме, эта рента, эта средняя прибыль на капитал, это прибавочное время так потешны кажутся серьезным экономистам, что они не берут на себя труд разобраться в них. А может быть, специально отворачиваются, чтобы не увидеть ту очевидную истину, что социализм-то наш живет за счет чернорыночного „микрокапитализма”.

Но и увидев, страются сказать помягче, поглаже: мол, „время, используемое колхозниками в подсобном хозяйстве, нельзя назвать рабочим временем или вторым рабочим днем. Это внерабочее время, обусловленное необходимостью ведения подсобного хозяйства”.* Вне-рабочее время, когда добывается половина всего совокупного дохода семьи колхозника. Какая глупость! А ведь между тем мы и питаемся продуктами, которые произведены крестьянином „во внерабочее время, как бы играючи”...

Впрочем, в самое последнее время напористая реальность заставляет повнимательнее приглядеться к деревне и увидеть хотя бы клочки правдивой картины. „Мы разделяем мнение, что когда личное подсобное хозяйство становится основным источником доходов и оказывается ориентированным, в основном, на рынок, а работа одного из членов семьи в общественном производстве служит лишь средством получения права на ведение такого хозяйства, последнее может рассматриваться как мелкое частное хозяйство”.**

Признаться в существовании мелкого частного хозяйства в стране развитого социализма — уже немало. Такое признание не может не заставить рассмотреть сверху

---

* Б а й к о в а и д р. Свободное время и всестороннее развитие личности. М., 1955, стр. 37.

** В. И. С т а р о в е р о в. Преодоление существенных различий между городом и деревней как составная часть задачи построения социально однородного общества. Социологические исследования, 1975, № 4, стр. 31.

донизу (или снизу доверху) всю систему экономических связей. Признавшись в существовании 40 миллионов мелких частных хозяйств почти через полвека сплошной коллективизации, нужно признаться в полной экономической неэффективности колхозной системы. Но тут же нужно признаться, что колхозы весьма целесообразны политически, поскольку, сосуществуя с мелким частным хозяйством, создают идеальные условия для ограбления крестьянина при помощи черного рынка.

Но, увы, сделав свое чуть ли не революционное для советской науки „открытие“, социолог после нескольких общих суждений заявляет тут же: „Оно (то есть крестьянское хозяйство – Л. Т.) будет сокращаться само по себе добровольным путем по мере развития общественного хозяйства... Обеспечение условий для отмирания этого хозяйства как источника дополнительных доходов позволит ликвидировать наиболее существенные элементы отставания деревни от города”.

И это все? И это значит может рассматриваться? Да не будет приусадебное хозяйство сокращаться ни „добровольным путем“, никаким иным. Как отмечают более сведущие специалисты, для того чтобы колхозы и совхозы полностью удовлетворили в 2000 году растущие потребности общества в основных продуктах питания и вытеснили частные хозяйства крестьян и рабочих, производство мяса должно быть увеличено в 4,5 раза, молока – в 3 раза, яиц – в 18 раз.

Да и этого мало. Экономические аргументы здесь не решают дела – столь быстрый рост сельского хозяйства, может быть, и был бы возможен, если ослабить систему запретов и ограничений, наложенных на хозяйственный маневр. Но нет, частные крестьянские хозяйства будут жить в их сегодняшнем виде до тех пор, пока правящая структура осуществляет свою политику за счет черного рынка. А может ли ее политика быть обеспечена каким-либо другим способом, весьма сомнительно. По крайней мере, именно это и должно рассматриваться.

Не вина крестьянина, что он обречен вести рыночное

хозяйство даже на участке размером с детскую песочницу. А мы, желая понять, в какой стране живем, отворачиваться от его судьбы не вправе. Тем более, что на этих игрушечных участках разворачиваются отнюдь не детские своей жестокостью игры взрослых.

4

Ни летним вечером, ни в праздники на сельской улице не увидишь играющих в домино взрослых, вроде тех, что стучат костяшками во всех городских дворах, скверах и на бульварах. В деревне бездельничать стыдно. И даже эти самые доминошники, собираясь навестить родные сельские места, не берут с собой настольные игры, но так подгадывают отпуска, чтобы помочь родителям или родственникам в огородных работах весной, или на летней сенной страде, или в сентябрьской копке картофеля... А уж сельского-то жителя труды не отпускают круглогодично: ведь на себя работает. Если остановится, кто за него сделает? Кто возместит потери, если пропущен срок полива огурцов или окучивания картофеля? Если летом долго спал, под снегом травы не накопишь. Если гонят стадо, за домино не сядешь — корми, пой, дои, ухаживай.

Механизатор Гаврила Иванович Тюкин по утрам, пока еще не в колхозе, или вечером, уже вернувшись, упорно добывает то, что не отдано ему при расчете колхозной кассой. С топором ли, с косой ли, с лопатой движется он по дням своим от дела к делу, от заботы к заботе. И не один, за ним вся семья. А Нюрка — так и впереди него.

Кажется, и детям он заботливый отец — если жена болеет, сам проверит, как в школу собрались, сыты ли, нет ли прорех в одежде. И Нюрке своей любящий, ласковый муж. И родителям-старикам — внимательный сын: из-за них и колхозником после армии сделался, не поехал на стройки коммунизма, пожалел одних немощных оставлять... Но при всем том ни больных стариков, ни жену до последнего дня перед родами; ни детей — никого он не может освободить от постоянного крестьянского труда.

Впрочем, пусть бы и освободил — никому из них совесть не позволит отлынивать, когда вся семья в огороде или на сенокосе. А без совестливого участия всех в семье им не свести концы с концами.

Могут ли двое взрослых, работая в колхозе или совхозе, вести приусадебное хозяйство достаточно интенсивно, чтобы прокормить семью в пять-шесть человек? Нет, не могут.

Для того чтобы получить урожай картофеля с приусадебного участка в 30—40 соток, двое трудоспособных должны ежедневно трудиться полный рабочий день в течение двух месяцев.* Да уход за коровой занимает полтора-два часа ежедневно, и всякая другая живность внимания и времени требует... Но ведь и от работы в колхозе никто не освободит, особенно летом.** Да в те же летние месяцы и сена надо на зиму добыть, и все остальные заботы оста-

---

* По расчетам специалистов Госплана СССР, затраты труда на производство центнера картофеля в личных подсобных хозяйствах составляют сейчас 2,8 человеко-дня. „Известия” от 14 января 1977 г.

С 30—40 соток приусадебной земли получают урожай около 50 центнеров... В весьма благоприятных условиях Хмельницкой области тратится в приусадебном хозяйстве на производство одного центнера молока — 3 человеко-дня, на откорм головы крупного рогатого скота — 45,5 человеко-дня. См.: В. А. Б е л я е в. Личное подсобное хозяйство при социализме. „Экономика”, М., 1970, стр. 95.

** В Новосибирской области, которая ничем не выделяется среди других сельскохозяйственных областей страны и вполне может быть принята за среднестатистическую, „в 1972 г. по сравнению с 1967 г. средняя продолжительность рабочего дня (в колхозах и совхозах — Л. Т.), по оценкам работников, выросла зимой с 7,8 часа до 8,4, летом с 8 до 9 час... Доля работающих 8—11 час. возросла с 30 до 55%, а свыше 12 час — вдвое... В 1972 г. нормальный рабочий день имела лишь одна треть работников, в то время как остальные две трети в той или иной мере перерабатывали”. Р. В. Р ы в к и н а. К изучению основных направлений урбанизации образа жизни сельского населения. В кн. Современная сибирская деревня. Новосибирск, 1975, ч. 1, стр. 36.

ются. Нет, двоим не хватит ни сил, ни времени. И в больших семьях те, кто зарабатывает право на приусадебное хозяйство — колхозники и рабочие совхозов, — не главные добытчики в своем огороде.

Приусадебное хозяйство — колоссальный комбинат по эксплуатации детей, стариков, инвалидов. Двенадцать миллионов сельских жителей нигде не работают, кроме как в приусадебном хозяйстве, причем из них семь с половиной миллионов — старики и подростки.* Да и остальные миллионы — это, главным образом, люди нетрудоспособные или ограниченной трудоспособности, домохозяйки с большими семьями. Три четверти труда, затраченного в приусадебном хозяйстве, женский труд. Прибавим еще пятнадцать миллионов сельских ребятишек — число школьников без учащихся начальных классов, — и мы получим представление о том, чьими руками создается значительная часть валовой продукции сельского хозяйства, которой в прямом и переносном смысле кормится государство развитого социализма со всем его мощным партийно-государственным и идеологическим аппаратом.**

Факт эксплуатации неработоспособного населения, который замалчивается экономистами и социологами, вдруг просвечивает сквозь писания юристов, которые обязаны точно определить правовую сторону взаимоотношений в сельской семье: „Семья колхозника, в отличие от обычной семьи рабочего или служащего, имеет опреде-

---

* В. А. Б е л я н о в. Личное подсобное хозяйство при социализме, стр. 81, 93.

** „Развитый социализм” подобного типа уходит корнями своими в далекую историю”: факты языка показывают, что древний источник рабства находится в связи с семейным правом. Слово „семия” (по словарю Востокова) означает — рабы, домочадцы... Термины: ...раб (робя, робенец, ребенок), холоп (в укр. хлопець — мальчик, сын) одинаково применяются как к лицам, подчиненным отеческой власти, так и к рабам”. М. Ф. В л а д и м и р с к и й - Б у д а н о в. Обзор истории русского права. Цит. по книге академика Б. Д. Грекова „Крестьяне на Руси”, стр. 132.

ленные особенности, выражающиеся в том, что это не только родственный, семейно-рабочий союз определенных лиц... но такое семейное объединение лиц, которое имеет еще и определенные трудовые связи данных лиц между собой, возникающие у них в силу совместного ведения ими личного подсобного хозяйства.*

Можно и нужно бы сказать еще точнее: семья колхозника — микрокапиталистическое предприятие, где глава семьи вынужден эксплуатировать труд своих домочадцев, чтобы получить в приусадебном хозяйстве максимум прибавочной стоимости и таким образом возместить недополученный ими в колхозе или совхозе необходимый продукт.

Ведется эта эксплуатация, как правило, совершенно варварскими методами, без какого бы то ни было облегчения труда, без механизмов, без применения современных достижений агрономии и зоотехники. Лопата, тачка, мешок, корзина — почти весь инвентарь. В лучшем случае весной за две-три бутылки водки колхозный тракторист вспашет и проборонует участок, остальное — руками.

Один велеречивый партийный болтун заявил: „Хозяйственные функции сельской семьи в советское время в корне изменились. Отпала главная забота — о средствах производства, о лошади, о сохранении плодородия...”** Ну да, забота о лошади отпала — на себе возят. Еще в тридцатые годы был выдвинут лозунг: „Лошадь — угроза социализму”. Ползая по земле на карачках, по-лошадиному таская на себе грузы, сельские бабы социализму не угрожают, все верно.

Государство давным-давно закрыло глаза на то, каким способом крестьянин добывает себе пропитание, сколь тяжело надрывается при этом. Беда ли — заводы

---

* Комментарий к примерному Уставу колхоза. „Юридическая литература”, М., 1972, стр. 239.

** П. Ш е л е с т. Одна сельская семья. (Штрихи к социальному портрету сельского рабочего 70-х годов) „Советская Россия”, М., 1972, стр. 79.

„делают лопаты на целый килограмм тяжелее положенного. Грабли тоже слишком тяжелы... Совсем не делают инструмента для подростков, пожилых людей”.*

Какая страшная картина: на двух сотых всех площадей пахотной земли дети, инвалиды, старики, женщины с лопатами и граблями не по силам дают продукта чуть не столько же, сколько здоровые крепкие люди во всеоружии современной техники получают с остальных девяноста восьмых сотых! Какой тяжелый порок скрыт в этих газетных признаниях!

Правда, в последние годы в пригородных зонах увеличилось число приусадебных хозяйств, ведущих интенсивный откорм скота, умножились парники и теплицы. Возможность получить относительно высокую прибыль заставляет этих микрокапиталистов думать хотя бы о микромеханизации: переделывать домашние пылесосы в огородные опрыскиватели, миксеры приспособливать для сбора крыжовника, изобретать оборудование для выращивания тюльпанов зимой.

Но в массе своей приусадебное хозяйство остается традиционно рутинным. Да и не может быть иначе: на малых земельных площадях, при полном отсутствии техники, приспособлений для ведения столь мелкого хозяйства, есть лишь один способ произвести побольше продукта: увеличить количество затраченного живого труда. За счет занятых в колхозе взрослых ничего не увеличишь — упадут. Значит, побольше работать приходится многодетным женщинам, старикам, инвалидам, детям.

Конечно, никакого разделения труда, никакой кооперации, увеличивающей его производительность, здесь нет и быть не может. Приусадебный участок — не земле-владение и даже не свободная аренда. Право крестьянина на приусадебный участок предусматривает обработку земли лишь семьей самого крестьянина. Облегчить труд семьи можно, только прибегнув к супруге — простой

---

* „Известия”, 14 января 1977 г.

взаимопомощи двух-трех колхозных дворов по принципу: ты — мне, я — тебе. Так малосемейные копают картошку. Так в некоторых районах ведут простейшее индивидуальное строительство.

Но объединение тех же двух-трех крестьянских дворов для более рационального, более интенсивного рыночного хозяйства невозможно — строжайшее табу! При рациональном разделении труда, при интенсивном ведении хозяйства, ориентированного на рынок, капиталистический характер такого объединения был бы ярко выражен, и можно обойтись уже без приставки „микро”. Если придавленные запретами нынешние приусадебные хозяйства успешно конкурируют с колхозами и совхозами, надо ли говорить, что даже элементарное объединение независимых крестьянских хозяйств с гектаром-двумя земли и простейшими механизмами показало бы полную экономическую бессмысленность сегодняшних колхозов. Понятно, что власти на такое не пойдут. Власть партийной бюрократии никогда не признает достаточным основанием для дальнейшей капитализации приусадебного хозяйства даже увеличение продуктов питания вдвое или втрое против сегодняшнего.

Понять политический смысл запретов несложно: сохраняя полуголодный, но гарантирующий безоговорочную власть партийной бюрократии „зрелый социализм”, сохраняя черный рынок, они не дают развиваться открытым рыночным отношениям, при которых нужда во всякой административной власти весьма ограничена.

Вообще всякое добровольное, независимое от существующей администрации колхозов и совхозов объединение частных лиц в советской деревне невозможно — ни на капиталистической рыночной основе, ни на основе коммунистической. В стране, провозгласившей построение первой фазы коммунистического общества, коммуны — то как раз и запрещены. Они существовали еще при царе и в первые годы советской власти, но с началом коллективизации исчезли. Похоронил их лично Сталин: „Лишь по мере укрепления и упрочения

сельскохозяйственных артелей может создаться почва для массового движения крестьян в сторону коммуны. Но это будет не с к о р о. Поэтому коммуна, представляющая высшую форму, может стать главным звеном колхозного движения лишь в будущем”.* Ему неважно было, куда отправлять свои жертвы, в прошлое или в будущее, — лишь бы в небытие, лишь бы не мешались под руками в настоящем.

Коммуны создавались людьми, религиозно преданными коммунистической идее. Такие сплоченные, убежденные коллективы могли оказывать и оказывали серьезное сопротивление советской политике крепостного закабаления крестьянства.

„В известной части коммун проявилась антигосударственная практика, выразившаяся в противопоставлении интересов коммуны интересам государства (чрезмерное увеличение потребительских нужд коммуны, уменьшение товарности и т. д.)”.**

Вот оно в чем дело! Коммунары не хотели становиться рабочим скотом, несущим тягло под понукание партийной бюрократии, скотом со скотским уровнем потребностей.

И тогда их перевели на Устав сельхозартели. И тогда их заставили гнать на работу своих детей и стариков...***

Впрочем, эксплуатация крестьянской семьи как единого хозяйственного организма оказалась такой удобной,

---

* И. В. С т а л и н. Ответ товарищам колхозникам. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр. 351.

** БСЭ, изд. 1-е, т. 33. „Коммуна сельскохозяйственная”.

*** Впрочем, не только в деревне и не только хозяйственное — никакое объединение людей по общему интересу невозможно. Пример тому — многолетняя безуспешная борьба молодежи с партийными властями за „клубы по интересам”, объединения, увеличивающие если не интенсивность общественного труда, то уж по крайней мере, интенсивность общественной мысли, общественной жизни... Такие клубы разрешены лишь при тщательном мелочном контроле со стороны партийных, комсомольских чиновников. Но даже при такой разработанной идейно-фискальной системе удержать клубы под непрерывным идеологическим дав-

что в последнее время широко применяется не только опосредованно, через главу семьи, в приусадебном хозяйстве, но и непосредственно, в колхозном поле. Например, в Чувашии (это я видел в Чувашии, а знающие люди подсказывают, что едва ли не повсеместно) картофельные поля разбиваются на делянки, и каждая крестьянская семья в зависимости от числа наличных душ должна выбрать картофель с большей или меньшей площади. Только исполнение этих барщинных работ (не освобождая от иных, само собой разумеющихся) дает право на попку в колхозе кормов для личного скота и на бесконфликтное пользование приусадебной землей.

Количество наличных душ в семье учитывается по прямому, мистическому значению слова, поскольку важно одно: чтобы душа в теле держалась. Освобождаются лишь паралитики. По крайней мере, в чувашском колхозе „Канашский” семья слепого (он да жена) никаких льгот в этой трудовой разверстке не получила... Заметим, что колхоз этот — среди „маяков” республики. С газетных и журнальных страниц нам его подают как достижение социализма — в каждой области таких лишь пять-шесть хозяйств. Сюда журналистов в о з я т. Механизаторы и доярки получают здесь больше, чем в соседних хозяйствах. Но кто же разберется внимательно, что кроется за плакатными улыбками, чьи незамеченные труды, чьи слезы?

Председатель колхоза „Канашский” — крепкий хозяин, заслуженный агроном, кавалер орденов Ленина и Октябрьской революции, автор книги „Земля и урожай”. Надо полагать, не он придумал эту систему, но с успехом пользуется ею именно он. Много ли их, таких просвещенных крепостников? Надо бы, чтобы страна знала

лением трудно: молодежь стремится к самостоятельности мышления, — и тогда клубы распускаются, а их организаторы подвергаются идеологическим, а иногда и административным репрессиям... Понятно, что удержать под контролем хозяйственные объединения было бы сложнее.

каждого из них — может, тогда постыдятся? Да постыдятся ли? Им райком грехи отпустит...

В иных местах так убирают сахарную свеклу, кормовые культуры. И нам здесь можно заметить, что столь дикая форма отработки не может привлечь крестьян даже видимостью прямого материального интереса — это лишь форма ужесточения условий, на которых предоставляется право на приусадебное хозяйство.

При такой организации труда действуют психологические факторы, хорошо известные еще Марксу, а по его словам, и еще раньше — Фурье: „...Женщины хорошо работают только под диктатурой мужчин, но... с другой стороны, женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы.... между тем как взрослый работник-мужчина настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы”.*

В республиках Средней Азии школьниц двенадцати-четырнадцати лет (почему-то чаще я встречал именно школьниц) заставляют тяжелым кетменем — на килограмм, на два тяжелее нормы? — рыхлить землю колхозного хлопчатника. По многу часов, на солнцепеке, вместо уроков, а иногда и после уроков.

Эта работа, пожалуй, тяжелее, чем выборка картофеля из осенней грязи, столь хорошо знакомая среднерусским школьникам.

В Гатях — среднерусской деревне, где жила и похоронена наша Акси́нья Егорьевна, одна из учительниц местной восьмилетки усомнилась, надо ли включать в программу уроки сельского труда? Ей показалось, что дети и без того знают предмет очень хорошо. Она анкетами опросила школьников и анкеты отослала своему наробразовскому начальству. Все дети ответили, что на уборке урожая картофеля они работают трижды: раз — дома, два — в колхозном поле с семьей, три — в колхозном поле со школой; на сенокосе — дважды: сначала с семьей в лес-

---

* К. М а р к с. „Капитал”, т. 1. Госполитиздат, 1963, стр. 707.

хозе или в другой организации, у которой есть угодыя и можно заработать копешку-другую, потом — в колхозе за „десятый процент”, то есть за право получить одну десятую часть убранныго сена; кроме того, конечно, все иные работы — весной, летом, осенью на приусадебном участке, и круглогодично — уход за скотиной (последнее — не все, главным образом, девочки).

Начальство внимательно изучило анкеты, но уроки сельского труда велело начать. Не потому, что нужны, а потому что с них, с начальства, еще начальство повыше спрашивает. А то — самое высокое начальство, одержимое исключительно гуманными соображениями, издавало приказы, запрещающие детский труд в поле. И теперь все в том же перманентном порыве гуманности заботится, как бы сельские ребяташки не обленились, не выросли бы белоручками.

Но министерские чиновники далеко и высоко, а районные партийные и хозяйственные — близко. И без детских рук им урожай не выбрать, землю не взрыхлить, веточного корма не наготовить. Знают ли об этом чиновники министерские, издавшие гуманные приказы? Да, конечно, знают! Но их чиновничье дело издавать гуманные приказы. А дело наробразовских районных чиновников — исполнять все приказы и из Москвы, и из райкома партии. И в результате, крестьянский ребенок, трижды уже отработавший в разных местах, трижды эксплуатируемый, работает в четвертый раз на уроке труда. На этот раз его эксплуатирует гуманное педагогическое начальство, которое имеет свои дивиденды не в виде сданного картофеля и галочки в хозяйственном плане, но в виде галочки в плане педагогическом.

Экономическая необходимость работать в приусадебном хозяйстве существует многие годы, формируя нравственную атмосферу сельской жизни, и, наконец, закрепляется в обычае, в нравственном императиве. А обычай уже, в свою очередь, требует от человека определенного действия, эксплуатирует его нравственную податливость. А в конечном счете все то же: эксплуатируется труд.

Уже знакомая нам учительница в Гатях как-то жаловалась, что каждую весну и осень, когда начинаются огородные работы, на нее наваливаются огромные трудности: не хватает времени, не остается сил и желания сажать и копать картошку.

В семье у них только двое — она и муж. Оба по двадцать пять лет работают в школе. Оба отдают школе всю душу и все время. Картофельный огород им совершенно не нужен — они зарабатывают достаточно, чтобы покупать продукты... Но тем не менее, каждый год сажают картошку, потом ее окучивают, потом выкапывают. И делают это только потому, что все в деревне так делают.

Попробуй она отказаться от своего огорода, и в деревне это воспримут не иначе как чудачество, а еще хуже — как высокомерие: „Что вы, можно ли добровольно отказаться от земли?!” В деревне не принято покупать картошку, если ее можно вырастить. В деревне нельзя не жить как все... даже если думаешь по-своему. Всеобщность экономическая создает нравственную всеобщность. Существующие порядки кажутся уже естественными и единственно возможными.

Но все-таки экономический императив пока более важен: большинство учителей не имеет возможности купить какие бы то ни было продукты в колхозе или у односельчан, которые, специализируясь на одной товарной культуре, остальные производят лишь для личного потребления. И вынуждены учителя вести свое хозяйство точно так же, как и крестьяне.

Специалистов сельского хозяйства — агрономов, зоотехников, инженеров — продовольственная нужда задевает в меньшей мере, но все-таки и они задеты: „Так, в своеобразных условиях овцеводческих совхозов Казахстана, удаленных от крупных городов, железнодорожных станций, в районах малой плотности населения ведение личного хозяйства особенно необходимо... При анкетном опросе 12 хозяйств выяснилось, что в них все семьи специалистов держат

коров, овец, в некоторых, кроме того, верблюдов и кумысных кобыл”.*

Обстоятельства заставляют. Обстоятельства формируют образ жизни. Образ действий. Образ мышления. Люди не рождаются рабами. Подчинение всеобщности, подчинение глухой необходимости начинается лишь в школьные годы, да и то не сразу. Пока учатся писать, у каждого свой почерк прорезывается. Но со второго класса дети начинают просить в школьной библиотеке „что-нибудь о Ленине — потому что велели прочитать”. Так начинается всеобщий почерк мышления. Он закрепляется всеобщей трудовой повинностью: с четвертого класса выходят в колхозное поле и в свой огород. Слово и дело взаимно дополняются, служа одно другому. Формируется человек... И над его-то собственным словом затоскуешь до крика...

Из домашнего задания ученика 5-б класса гатинской восьмилетней школы Галкина Григория:

„Письмо другу.

Дорогой друг мой Вася!

Я тебе опишу про свой выходной день. Встал я рано, умылся, оделся и помог маме прибрать постели. Потом стал завтракать, позавтракал, и пошли мы копать картошку. Я копал, а сестра выбирала картошку. Было холодно. Немножко замерзла сестра, да и я замерз. Покопались мы. И устали, отдохнули. И стали копать картошку. Мы разогрелись. Вдруг шумит мама: „Идите обедать!” И мы пошли обедать. Пообедали. Пошли рыть картошку. А с обеда время летело быстро. И вот уже подошел вечер. Мы поели. И легли спать. Вот мой прошел день. Вася, опиши ты про свой день.

Твой друг Гриня”.

В детстве я скандировал вместе со своими ровесниками: „Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое дет-

---

* И. В. Макарова. Личное подсобное хозяйство сельского населения в перспективном экономическом и социальном планировании. Целиноград.

ство”. Кого должны благодарить сегодняшние сельские ребяташки?

5

— Спасибо Ленину, — сказала как-то Аксинья Егорьевна, разглядывая его портрет в районной газете, — лицо-то доброе, позаботился о нас...

В другой раз я уже без удивления наблюдал, как в новом здании сельсовета она в пояс поклонилась тому же портрету:

— Царство тебе Небесное... Жизнь-то какую дал — и пенсия, и огород, и в магазине чай да сахар — помирать жалко...

Все хорошо знают, что сегодняшнюю жизнь дал нам Ленин. По его заветам живем. И все видят, что сегодняшняя жизнь крестьянина несравненно лучше той, что осталась в тридцатых, сороковых, пятидесятых. Работается трудно? Так ведь и тогда трудно работалось, а жилось хуже. Кто же помнит, как худо жили еще в начале шестидесятых, когда и в колхозе не платили, и приусадебные хозяйства прижали?

А теперь?.. Мы давно уже забыли, как крестьянин м о ж е т, но хорошо помним, что еще недавно он жил так, как жить нельзя, как жить н е в о з м о ж н о. Из народного сознания давно утратилась память о жизни при НЭПе или, тем более, о дореволюционных временах. Правда под запретом, а ложь безразличная. Но хорошо помнится колхозная каторга в ее худшие годы. От тех мертвых точек и идет отсчет благополучия. Лишенный истории, лишенный опыта предков и знания того, как он мог жить, крестьянин оценивает нынешние дни свои, сравнивая их лишь с худшими днями своей же жизни: „Ничего, дышим!”

Мы же, горожане, оцениваем жизнь крестьянина и во все исходя из представлений, навязанных нам газетами, журналами и бдительно отснятыми и тщательно смонтированными телефильмами. Да еще по базарным впечатле-

ниям: „На Черемушкинском рынке телятину по семи рублей продают! Обнаглели колхозники. Куда же они деньги девают?“

И снова вспоминается тот послевоенный мешок денег, потрясший мое детское воображение. Уж теперь-то в этом мешке и точно сто тысяч.

Кто же не замечает: жить стало легче, ослабили петлю. Сегодня не продувной голод, по городам крестьяне не собираются, с голоду не пухнут и даже на одной картошке не сидят подолгу...

Однако взгляды в сегодняшнюю крестьянскую сытость, в быт крестьянина, в его траты и сбережения. Зная, каковы крестьянские труды, посмотрим, велик ли запас накопился трудами этими?

Запасают деньги — не мешок, конечно, но случись что, на первый момент хватит. Запасают зерно — хлебом-то начали торговать в деревне всего лет десять назад, а возникнут трудности, кого в первую очередь прижмут? Крестьянина. А хлеб да картошка — главная еда... Запасают шифер — когда крыша прохудится, его сразу не найдешь... Наша Аксинья Егорьевна держала про запас бочонок соли. Зачем? Не знаю. Уж что-что, а соль-то всегда в продаже. Может быть, в войну насиделись без соли? Как-то неловко было спрашивать, да она и не стала бы рассказывать о своих запасах, отговорила бы как-нибудь. Без соли нельзя. Городская семья, если и квасит капусту, если и солит огурцы, то лишь для особого удовольствия, поскольку домашнее лучше покупного. Крестьянин ничего такого купить не может. Если не сделает дома, будет без солений, а без них и вечная картошка в горло не полезет...

Горожанин купит подушку в магазине. Крестьянин будет по пушинке собирать ее годы. И чем бережливее хозяйка, тем тяжелее ее подушки и перины... Но на все это нужно время и силы.

Домашнее хозяйство, домашняя промышленность — неотъемлемое продолжение приусадебного хозяйства. Без этих трудов не прожить, а времени они занимают — особенно у женщин — не меньше, чем огород и ско-

тина: в среднем по три часа в день... Где же силы берутся?*

Крестьянин жив постольку, поскольку ведет свое приусадебное хозяйство. Засуха — его личная беда, и тут хоть по былинке, а кормов скоту где-то набрать надо... Колорадский жук, завезенный нерадивыми чиновниками из Польши с импортным семенным картофелем, — его личная беда, ползай на карачках, собирай в банку с керосином. Болезнь скотины — его личная беда, и если гибнет годовалый бычок, готовый на продажу, по нему в голос причитают, так что встревожишься, не умер ли кто из близких?

От всех неожиданностей не застрахуешься, но хоть небольшой запас, а нужно бы иметь во всем.

Хуже всего крестьянину, когда сам заболел. В своем хозяйстве кому бюллетень предъявить. Колхозные гроши, конечно, получишь, и за них спасибо — до 1964 года вообще ничего не давали. Но если колхозного заработка и целиком мало, что там проценты по бюллетеню! Своё добирать и больному приходится.

Аксинья Егорьевна давно как-то жаловалась: так болела, так болела, что и лежать больно было, а позвали в лесхоз косить по болоту, две копейки зарабатывать, — не просто пошла, побежала. Знакомому леснику бутылку купила — спасибо, что позвал. Зимой хоть и здоровая будешь, а сена-то где возьмешь?

Пенсия по старости — двадцать рублей. На двадцать рублей и голодая не проживешь. Но зато как милость

---

* „...52,9% обследованных лиц в течение недели каждый день в среднем расходовали на ведение домашнего хозяйства более 5 часов. Две трети из этого числа составляют женщины... 49,4% обследованных мужчин и 47,3% женщин в течение недели каждый день трудились в подсобном хозяйстве. При этом в общем числе лиц, ежедневно затрачивающих на работы в подсобном хозяйстве от 2 до 5 часов, мужчины составляют ровно половину”. В. Т. Колкольников. Брачно-семейные отношения в среде колхозного крестьянства. „Социологические исследования”, № 3, 1976, стр. 84.

шестидесятилетней старухе оставляют приусадебный участок: пользуйся, старая, ломай спину, авось еще заработаешь. Да и стране твоя картошка необходима, без твоих трудов не обойтись. Социалистическое отечество в голодной опасности. Если сил нет самой обрабатывать землю, зови своих детей-горожан. Они возьмут отпуска или отгулы или так прогуляют, но картошка важна и им, — придут и помогут. Да и сама, конечно, не станешь сидеть сложа руки.

Если кому-то затмило, и не видит он, что крестьянин работает два рабочих дня ежесуточно — в колхозе и в своем приусадебном участке, пусть посмотрит он на сельских стариков: им остался один рабочий день, но лишь потому, что колхозная барщина отпустила их.

Власть равнодушна к судьбе сельских стариков, и они это знают. Но сам о себе кто не подумает? В старость и в болезнь заглядывать боязно — и очень уж страшные лики оттуда смотрят. Пока можно, все хотелось бы лишнюю десятку отложить, застраховаться. Так что крестьянский мешок с деньгами очень похож на нищенскую суму, и не сто тысяч в нем, а пропитание на черный день. Для того, чтобы в такой мешок собрать самое необходимое, крестьянин должен сократить и без того скудное ежедневное потребление, урезать потребности семьи до первобытного уровня.*

---

* „Мелкий производитель гонит на работу детей с более раннего возраста, работает большее число часов в день, живет „бережливее“, урезает свои потребности до того, что в цивилизованной стране выделяется как настоящий „варвар“...” Л е н и н. (соч., изд. 3-е, т. 2, стр. 468—469) здесь комментирует Каутского и Маркса. Много из того, что Каутский сто лет назад писал о западноевропейском крестьянстве, особенно о мелких хозяйствах, применимо сегодня к крестьянству советскому, социалистическому, которое выше уровня вековой давности так и не поднялось. Точная мысль Каутского подсказала мне и название этой работы: „Крестьянское искусство голодать может вести к экономическому превосходству мелкого производства“.

Я понимаю, сказать „крестьянин должен сократить потребности”, неточно. На потребности волевым актом не подействуешь. И если Аксинья Егорьевна говорила, что не знает вкуса чая, то она в нем потребности не испытывала. Но здесь нам терминологические тонкости не важны... Вкус мяса, конечно, все знают, но даже по официальной статистике на душу населения приходится в день чуть более ста граммов мяса и сала. Если же учесть, что от потребления сливочного масла крестьянин дальше, чем Аксинья Егорьевна от чая, если учесть, говоря неловко, но лаконично, что сало — „основные жиры” в крестьянском рационе — на нем жарят картошку, с ним варят щи, и что во время четырех-пяти праздничных застолий мяса съедается немного более ста граммов, то от куска мяса для ежедневного потребления ничего не остается. Впрочем, был ли он, этот кусок?

Официальная статистика, кажется, существует с единственной целью: поглубже запрятать истину. Очень помогает в этом разделение крестьян на колхозников и рабочих совхозов, поскольку вторых можно учесть среди городских рабочих и служащих. Скажем, учитывается потребление мяса и сала на душу населения. Показано: в семьях рабочих и служащих — 51 кг, в семьях колхозников — 37 кг. Но в первую группу входят и рабочие совхозов, потребляющие не больше колхозников, и партийные крупные хозяйственные чиновники, чье продовольственное потребление ограничено лишь физиологическими возможностями. Показатель по группе снижается. Разрыв между различными группами населения не так зияет. А средняя цифра по стране остается без изменений: „Что поделаешь, у нас пока нет изобилия, всем одинаково трудно...”

Но и этого оказалось мало. В последние годы даже и колхозников перестали выделять в статистике продовольственного потребления. Есть общая цифра — в 1977 году, например, показано 57 кг на душу населения мяса и субпродуктов, — и предполагается, что колхозник и начальник сельхозуправления едят одинаково.

Какой изощренный негодяй дал название ресторану, поставленному среди подмосковных дач крупнейших партийных чиновников, — „Русская изба”? Да был ли он когда-нибудь в русской избе? Не в барской ли усадьбе так жрут?

По нормам, разработанным Институтом питания Академии медицинских наук, для поддержания нормальной жизнедеятельности взрослый человек должен потреблять в среднем 81 килограмм мяса и сала в год. В длинном списке продуктов этого идеального рациона лишь картофель и хлеб потребляются крестьянином сверх нормы. Хотя, впрочем, и потребление советских граждан, даже учтенное по методике ЦСУ, сильно не дотягивает до нормы...

Мяса в деревне не только не едят каждый день, но и не каждую неделю появляется оно в рационе крестьянской семьи. Крестьянин и его семья должны обходиться без мяса, должны утолять голод картошкой и хлебом. Должны, потому что поставлены в такие условия, когда иначе никак не могут удовлетворить самые элементарные потребности в одежде, жилье и т. д., как только за счет точно таких же элементарных потребностей в калорийной белковой пище.

Нехватка мяса и белков особенно сказывается на развитии детей и подростков. Школьники-подростки в сельской местности на 10–20 см ниже ростом, чем городские школьники. Исследования разницы умственного развития нигде не опубликованы, да и вряд ли проводились из страха, что реальность заведомо не соответствует пропагандистской болтовне. Однако как косвенное свидетельство нарушения умственного развития можно отметить тот факт, что среди сельских юношей 15–19 лет смертность от психических расстройств в 3 раза чаще, чем среди их сверстников-горожан.* Это психические расстройства, доводящие до такой степени,

---

* М. С. Б е д н ы й. Продолжительность жизни в городах и селах. „Статистика”, М., 1976, стр. 46 и 73.

чтобы обратиться к врачу и быть взятому на позорный (в крестьянском сознании чуть не равный смерти) учет в психдиспансере?*

Содержание даже самых нормальных, настоятельных потребностей, воспитанных всей нищенской жизнью крестьянина, чрезвычайно бедно, уровень запросов низок, самый низкий по сравнению с любыми другими слоями общества.

Скажем, городская семья потребляет 150 ведер воды ежедневно. Попробуйте на два дня прекратить подачу воды в городской дом и предложить его жильцам ведрами таскать воду из соседнего. Это невозможно. Протест едва ли не примет политический характер. Между тем, каждая вторая крестьянская семья таскает воду более чем за сто метров, а некоторые — каждая десятая семья — более чем за два километра. На себе, конечно, таскают: спасибо властям, крестьянину не надо заботиться о лошади, да и угрозы зрелому социализму никакой нет.**

„Согласно данным сельских советов, только 17% обследованных населенных пунктов располагают водой хорошего качества, в 70% вода была удовлетворительной, а в 13% — засоленной или загрязненной”***

Что такое „удовлетворительная” вода из сельского колодца, знает всякий, кто хоть раз бывал в деревне: мутная взвесь, которая оставляет на дне ведра на палец грязноватого осадка. Но этой хоть дай отстояться — и пей. А „загрязненную и засоленную” не выпаришь и не профильтруешь — так и пьют. Не то чтобы привыкли, кто к „удовлетворительной”, а кто к „соленой”, просто в большинстве случаев иной и не знали.

---

* В сознании обывателя любой пациент психиатра — не человек, но нелюдь. Его судьба может вызвать любопытство, но уж никак не жалость, не сочувствие. Именно на этом и строится политика властей, когда они заключают в психушки инакомыслящих — пусть хоть и совершенно здоровых людей.

** Миграция сельского населения. „Мысль”, М., 1970, стр. 313.

*** Там же, стр. 312.;

И никакая санитарная инспекция не в силах решить водную проблему. Санитарный врач может закрыть колодец и оставить деревню совсем без воды. Но он не в силах заставить выкопать новые колодцы, пробурить артезианские скважины. Нет средств, некому строить колодцы, да и желания нет у местных властей заниматься таким строительством.

Большинство колодцев в среднерусских деревнях построено еще в прошлом веке. И с тех пор гигиена пользования ими ничуть не улучшилась, разве лишь срубы несколько раз обновлялись. С местных властей не требуют ни снизу — крестьяне „не знают вкуса” чистой воды, ни сверху — чиновники районного масштаба, а тем более областного или столичного. И вовсе нет нужды беспокоиться о деревенских колодцах. Они и средства выделять не торопятся...

Везет лишь тем селам, где построены большие скотоводческие фермы. Тут обычно бурится артезианская скважина. Скотина получает воду под нос, в автопоилки — за это с руководителей спрашивают. Человек берет из уличного гидранта. И ничего, что вода не приблизилась, хорошо хоть чище стала, хоть не лазают в нее каждый со своим ведром.

Вот как удачно бывает, когда личные интересы совпадают с интересами общественными (с интересами колхозной скотины)...

Организация медицинской помощи в сельской местности заслуживает отдельного исследования. Но, по крайней мере, очевидно, что чем дальше от больницы, то есть чем дальше от крупного села или районного центра, тем меньше возможность получить своевременно помощь квалифицированного врача. И хотя смертность в сельской местности значительно выше, чем в городе, крестьяне обращаются к врачу в два-три раза реже, чем горожане...* Однако в мелких поселках, наиболее удален-

---

* М. С. Б е д н ы й. Продолжительность жизни в городах и селах, стр. 31.

ных от больницы, людей, недовольных медицинской помощью, как раз м е н ь ш е, чем в крупных селах.*
Парадокс потребностей?

Когда Аксиныя Егорьевна болела так, что ей „лежать было больно”, она ведь не к врачу отправилась за пятнадцать километров, да на попутной машине (если, конечно, посадит, а нет — пешком), но в противоположную сторону, и тоже за пятнадцать километров, в болото, косить...

Визит к врачу занимает весь день, а если не повезет, то и с ночевкой застрянешь. Когда нужны анализы или исследования, уйдет неделя. Кто из крестьян позволит себе такую „бесплатную” медицинскую помощь, особенно летом? Да она дороже обойдется, чем недельное содержание личного врача, коль такое возможно было бы.

Аксинье Егорьевне и в голову никогда не приходило, что врач может прийти на дом. Разве что ветеринарный врач — за трешницу либо за бутылку — к заболевшему парасуку. А себе-то она и девчонку фельдшера ни разу не позвала. В последнюю зиму, уже помирала, а все на другой конец деревни брела, в медпункт. И только за неделю до конца, когда совсем слегла, с благодарностью, хотя уже и обессиленным шепотом, встречала фельдшерицу, приходившую колоть морфий... Ей ли, Аксиные Егорьевне нашей, было жаловаться на плохую медицинскую помощь?

Да если и доберется крестьянин до районного города, до больницы, как-то еще его там встретят? Реальное состояние медицинского обслуживания — запретная тема. Но все-таки вот нечаянное свидетельство в журнале „Работница” (№ 5, 1977): „ПОМОЩЬ ОКАЗАНА. Л. В. Неструева из г. Алги, Актюбинской области, написала в редакцию письмо о плохих санитарных условиях в местном родильном доме и о невнимательном отношении медицинского персонала к больным...

Как сообщила редакции заместитель министра здра-

---

* Миграция сельского населения, стр. 298.

воохранения СССР Е. Ч. Новикова, приведенные в письме факты о недостатках в организации родильного отделения больницы г. Алги в основном подтвердились. По результатам расследования жалобы приняты следующие меры: родильное отделение г. Алга, Актыбинской области, переведено в новое помещение, обеспечено горячей водой, необходимым инвентарем; установлено круглосуточное дежурство врачей — акушеров-гинекологов; усилен контроль за санитарно-эпидемиологическим режимом родильного отделения. Л. Н. Неструевой оказана высококвалифицированная медицинская помощь”.

Сколько же времени принимали они — в самой передовой стране мира — роды без горячей воды, без необходимого инвентаря, а по ночам и без акушеров? Много ли таких больниц и родильных домов? Едва ли не все. По крайней мере, я сам слышал, как женщина, плача от обиды, рассказывала, как в одном из московских родильных домов ночью едва не родила ребенка в унитаз, не умея докричаться до уснувших сиделок. Так что вряд ли долго продержится в больнице г. Алги „санитарно-эпидемиологический режим” после того, как столичное внимание проскользнет мимо. Одна отчаянная пожаловалась — „на сигнал отреагировали”, а многие ли знают, что можно и должно иначе — рожать, жить, умирать?

Аксинья Егорьевна вообще никогда никому ни на что не жаловалась. Для того чтобы пожаловаться, нужно осознать себя отдельной, особенной личностью, субъектом права. Реальное право рождает потребность, так же как и настоятельная потребность вынуждает искать права. А какие права знала за собой Аксинья Егорьевна? Никаких. Никаких. Разве что право на свой приусадебный клочок земли — да и то лишь в ответ на обязанность работать в колхозе. И в старости — право на двадцать рублей пенсии. Все. Эти права незыблемы. Остальные, напротив, очень и очень зыбки. Для крестьянина весь кодекс законов заменяется сельским обычаем: „Не хуже людей живем, и ладно”.

Ровесница нашей Аксины Егорьевны крестьянка подмосковного села Уборы, Клавдия Васильевна Юдакова, в течение многих лет работая в колхозе, подрабатывала уборщицей в клубе, получая за то десять рублей в месяц. Деньги, конечно, ничтожные, но когда без мужа растишь четырех девочек, каждому рублю рада. Когда же пришел срок рассчитывать пенсию, оказалось, что ставка уборщицы по меньшей мере на тридцать рублей больше. Значит, ежемесячно у Клавдии Васильевны воровали тридцать рублей. Председатель сельского совета воровал... Но нет, Клавдия Васильевна не пошла жаловаться, не стала искать своих денег, заработанных из последних сил. Спасибо хоть пенсию от полной суммы начислили. А с начальством лучше не связываться, прав не будешь.

Я не стал бы рассказывать здесь эту историю, слышанную мной от самой Клавдии Васильевны, она достаточно ординарна, и если задаться целью, то подобных историй можно было бы насобирать не один том. Мало ли самого дикого средневекового бесправия на необъятных просторах нашей родины? Но село Уборы — оно отнюдь не затеряно в просторах, но находится в получасе езды от столицы и между двумя самыми привилегированными санаториями страны, между „Соснами” и „Барвихой”, к которым без пропуска и подойти-то близко не пускают, чтобы не нарушил кто ненароком покой членов ЦК партии, там отдыхающих.

На том бы и закончить историю о Клавдии Васильевне, если бы не фантастический случай: в „Соснах” отдыхал как-то сам Косыгин и, гуляя, вышел за территорию, оказался в Уборах и встретился с Клавдией Васильевной, которая как раз в те дни переживала раскрывшийся обман. Разговорились. („Я-то с нашими старухами была, а с ним еще какой-то мужчина”). Думаете, жаловалась? Нет, и в голову не пришло. В сельском обычае скромность... О чем же говорили-то? Он их спрашивал, отчего это у молодежи вошло в обычай бегать из села? Он, видите ли, понять совершенно не может...

Обычай — банк крестьянских потребностей. Но банк с весьма ограниченным капиталом. Крестьянская семья может годами пить тухлую колодезную воду, и никто не пожалуется, никто не вспомнит о своих правах на элементарные бытовые услуги: в с е такую воду пьют. В с е едят мясо лишь по праздникам. Н и к т о не помнит, чтобы врач посетил больного. Какие могут быть претензии? Откуда же взяться потребностям?

Современный крестьянин время от времени слушает радио, смотрит телевизор, иногда бывает в кино, читает или хотя бы просматривает ту или иную газету. Но все красивые, справедливые бытовые, нравственные и административные нормы, которые приходят к нему по этим каналам, лишь к сведению. В повседневной жизни руководствоваться ими невозможно.

Как бы сытно и разнообразно ни ели герои телеэкрана, все эти посетители „Русской избы”, зрителю-то больше, чем он обычно ест, больше, чем едят его соседи, а значит, больше и лучше, чем в с е едят, взять негде... Как бы ни были демократичны отношения между начальством и рабочими в кинофильмах, все же понимают, что это так, игра, для времяпрепровождения, а на самом деле-то к председателю колхоза со своими нуждами не подступись — он тебя в упор не увидит, ему некогда, его в райкоме ждут. А возвысишь голос до протеста, он тебя размажет между ладонями: его, уверенного хозяйственника, райкомовского тиуна и ключника, дающего план, никто не тронет, разве что пожурят за неумение заткнуть рот недовольному. Сам же недовольный увидит врагом могущественного заместителя государственной власти... Да нет, до вражды редко кто доходит, разве что самые отчаянные или отчаявшиеся. Такая вражда кончается в лучшем случае тем, что прижмут крестьянина так, что не вздохнет, пока не покается, а в худшем — придется ему проститься с родными местами: примерно пятеро в каждой сотне взрослых мигрантов из села бегут от гнева начальства...*

* В. И. Староверов. Социально-демографические проблемы деревни. „Наука”, М., 1975, стр. 128.

В руках у председателя и право урезать приусадебную землю, и возможность обделить кормами для скота, и много, много иных способов сделать жизнь крестьянина невозможной. Впрочем, крестьянин редко выходит за рамки обычая, а спрсить с начальством, искать прав, конечно, вне обычая.

Обычай не обязательно напрямую эксплуатирует свою жертву, как он эксплуатирует нашу знакомую учительницу, заставляя ее выращивать ненужный картофель. Чаще обычай сказывается в активизации или угнетении тех или иных потребностей. А уж настоятельные потребности заставляют крестьянина искать дополнительного заработка. Но где же его найти, как не в собственном приусадебном хозяйстве?

В огуречном селе Посады, где живет механизатор Гавря Тюкин, в обычае строить большие каменные дома: видом этого села с его сверкающими оцинкованными крышами, мы уже имели возможность любоваться на страницах нашего очерка. Дома и впрямь неплохи, особенно радуют глаз приезжего неожиданные для сельской постройки огромные дачные террасы. Но такая терраса не каждой семье по карману, да и совершенно бессмысленна она, по крайней мере, десять месяцев в году. Но строят и долго еще будут строить именно так. Будут надрываться, искать исчезнувшее в последние годы из продажи цветное стекло, откажут себе в последнем, но построят свой дома, как все строят.

Гавря Тюкин, может быть, и мечтал бы построить что-нибудь попроще, но против обычая не пойдет. И потратив десять лет жизни на строительство своими руками каменного дома под оцинкованной крышей, он из последних сил пристроит террасу, но никак не станет благоустраивать дом внутри. И переедет, по сути дела, из старой закишей избы точно в такую же, разве что более прочную.

И не только потому Тюкин не станет перечить обычаю, что побоится почувствовать себя в одиночестве хо-

лодно и неуютно, но прежде всего потому, что террасу-то он хоть и из последних сил, да все же пристроит, а ни водопровод, ни канализацию, ни центральное отопление ему пока никак не осилить. Обычай хоть и „деспот меж людей”, но все же от экономической реальности не отрывается. Не только обычай диктует, как жить, но и возможности жить так или иначе формируют обычай...

Но ведь есть же другая жизнь! Ведь есть „маяки” — читаем же мы о них в „Правде” и „Огоньке”, читаем и картинки разглядываем. Ведь есть же хозяйства, где работники получают из колхозной кассы поболее иного промышленного рабочего. Они-то хоть не так материальной нуждой зажаты?

Один журналист, демонстрирующий нам социологический подход, — мы уже знаем этого автора как умиленного наблюдателя крестьянского безлошадного счастья (см. выше), — на сей раз, вдохновенно живописуя быт типичной, по его мнению, сельской семьи — семьи совхозного механизатора с ежемесячным доходом при двух работниках 484 рубля, — то есть в два раза выше среднего, — с восторгом замечает: „В общем, теперь семья Александровых расходует на приобретение промтоваров втрое больше денег, чем пять-шесть лет назад...

Солидную статью расходов составило приобретение современных, „модерных” предметов, заменяющих старые, вышедшие из моды: вместо оттоманки, которую отправили в печь, привезли из Ленинграда диван-кровать и т. д.”*

Все правильно, для семьи, еще недавно жившей в полной нищете, для семьи, которая, по свидетельству самого автора, лишь в последние годы смогла приобрести шкаф, стол, стулья, — для такой семьи и диван-кровать роскошь. Дай Бог Александровым спать мягко на этом диване...

Но к чему восторг, коллега? Вы сами-то не на оттоманке спите? Да и стол со стульями у вас, должно быть, не первый год?

---

* П. Ш е л е с т. Одна сельская семья, стр. 97, 75.

Наша Аксинья Егорьевна точнее публициста заметила прогресс в жизни деревни: „После войны бывало, да и недавно еще, идешь по деревне и видишь, как сосед вшей бьет. Ни занавесок, ни подзоров на окнах. Теперь-то куда лучше! Кой у кого и занавески тюлевые...”

Огромному большинству крестьянских семей, доход которых вдвое, а то и вчетверо меньше, чем у Александровых, и вовсе не до модной мебели. Если мы станем измерять уровень жизни и уровень потребностей крестьянина той же меркой, какой измеряется жизнь всего общества в целом, то верхняя половина шкалы нам не понадобится.

И хотя в ином крестьянском доме появился телевизор, трехстворчатый шкаф и даже диван-кровать, уровень жизни и уровень потребностей крестьянина соответствует той, по сути своей мелкотоварной, нищенской, д о к а п и т а л и с т и ч е с к о й форме хозяйствования, которая единственно возможна на приусадебном участке в условиях ограниченного рынка, в условиях административных запретов на частную инициативу в широком масштабе, в условиях крепостнических земельных отношений, столь характерных для общества „развитого, зрелого социализма”.

И надо ли удивляться, что „семьи, в бюджете которых доход от личного подсобного хозяйства составляет заметную долю, не соглашаются на его сокращение даже при условии предоставления им коммунальных удобств (при переселении в казенные квартиры в многоквартирных двух-трехэтажных домах, — Л. Т.)”.*

Но, приняв эту очевидную истину, исследователи потребностей тут же торопятся застраховаться: „Почти во всех селах имеются группы людей, предпочитающие жить в двухэтажных домах со всеми удобствами, не занимаясь уходом за скотом, огородом, не топя печи в течение большей части года”.

Какая мысль за этой фразой? Разве, при всей неразви-

---

* Миграция сельского населения, стр. 311.

тости крестьянских потребностей, есть хоть кто-нибудь, кто предпочитает топить печи, когда — при прочих равных условиях жизни — есть возможность пользоваться центральным отоплением? Разве кто-нибудь находит удовольствие копаться руками в коровьем дерьме и не предпочел бы отказаться от этого занятия при достаточных средствах, при возможности приобрести механизмы, заменяющие ручной труд в крестьянском хозяйстве, при возможности купить мясо и молоко?

Крестьянин может всю жизнь пить „удовлетворительную” воду, но если хотя бы на другом конце села есть чистый колодец, он предпочтет его всякому другому.

Настойчивые опросы, проводившиеся социологами, показывают, что вроде бы 95% колхозников удовлетворены своим материальным положением и работой в колхозе,* но это совсем не значит, что они не предпочли бы иной образ жизни (и иначе поставленные вопросы интервьюеров-социологов), будь у них выбор. Но выбора им как раз и не предоставляют...

Не „почти”, а во всех селах, и не „группы людей”, а все население полностью предпочитает жить по-человечески. Но возможно это лишь в двух случаях: или когда крестьянин станет наемным рабочим, сельским пролетарием в полной мере, и в виде заработной платы целиком получит причитающуюся ему часть необходимого продукта, или когда крестьянин станет фермером и сам, подчиняясь лишь законам и требованиям рынка, распорядится произведенным на ферме продуктом.

Ни первый, ни второй варианты не могут быть реализованы при нынешних социально-политических и экономических условиях.

---

* См., например, И. Т. Л е в ы к и н. „Аграрные преобразования и изменения психологии советского крестьянства”. В кн. „Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе”. Политиздат, М., 1975, т. 2, стр. 373. (Да уж самые славословные авторы очень любят вставлять в название работ и книг слово „проблемы”, хотя непонятно, какие могут быть проблемы, если 95% опрошенных всегда всем довольны?)

Поэтому, продолжая п р е д п о ч и т а т ь жизнь цивилизованную, с коммунальными удобствами и прочими благами нашего века, крестьянин в то же время продолжает топить печи „в течение большей части года” и продолжает вести приусадебное хозяйство.

В противоположность ученым-социологам, крестьянин соразмеряет потребности с реальной жизнью. И поэтому кормит и себя, и социологов, изучающих его предпочтения.

6

В свою последнюю осень Акусьня Егорьевна вдруг решила, что нужно пригласить печника и сложить новую русскую печь, поскольку у старой давно уже обвалился свод, да и по челу прошла такая трещина, что в ней поселились мыши.

И хотя лет уже пять или даже больше изба хорошо отапливалась небольшой конфорочной печуркой, неисправная печь нарушала покой и гармонию крестьянской души. И когда случилось, что какой-то проезжий шофер остановился посреди улицы и предложил, не возьмет ли кто у него за бутылку машину песка, Акусьня Егорьевна велела песок свалить возле дома, и тут уж точно решила, что раздобудет тысячу кирпича и позовет мастера...

Но осенью печь так и не сложилась, зимой такие работы не делаются, да и не до них было за болезнью, а к весне и самой хозяйки не стало. Развалившаяся печь по-прежнему занимала половину избы, но теперь уже не нарушая ничье душевное равновесие.

Однако в начале апреля неисполненное намерение соседки вспомнилось: бесхозная куча песка вдруг возникла из-под снега между домом Акусьни Егорьевны и моим. Вспомнилось и тут же забылось: песок сделался детской площадкой для ребятишек нашего края села...

Не знаю, отчего уж так получилось, но деревенские дети — эти Аленушки, Иванушки, Машеньки из русских сказок — не только теперь иначе зовутся, но и сказок-то не вспоминают в своих играх. Слушая детские разговоры

и различая сюжеты игр на песочной куче, я ни разу не слышал упоминания сказочных зверей или таинственных сил. Впрочем, может быть, дети всегда играли с наибольшей охотой во взрослых, оставляя взрослым сочинять сказки и играть в детей? Не знаю. В Москве трехлетняя дочь моих хороших знакомых, усаживаясь на качели, оставляет с собой свободное место, которое, оказывается, вовсе не свободно, но занято домовым. Он невидим взрослым, но хорошо различим ее воображению: мохнатенький, добрый и еще у него зубы болят... Ребенка с детства научили восприятию сказки.

Но на песочной куче играли не в домового. Крошечная рыжая девочка лет четырех, едва научившаяся правильно говорить, изо дня в день повторяла игру, приводившую в восторг и ее саму, и ее ровесницу-соседку. С детским бидончиком рыжая как бы шла к маме на работу за молоком. Бидончик заполнялся водой или песком. „А теперь давай молоко прятать!“ — говорила рыжая...

Я не сразу понял, что дети играют в то, как они в о - р у ю т молоко на ферме, или, вернее, в то, как они помогают матери воровать молоко, — мать рыжей девочки работала дояркой.

Дети не знают, что значит воровать, для них спрятать „молоко“ — что-то вроде игры в „тепло-холодно"... Но взрослые не знают, что значит — не в о р о в а т ь.

В последнее время даже в партийных кругах все чаще стали поговаривать о колоссальном размере воровства в стране. Называют даже какие-то цифры и данные, добытые органами юстиции и милицейскими ведомствами. Но все это несерьезно.

Во-первых, воровство не укладывается ни в какие цифры, а во-вторых, явление это вовсе не по части карательных органов. Воровство, особенно в сельской местности, стало промыслом, без которого не прожить. Это торговый ряд на черном рынке.

Для крестьянина воровство — продолжение его борьбы за свою долю необходимого продукта, продолжение

приусадебного хозяйства. Крестьянское хозяйство невозможно вести без инвентаря, без хозяйственных построек, без тысячи мелочей: без мотка проволоки — починить на скорую руку плетень, без машинного масла — смазать колеса у тележки, с которой за сеном ходят, без самих этих колес, без гвоздей... Сколько бы мы ни тыкали пальцем, стоя посреди крестьянского двора, в различные предметы вокруг нас, окажется, что почти ни один из них не куплен. И не потому, что крестьянин — тип изначально безнравственный и украсть гвоздей на гривенник ему приятней, чем купить. Просто купить все это негде, ничто из необходимого не продается. Но раз не продается, а хозяйство-то все равно вести нужно, — значит, возвращается...

Нет, все-таки с цифрами в руках проще представить, о чем идет речь: „В 1964 году в среднем на колхозный двор было выдано за работу в колхозе и продано сена и соломы на 37% меньше, чем в 1958 году. В связи с этим в ряде районов страны расхищались общественные фуражные запасы... В 1964 году в колхозах Львовской и Николаевской областей в среднем на хозяйство колхозника было похищено соответственно: сена 85 и 150 кг, соломы 110 и 140 кг”.*

Это единственное в своем роде печатное признание зависимости между производством необходимого продукта и воровством. И у нас есть все основания распространить найденную зависимость на приусадебное хозяйство в принципе.

Кто продаст крестьянину необходимые два-три мешка удобрений? В колхоз за ними не ходи, скажут, самим не хватает. И не без оснований скажут...

А кто украдет, тот и продаст. Впрочем, чаще сам крестьянин и украдет. Воровство пока не стало профессией для каких-то определенных лиц в деревне, как выращивание огурцов для семьи Тюкиных. Общественное разделение труда не сильно коснулось этого промысла,

---

* Т. В. Дьячков. Общественное и личное в колхозах, стр. 57.

к которому как раз и применимо определение „подсобный и личный”.

В магазинах, кроме ведер и лопат, ничего нет. Но все есть в колхозе. Нужны колеса для тележки? Пойди на машинный двор, там наверняка какие-нибудь валяются... Нужна веревка на ворота? Пойди к леснику, он получит свое и отвернется, когда ты ее из лесу потянешь... Нужна машина, дрова привезти, не ходи к председателю колхоза, не даст. Договорись с шофером — тот привезет, украдет эту услугу из колхозного бюджета.

Где бы Аксинья Егорьевна или Гавря Тюкин могли бы купить машину песка, необходимого одной для ремонта печи, другому — для строительства дома? Нигде не купишь. Но можно договориться, чтобы для тебя украли. Вору заплатишь, как заплатила Аксинья Егорьевна тому шоферу.

Впрочем, шофер тоже не подбирался к песчаному карьеру тайно, аки тать в ночи, но подъехал среди бела дня, экскаватор нагрузил машину, и так же среди бела дня шофер поехал по селу, спрашивая не нужен ли кому песок в обмен на бутылку водки.

В магазинах ничего не купишь: чего-то не привезли, а чего-то и в принципе не бывает в продаже. В колхозе не выпишешь, колхозу и самому невеликие фонды выделяются. А что можно бы и уступить частному лицу, то в первую очередь получают люди, которые около председателя кучкуются... И в тоже время все кругом продается и покупается...

Легального рынка товаров и услуг, необходимых в крестьянском хозяйстве, не существует, но действует и процветает колоссальный рынок краденого. И если мы говорим, что основные фонды приусадебного хозяйства оцениваются сегодня десятью миллиардами рублей, то сумму ежегодных краж в сельской местности нужно оценивать миллиардами же рублей и не поднимать потешную возню по поводу того, что, по сведениям МВД, еже-

годные хищения по всей стране отнимают-де у государства двести—триста миллионов.*

И конечно, объект воровства — не только предметы производственного назначения. Если воруют материал для строительства хлева, корма для коровы, услугу ветеринара, то почему бы сразу не украсть конечный продукт — молоко?!

И воруют. Крадут все, что производится на колхозных полях и на фермах — кроме разве живого скота. Впрочем, десятками способов исхитряются воровски забивать скотину и тащат мясо.

И сами крадут, и детей посылают.

Я знаю многодетные крестьянские семьи, где дети начинают воровать с пятилетнего возраста. Да нет, не дети же воруют! Взрослые воруют детскими руками. Скажем, в полном составе семья идет в колхоз работать на току. У каждого в руках по ведру. Нарботать — немного наработают, но перед уходом домой ведро смачивается, к влажным стенкам прилипает зерно...

Самый маленький, конечно, не работал, а так, поиграть ходил со старшими, но и его кармашки плотненько набиты зерном — старшие позаботились. Вчетвером, впятером сходили — полведра принесли.

Доярки обучают детей, и те носят молоко с фермы даже в детской посуде. А уж грелка для сельского жителя — идеальный воровской инвентарь: удобнее предмета для кражи молока не сыщешь.

В послевоенные голодные годы, было время, при входе в деревню обыскивали крестьян, возвращавшихся с полей. Я узнал об этом случайно: женщина, с которой я разговаривал на сельской улице, зло плюнула вслед прошедшему мимо человеку. Оказалось, он какое-то вре-

* Рынок краденых товаров и услуг процветает не только и не столько в сельской местности, но и в городах. Это явление весьма характерно для плановой, зарегулированной экономики. Д. Гэлбрейт, кажется, нечто подобное определил как неприличную возню по поводу дефицита. Нам такая высокомерная позиция не пристала. Нам все прилично. Тем более, что этот рынок является своего рода „приусадебным хозяйством для миллионов горожан”...

мя был тут председателем колхоза и лично ощупывал мою знакомую, нашел спрятанные ею в одежде три морковки, которые она несла детям. Нашел и отобрал... Такое не забывают и через тридцать лет.

Но если взрослые воруют, как работают, — то есть получают некий продукт, который иначе не заработаешь, то дети прежде всего получают моральный урок. И сколько бы потом в школе и в обществе ни проповедовали седьмую заповедь, проповедь лишь будет расшатывать цельное мировоззрение, усвоенное на деле во время невинных детских краж. Но, расшатывая, вряд ли даст взамен что-нибудь столь же прочное, как убеждение, что не своруеть — не проживешь.

В предыдущей главе мы, пожалуй, слишком легко проскочили мимо одного очень важного свидетельства медиков, которое здесь уместно привести целиком: „В 15 — 19 лет в сельской местности, сравнивая с городом, становится заметной более высокая смертность от болезней нервной системы органов чувств (в 2,5 раза), психических расстройств (в 3 раза)... Характерно то, что в этом возрастном периоде нет ни одной причины смерти, которая имела бы более высокие показатели в городах, нежели в сельской местности”.*

Может быть, обостренная чувствительность юношеского возраста до трагических размеров усиливает в сознании разрыв между идеалом, проповедуемым ежедневно и ежечасно по всем каналам информации, и реальностью?

---

* М. С. Б е д н ы й. Продолжительность жизни в городах и селах. Стр. 46. Цитируя, я позволил себе исправить явную опечатку. В В книге последняя фраза выглядит буквально так: „Характерно то, что в этом возрастном периоде нет ни одной причины смерти, которая имела бы более низкие показатели в городах, нежели в сельской местности”. Очевидно, что речь идет как раз о том, что в городах эти показатели б о л е е н и з к и е, что ясно из цифр, приведенных в предыдущей фразе сами автором, и из таблицы на стр. 43 цитируемой брошюры. Или здесь специфическая терминология медицинской статистики?

Может быть, хрупкое юношеское сознание со смертельной остротой осознает ложь, которая еще не понятна ребенку и к которой уже привык взрослый? Увы, на этот счет нет данных, проверенных серьезными исследованиями.

Если человеку приходится ежедневно нарушать общепринятые нравственные нормы, если проповедь, которую он слышит ежедневно, никак не согласуется да и не может согласоваться с единственно возможным способом поведения, слова или теряют свое императивное значение, или рассекают психику человека, разрушают его личность.

Это, кстати, относится ко всему черному рынку в принципе. Все знают, что взятки, спекуляция, воровство безнравственны, но никто не может прожить без взяток, спекуляции, воровства.

И крестьянин прекрасно знает, что воровать — дурно, безнравственно. И ворует.

Крестьянин постоянно слышит, что в советском обществе первая и главная честь — труд. Но его, крестьянина, труд признан общественно нерентабельным настолько, что общество как бы из милости содержит его.

Крестьянин, наконец, слышит, видит в кино и на телеэкране, читает в газетах и журналах, что кругом-то люди живут прекрасно и счастливо. Вспомним семью Александровых, которые купили диван-кровать, и в душу закрадывается холодная тоска, мрачное сознание того, что он — неудачник.

Нравственная ценность идеологии, противопоставляющей некое „светлое будущее” сегодняшней жизни общества, сомнительна сама по себе. „Лишение живущего поколения возможности свободно распорядиться своим имуществом и подчинение его воле давно умершего поколения или правам поколения еще не родившегося, делают для него невозможным участие в работе на благо своей страны, убивают в нем интерес к земле, которая в определенном смысле становится для него чужой”.*

---

* Ж. Симон де С и м о н д и. Новые начала политэкономии. Стр. 277.

Мысль Сисмонди совершенно справедлива и в тех случаях, когда искусственно ограничивается приложение инициативы и капитала ради „планового научного ведения хозяйства”. Утопические идеи умершего поколения, демагогия якобы в пользу поколений, еще не родившихся, а в результате — равнодушие и нищета поколения нынешнего.

Крестьянин, конечно, не так прост, чтобы целиком и полностью поддаться пропагандистскому угару, — а то бы не выжил, — но и не так крепок сознанием, чтобы не чувствовать зудящего разлада между всеобщей поведенью и собственной жизнью.

И хотя в общественных явлениях причина сплошь и рядом оборачивается следствием, мы, видимо, не ошибемся, если свяжем чувство социальной неполноценности с патологией сознания (нервные и психические болезни), с патологией поведения (пьянство, грубость, хулиганство, насилие).

У нас нет гласной статистики преступности, но как подсказывает опыт, в селе средних размеров — на 150 — 200 дворов — ежегодно совершается по крайней мере одно убийство или другое тяжкое преступление против жизни и здоровья человека. Население средней деревни легко расселится в небольшом городском доме на пару сотен квартир. Стали бы горожане спокойно жить в доме, где ежегодно убивают?

Теперь надо бы говорить о пьянстве... О пьянстве надо бы рассказывать много и подробно, и это был бы рассказ о животной тупости семейных отношений, о психически больных детях, рождающихся едва ли не в каждой сельской семье, это был бы рассказ о тяжелых увечьях и поломанной технике, о поджогах, убийствах, и снова о детях, чьи судьбы искалечены в атмосфере всеобщего пьянства. Словом, это был бы рассказ о физическом и нравственном вырождении народа, а мы пока, слава Богу, говорим о том, как народ противостоит вырождению.

Да и подступись к теме пьянства, научных сведений

никаких не сыщешь. Сколько-нибудь систематического изучения пьянства не ведется. Нет такой темы в планах социальных исследований: страна запланированно движется к коммунизму, вырождение происходит внепланово.

Впрочем, если нет пока еще прямого плана на вырождение, то жесткий план на выручку, на доход от пьянства — существует и действует. Государство из всего извлекает свою выгоду, даже из деградации личности алкоголика.

А мы-то думаем, что, хоть напившись, ускользнем от социалистической реальности! Ничего подобного! Нас и здесь догонят. Деньги, которые мы отдаем за водку, не что иное, как косвенный налог с населения. Недаром в закрытом партийном распределителе водку продают по себестоимости — с партийной бюрократии налогов не взимают.

Специалисты утверждают, не печатно, конечно, но конфиденциально, что доход от продажи водки намного превышает нынешние экономические потери от пьянства. Власти от этого дохода легко не откажутся, даже если грядущее коммунистическое общество наполовину будет состоять из идиотов и потомственных алкоголиков. Если в каком-то сельском районе не выполняется план книжной торговли, туда дают вагон дешевой водки...

Водка — первейший товар на государственном черном рынке.

7

В обстановке постоянного материального дефицита и жестких запретов на частную инициативу, когда государство не может и не хочет удовлетворить элементарные потребности человека, все мы чужой волей выброшены на ч е р н ы й р ы н о к, где все покупается: народом — втридорога мясо, одежда, строительные материалы и прочие блага; у народа — втридешева рабочая сила взрослого и ребенка, старика, женщины, а вместе с рабочей силой и вся жизнь работника целиком и полностью.

Человек и сам уже ощущает себя живым знаком черного рынка и на другого смотрит как на чернорыночного партнера... Эти связи, хоть и держат сверху донизу все советское общество, вовсе не исследуются ни социологией, ни социальной психологией. Они замечены лишь в художественной литературе, которая сама по себе — инструмент более тонкий и менее зависимый от директивного руководства, чем общественные науки.

Посмотрим глазами писателя на сельское общество, собравшееся за одним столом, за столом, который вполне мог быть накрыт в любой русской деревне:

„Петр Иванович худых гостей не позовет, не такой он человек, чтобы всякого вином поить. Перво-наперво будут головки: председатель сельсовета да председатель колхоза, потом будет председатель сельпо с бухгалтером, потом начальник лесопункта — этот на особицу, сын Петра Ивановича у него служит.

Потом пойдет народ помельче: пилорама, машина грузовая. Антоха-конюх, но и без них, без шаромыг, шагу не ступишь. Надо, скажем, дом перекрыть, — походишь, поклоняешься Аркашке-пилорамщику. А конюха взять. Кажись, теперь, в машинное время, и человека бесполезнее его нету. А нет, шофер — шофером, а конюх — конюхом. Придет зима да прижмет с дровами, с сеном — не Антохой, Антоном Павловичем назовешь...

Самым главным, гвоздевым гостем сегодня у Петра Ивановича был Григорий Васильевич, директор школы. Его пуще всех ласкал-потчевал хозяин. И тут голову ломать не приходилось — из-за Антонида. Антонида в школе работать будет — чтобы у нее ни камня, ни палки под ногами не валялось.

А вот зачем Петр Иванович Афоньку-ветеринара отличает, Пелагее было непонятно. Афонька теперь невелика шишка, не партийный секретарь, еще весной сняли с прописью в районной газетке, — и когда теперь вновь подымется?”

Да нет, не может быть, чтобы наблюдательная и мудрая Пелагея не поняла, зачем тут Афонька-ветеринар!

А ну как все-таки подыметесь? Если не спился, еще не все потеряно: влиятельные друзья найдутся — и пьяного к должности прислонят.

Партийными секретарями, хоть и бывшими, власти легко не разбрасываются. Афонька — человек посвященный. Вчера был на партийной должности, завтра — на любой другой руководящей работе его увидим. Он хоть и кажется, что только служит крупным хозяевам — райкомовским, обкомовским и тем, что повыше, но и сам хозяин под стать председателю колхоза или председателю сельсовета. Хоть и мельчайший, но хозяин. Власть. Правящая структура. Он на черном рынке не только товары покупает для себя и для семьи, но и дешевую рабочую силу — для нужд государства: с помощью таких афонец крестьянина обворовывают в колхозе и заставляют сверхурочно вкалывать на приусадебном участке.

Что же это за общественная структура такая новая, в истории невиданная — партийная бюрократия? Что мы знаем о ней?

Афонька — государство, его мельчайшая пылинка. Государство — это люди, персонифицированная идея. Или даже один человек — вождь, фюрер, монарх. Кто же у нас в стране воплощает идею социалистического государства? Партийная бюрократия, три миллиона работников партаппарата и примыкающих к нему пропагандистских и репрессивных учреждений. Они правящая структура, охранители стабильности сложившейся социально-политической и экономической системы. Но по мере того, как идея изживает себя, перестает пользоваться каким бы то ни было доверием народа, она теряет преданность и самой правящей структуры. Уже не и д е ю охраняют они, но лишь собственную власть и личные привилегии. Все с большей силой правящая структура проявляет себя на черном рынке не как государственное око, но как лично заинтересованный партнер.

Кто в условиях ч е р н о г о р ы н к а обладает наиболее полным комплексом преимуществ? Кому все это выгодно настолько, что все перемены, всякая инициатива

к переменам — видится как страшнейшее зло? Кто, не умея, не желая разумно организовать хозяйственную жизнь общества, может заставить крестьянина или рабочего идти на черную биржу сверхурочного труда? Кто реально распоряжается наибольшей суммой общественных благ и услуг, каждая из которых рано или поздно, но обязательно становится предметом купли-продажи на черном рынке? Кто распределяет сами доходные должности в системе, эти к о р м л е н и я XX века, сажая на них преданных афонек и пользуясь всеми преимуществами своего положения? Кому, наконец, мясо, обувь, книги продаются не через задние двери магазинов и с наценкой, а попросту в особом магазине и со скидкой? Кто же это? Да конечно же, не кто иной, как профессиональные политики всех мастей и рангов, партийное руководство, никем не избранное, но имеющее всю полноту власти в стране.

Все планы — экономические и политические, — все устремления нынешней государственной власти у нас в стране направлены на то, чтобы сохранить политические и материальные привилегии партийной бюрократии. Это задача номер один, все остальные задачи, включая материальное и духовное благополучие народа, общества, имеют второстепенное значение при разработке планов на будущее.

Привилегий значительно больше, чем может показаться при сопоставлении прямых денежных доходов. Их даже трудно измерить единой мерой.

Можно сопоставить мизерную цену на продукты питания в закрытом распределителе для партийных работников с базарной ценой — для рабочих, но как сопоставить затраты на все продовольствие тех и других, если рабочему часто н е г д е купить мясо, молоко и другие жизненно важные продукты?

Можно сопоставить мизерную квартплату, которую платит партийная верхушка, с огромными затратами крестьянина на строительство собственного жилья, но как сопоставить, какими деньгами измерить пропасть между роскошной квартирой и дачей для чиновника

и ночлежными койками рабочих общежитий не менее как для десяти миллионов бездомных (впрочем, и этих-то коек не хватает всем, и ради них-то — интриги, унижения, подкуп, подлость) ...

За медицинское обслуживание никто не платит наличными, но к партийному функционеру, прикрепленному к спецполиклинике, на дом приедут, чтобы кровь из пальчика взять, а крестьянин и с поломанной рукой будет топтать с десяток верст до ближайшей больницы или до ближайшей автобусной остановки, и ребенка больного понесет...

Уже и место на кладбище дается не мертвому, но живому: чем выше должность в партийной иерархии, тем более благоустроено будет кладбище твое, и могила твоя не просядет, залитая водой, в первое же весеннее половодье, как то на небрежных общих городских усыпальницах, впрочем, городских лишь по названию, поскольку брезгливо отодвинуты они от города подальше, в район свалок и овощных складов.

В замкнутом мире тайной эксплуатации и нечистых экономических махинаций, в который каждый из нас впаян вне зависимости от личной воли и желания, партийная бюрократия занимает положение королей черного рынка, его „паханов”. Сама партийная должность становится чернорыночной ценностью, и за столом у любого Петра Ивановича, где сидят уже не люди, но пилюрама, машина, лошадь, — если и не парторг, мельчайшая сошка, то уж секретарь райкома сядет во главе стола.

Одно только подробное перечисление привилегий и льгот партийной бюрократии составило бы отдельную книгу. Книгу о социальной и экономической системе, где заработанные деньги перестают быть показателем общественного признания, но становятся лишь маскировкой, под прикрытием которой правящая структура отнимает блага без какого бы то ни было эквивалента.

Написать такую работу весьма интересно, но непросто, поскольку экономические границы правящей структуры сильно размыты. Разные ее слои по-разному участвуют

и в присвоении, в распределении прибавочного продукта.

Часть прибавочного продукта идет на научно-технические разработки и исследования, которые, видимо, сами должны бы результатом своим иметь создание стоимостей, создание благ для общества. Но в социалистическом государстве правящая структура, естественно, руководит и общетехнической политикой, а значит, финансирует именно и прежде всего те научные и технологические идеи, которые обеспечивают его стабильное положение: исследования и разработки, связанные с военной промышленностью, — в области точных наук и техники; исследования, помогающие обработке и оглуплению масс, — в области общественных наук.

С партийной бюрократией тесно срослись и техноструктура, те, кто непосредственно руководит производством, и научная интеллигенция, и интеллигенция художественная. Все они получают свою долю прибавочного продукта — тем большую, чем лучше работают на стабильность системы, чем выше их деятельность оценивается партийной бюрократией, которая является единственным заказчиком и покупателем работ.

Очень интересны льготы, которыми пользуются люди, занимающие низшие ступени партийно-государственной лестницы, там, где бюрократия почти смыкается с крестьянством (или крестьянство тянется к бюрократии). Эти льготы и привилегии касаются... ведения приусадебного хозяйства.

„Председатель Лауцесского сельсовета (Латвийская ССР — Л. Т.) имел в колхозе приусадебный участок в размере 0,97 гектара и, кроме того, использовал 1 гектар колхозного клевера под пастбище для личного скота, у председателя Продского сельсовета в личном пользовании находилось 2,11 гектара колхозной пашни”.* Эти двое перебрали и были поставлены на место. Но в принципе использование специалистами и административными работниками колхозов, совхозов, сельсоветов производст-

---

* Г. В. Дьячков. Общественное и личное в колхозах. Стр. 38.

венных фондов тех хозяйств, где они работают, для нужд собственного приусадебного хозяйства — норма. „В настоящее время наибольшие хозяйства имеют руководящие работники, особенно руководители среднего и низшего звена”.*

Если не брать полюсы — скажем, крупнейших работников партаппарата, с одной стороны, и Аксиныю Егорьевну с семьей Тюкиных, с другой, то можно говорить о большей или меньшей привилегированности различных слоев общества, даже различных географических районов. Причем объем привилегий зависит от политических задач партийной бюрократии.

Москва, несомненно, самый привилегированный город страны. Московский рабочий трудится столько же, сколько, скажем, одессит или свердловчанин, но живет в условиях во всех отношениях более выгодных, чем остальное население. И не только из соображений престижа перед Западом, но как надежный оплот власти: недовольства и волнения в столице могли бы возбуждающе подействовать на всю страну.

Именно поэтому продовольствия в Москве продается на душу населения в два раза больше, чем в Одессе или в Ашхабаде (на 547 рублей в год против 286 — в Одессе и 270 — в Ашхабаде).** И поскольку доподлинно известно, что у большинства одесситов нет приусадебных участков, можно смело утверждать, что питаются они хуже, чем москвичи, имея даже в виду, что Москва кормит сотни тысяч приезжих, которые стремятся сюда за продуктами, в том числе и одесситов, хотя от Москвы до Одессы 1526 километров по железной дороге.

Иными словами, если одесский рабочий (или херсонский, рязанский, архангельский и т. д.) производит то же количество продукта, что и его коллега в Москве, то потребляет он значительно меньше. Его политическая

---

* Г. Антонова. К вопросу о перспективах существования личного подсобного хозяйства населения... М., 1975.

** „О продаже и ценах на колхозном рынке”. М., 1975.

поддержка вызывает меньшую озабоченность у правящей структуры, и поэтому именно на его потреблении, на потреблении его семьи, его детей в первую очередь скажутся провалы хозяйственной стратегии партийной бюрократии. Именно он будет вынужден в первую очередь продавать на черном рынке свою рабочую силу: работать сверхурочно, вести подсобное хозяйство... или воровать.

Правящая структура по собственному произволу устанавливает цену на самый главный товар экономической системы: на рабочую силу. И дороже платит той части общества, у которой ищет политической поддержки. Вот крайне важная для нас истина: чем более существенна роль той или иной общественной группы в поддержании государства партийной бюрократии, тем менее ее благосостояние зависит от провалов и успехов в экономике.

Наличие товаров в закрытом распределителе не зависит от уровня их производства в целом по стране. Москва не знает пустых прилавков и в самые трудные годы. Слишком важно для стабильности власти самодовольное благополучие столичного населения.

А уж судьба самой правящей структуры и вовсе никак не зависит от экономических обстоятельств. Экономические неудачи в той или иной отрасли хозяйства редко и совсем не обязательно сказываются на карьере нескольких чиновников. Да и они-то, как правило, лишь чуть понижаются в должности или и вовсе переводятся на аналогичную должность, но по другому адресу. Их отстранение — не что иное, как ритуал, видимость решительного действия в царстве полной хозяйственной безответственности.

Никто ни за что не отвечает всерьез. Никто ничего и не знает сверх цифр последнего отчета, отосланного в вышестоящую организацию. Социологи запросили у партийных и хозяйственных руководителей мнение о прошлых и будущих изменениях деревни и тут же увидели, что „из 545 высказываний только 15 содержат общую оценку происшедших и ожидаемых изменений... Малое

число общих оценок изменений деревни позволяет сделать вывод, что руководители скорее склонны к анализу конкретных явлений сельской жизни, чем к обсуждению общих вопросов о масштабе социально-экономических изменений деревни, их глубине и значении”.*

Они даже сами не понимают, откуда берутся их привилегии, каким образом попадают продукты в партийный распределитель, кем оплачиваются их должностные льготы. Они не знают и не понимают общества, которым руководят: девять десятых из них считают, например, что через несколько лет приусадебное хозяйство колхозников уменьшится в объеме или вовсе отомрет.**

Но что же они тогда есть-то будут? Они и над этим не задумываются. Знают, что пока за ними власть, будут есть, и досыта.

Безответственность, кажется, стала основной чертой хозяйственной политики правящего класса. Она зияет даже в таком важном документе, как Программа партии, где обещано было: „В ближайшее десятилетие (1961—1970) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня”***

С кого же теперь спросить за эти обещания? Не с кого.

---

* Р. В. Ры в к и н а. Мнения руководителей сельского хозяйства о происшедших и будущих изменениях деревни. В кн. „Современная сибирская деревня”, ч. 2. Новосибирск, 1975, стр. 92.

** Там же, стр. 100.

*** Программа КПСС, стр. 65.

Никто ни за что не отвечает. В тех рядах черного рынка, где как товар циркулирует личность партийного чиновника, наибольшим спросом пользуется не умение увидеть глубину хозяйственной и политической перспективы, не хозяйственный талант и инициатива, но дар рабочего исполнительства.

Тот, кто предлагает на продажу именно эти качества, может не опасаться банкротства и разорения, как бы ни обстояли дела на ином, главном рынке, где широко циркулируют хлеб, машины, жилище, рабочая сила. Даже бездарный хозяин, но преданный исполнитель обласкан будет начальством: ему при необходимости и кормление побогаче найдут. Талантливый хозяин, но нелояльный к системе и дня не продержится... Или нет, своим талантом он будет противопоставлен существующей хозяйственной системе. И смят будет, станет жить по законам бездарности, смирится.

Советская система — диктатура бездарности, диктатура страха, который бездарность испытывает перед талантом. Именно страх перед открытыми рыночными отношениями, страх проиграть на рынке — чувство хорошо знакомое, должно быть, каждому из нас — именно этот страх питает во всем мире социалистические идеи. У нас же этот победоносный страх обрел черты государственности...

Конечно, талант с бездарностью легко не разведешь. Тут на первый-второй не считаешься. И того и другого начала в каждом из нас предостаточно.. Важно, какому из них легче выжить, с каким из них легче выжить? Принадлежность к правящей структуре определяется чуть ли не с детства: по данным социологов народного образования наиболее охотно исполняют поручения преподавателей и пионервожатых („занимаются общественной работой”) как раз те школьники, которые не проявляют способностей к математике, филологии, биологии и другим специальным дисциплинам.*

* Социологические и экономические проблемы образования. „Наука”, 1969.

Но ведь из комсомольских активистов вербуются послушные комсомольские функционеры, а те, в свой срок, становятся партийными чиновниками и управляют судьбой своих бывших одноклассников, которые проявили способности к математике, биологии, хозяйствованию...

Талант вынужден служить бездарности и жить по ее законам. И если таланту, чтобы реализоваться, нужен экономический простор, свобода инициативы и демократия, то бездарности реализовываться нечего, ее устраивает черный рынок, система запретов на инициативу, диктатура партийных чиновников.

Как крестьянин, который кормится со своего приусадебного участка, может не заботиться — он и не заботится — об успехах колхозного производства, так и партийный чиновник, кормящийся на черном рынке должностей, может не заботиться об успехах всей экономики. У него есть свой „приусадебный участок” — должностные привилегии и льготы. Ему не нужно думать, чем торговать и на что обменивать, его обязанность — отнять побольше в пользу государства, а уж государство о нем позаботится. Впрочем, он и сам себя не забудет.

Кажется, никакие экономические потрясения не могут поколебать стабильность системы, а значит, и неизбежность привилегий и льгот партийной бюрократии в целом. Ей не грозит разорением экономическая разруха. Ей ничем не грозит разорение крестьян и рабочих.

Замкнутость, ограниченность общественных интересов партийной бюрократии той сферой, где льготы, связанные с партийной должностью, выдаются лишь в обмен на послушание и безропотность (а в конечном счете в обмен на умение блюсти запреты и давить все живое и талантливое) и не зависят от хозяйственной деятельности — сила правящей структуры, но серьезная слабость всей системы в целом.

Феодальные замашки правящей структуры, ее экономическая развращенность и бездарность постоянно гасят те возможности, которыми уже сегодня обладает в стране крупное машинное производство и которое в условиях

хотя бы относительной свободы рыночных отношений дали бы колоссальный толчок развитию производительных сил общества, значительно увеличили бы его благосостояние.

8

Просто удивительно, насколько легко разрешимы любые хозяйственные проблемы у нас в стране. Многим кажется — и это мнение поддерживается официально, — что нужны годы и годы, чтобы „поднять” сельское хозяйство, нужны крупные капиталовложения, техника, кадры. Днепрогэс нужно было возвести, теперь КамАЗ нужно построить. БАМ проложить...

Да ничуть не похоже! Все эти сложности накручены лишь для того, чтобы скрыть правду: достаточно освободить колхозы и совхозы от жестоких административных ограничений и запретов, стесняющих хозяйственный маневр, и тогда крестьянин сам „поднимет” и сельское хозяйство страны, и свою собственную жизнь, да и все днепрогэсы, камазы и бамы и построятся скорее и с большей отдачей заработают...

Несколько лет назад в стране исчез репчатый лук. Совхозы и колхозы не могли покрыть дефицит. И тогда в некоторых южных областях колхозам разрешили сдавать поля в сезонную аренду приезжим из Казахстана корейцам, мастерам возделывать лук. И что же? Урожай и сборы лука возросли в несколько раз в первый же сезон. Как просто!

Испытывая нехватку рабочих рук, руководители наших среднерусских хозяйств стали приглашать, с согласия начальства, конечно, сезонных рабочих из города, гарантируя им твердый и достаточно высокий процент от собранного количества картофеля, овощей или фруктов. Полученные таким образом продукты сезонники продают в городе по базарной цене. Дело настолько выгодное, что привлекает даже хорошо оплачиваемые категории горожан.

И что же? Там, где такая система прижилась, картофель больше не уходит под снег, помидоры не гниют в поле, не пропадают богатейшие урожаи яблок. Чего же проще?..

Но почему только приезжих нанимают для такой работы? Почему лишь приезжим сдают в аренду землю? Неужели корейцы настолько лучше лук возделывают, чем русские крестьяне? Неужели какой-нибудь кандидат наук копает картошку тщательнее, чем сельский житель? Я спросил об этом одного мудрого председателя колхоза в Тульской области:

— А если мы своим колхозникам землю в аренду сдавать станем или четверть собранного картофеля отдадим за уборку, кто же из них по нарядам работать пойдет? Для кого тогда нормы и расценки существуют? Нам что же, распускать колхозы? Нет, воспитательная атмосфера в хозяйстве будет невыгодная...

Да, мы же совсем забыли! Нас воспитывают.

Социализм воспитывает нового человека — так говорится и говорится. Подождем, когда воспитают. Но кто же из наших знакомых к идеалу нового человека ближе? Гавря Тюкин и его жена, которые, отработав день в колхозе, последние силы оставляют на приусадебном огороде? Или Афонька-ветеринар и его товарищи, которые верой и правдой готовы служить каждому новому секретарю райкома, пусть бы он заставлял их делать совершенно противоположное тому, что вчера ими делалось? Может, идеал — Акси́нья Егорьевна, всю свою жизнь безропотно кормившая чиновников, которые продуманно мешали ей нормально жить и работать, — ее фото только после смерти с Доски почета сняли? Или сам Леонид Ильич Брежнев — идеал исполнительного чиновника, чье жите подается нам в сусальной обложке?

Уж мы-то точно дальше от социалистического идеала, чем партийные функционеры. В нашей преданности социалистическим идеям начальство не уверено: нам на каждом столбе, на каждой стене висит напоминание: работай лучше... выполни план в четыре года... нынеш-

ний год работой за двоих... В цехе, в автобусе, в доме отдыха — всюду. Даже в доме призрения одиноких стариков, где каждое утро двоих-троих в морг несут, и тут прочтет при входе: „Поможем Родине ударным трудом...” Даже в психиатрической больнице.

Но нету лозунгов ни в строгих коридорах обкомов партии, ни в зданиях ЦК, ни в санаториях, где отрешаются от повседневности высшие партийные чиновники. К воротам их загородных дач не прибьют табличку „Дом образцового быта”, какие лепят к стенам нищих деревенских изб. Друг другу они никакими глупостями досаждать не будут. Тут н о в ы е люди не воспитываются; кто сюда назначается, того и считают н о в ы м.

Но не надо думать, что они спокойно почивают за высокими заборами своих загородных дач, что размеренно гуляют, обстоятельно питаются удивительнейшей едой из распределителя и в ус себе не дуют, — НЕТ!

Как они вертятся! Как они работают! Сколько совещаний, предложений, постановлений! А ради чего? Да чтобы с земли, впрямую им подвластной, с этих девяноста восьми сотых пахотного клина, получить хотя бы две трети произведенного сельскохозяйственного продукта. Уж хоть бы не меньше!

Они крутятся, не спят ночей, ездят по плохим дорогам, стучат кулаками и ногами, кричат, приходят в отчаяние, заставляя людей трудиться с о з н а т е л ь н о (то есть бесплатно) на этих девяноста восьми сотых земли. И пока они развивают бешеную деятельность, подкрепляя ее лозунгами, знаменами и газетными статьями, прославляющими социалистический труд, на остальных двух сотых земли, на крошечных участках люди тихо и спокойно работают и кормят п о л о в и н у всего населения страны...

Но почему же так? Разве трудно представить себе, какого богатства достигнет страна, если снять сдавливающие запреты на хозяйственную инициативу?

Да нет, конечно же не духовный облик народа тревожит распорядителей хозяйственной политики, когда

речь заходит об экономической самостоятельности крестьянина. Тут интерес более близкий: быть или не быть государству партийной бюрократии? Самостоятельность хозяйственная грозит стать самостоятельностью политической.

В конце шестидесятых годов, в либеральные времена разговоров об экономической реформе один хозяйственный безумец, чье имя стоит запомнить, Иван Никифорович Худенко, уговорил какие-то советские инстанции пойти на „эксперимент”: вместо многочисленных банковских счетов, по которым не только финансируется, но и до каждого чиха контролируется и регламентируется деятельность совхоза, открыли ему один-единственный счет и предоставили самому решать, сколько на что потратить следует.

И что же? Себестоимость зерна в этом совхозе оказалась в четыре раза ниже, чем всюду, прибыль на одного работника — в семь раз, а заработки — в четыре раза выше, чем в других совхозах. Производительность сельскохозяйственного труда выросла в три раза...

Казалось бы, при наших постоянных хозяйственных трудностях Худенко должен бы стать национальным героем. Но нет. „Нам нужна не всякая производительность народного труда”. Худенко вскоре умер, приговоренный к трем годам заключения в лагерях строгого режима.

Судьба его эксперимента поможет нам понять саму суть экономической политики государства. Обратимся к свидетельству участника этой истории, опубликованному десять лет тому назад:

„Я и трое моих товарищей, все инженеры-проектировщики с высшим образованием, встретились с организатором и руководителем эксперимента И. Н. Худенко и предложили ему свои услуги. Скажу, что нам сначала показалось трудно. Выяснилось, что мы совершенно не приучены и не умеем самостоятельно принимать решения, хотя трое из нас работали в должности главных конструкторов и архитекторов проекта. Какие дома строить, из каких материалов? Как строить, какие механизмы при-

обретать в первую очередь? Все это мы стали решать сами. А через некоторое время вошли во вкус, почувствовали себя творцами общего дела, настоящими хозяевами.

Я не знаю, сколько существует... соседний овцесовхоз, но водопровода у него нет и по сей день. А проектируют его уже лет пять-шесть и денег на подрядчиков овцесовхоз потратил уйму. Наше звено строителей проработало в этом поселке меньше года, а вода уже весело зажурчала в кранах наших первых квартир и на все объекты подается. Мы сами построили в несколько месяцев скважину и водонапорную башню — без проекта и без сметы. Смета нам вовсе ни к чему, ведь ни норм, ни тарифов, ни расценок на виды работ у нас нет и агитировать тут никого не надо: чем меньше будут затраты, тем выше заработок каждого...

Получили мы одновременно с хозяйством обычного типа — Бурундайским откормсовхозом — импортные агрегаты для производства травяной муки. Бурундайцы их еще не пустили, а у нас они уже с середины прошлого года нормально работают и дают отличную продукцию. Дело опять-таки в том, что мы не открывали специального финансирования, не искали подрядчика. Сразу взялись за дело и в срок, за который вряд ли можно было успеть оформить все бумаги, смонтировали агрегаты, наладили и освоили производство. Сделали все быстро, но... с нарушением установленной процедуры. Проектировали механическую часть проектанты, хотя и с разрешения своего руководства, но не по плану — внеурочно. Налаживали автоматику самые квалифицированные специалисты также сверхурочно, привозили мы их к себе в хозяйство на субботу и воскресенье. И платили наличными, по договоренности, без норм и расценок, а так, как считали выгодным для дела. Не скрою, переплачивали, видимо, наладчикам в сравнении с существующими тарифами, но зато завод работает...

Когда-то мы спрашивали Худенко, можно ли сделать то-то и то-то, хотя это по действующему порядку не положено, он неизменно отвечал: „Делайте так, как это

наиболее целесообразно и выгодно с соблюдением государственных и своих интересов. Ошибки могут быть, но за них не убьют...”*

Убили.

И с точки зрения защитников системы было за что убивать: Худенко в з о р в а л черный рынок, он пустил в него свет и воздух открытых рыночных отношений.

Смета, норма, расценки — весь этот финансовый механизм, без которого преступно обошелся Худенко, так устроен, что позволяет б е с п л а т н о отнять у работника значительную часть произведенного им продукта, выталкивая его самого на ч е р н ы й р ы н о к. При помощи этого механизма правящий класс отнимает у крестьянина необходимый продукт, заставляя добирать в приусадебном хозяйстве. Механизм этот строго охраняется системой запретов и ограничений, наложенных на хозяйственный маневр.

Худенко же, связав работника прямым материальным интересом с конечным результатом труда, не оставил в хозяйственной практике места для партийной бюрократии — з а п р е щ а т ь стало нечего и о т н и м а т ь стало негде.

Совхоз как бы заслонился от внешних административных властей. Хлеб — пожалуйста. Травяная мука — пожалуйста. А с вашим фискальным досмотром, с вашей полицейской опекой — пойдите прочь! „Кушать — кушайте, а к хозяйке на кухню свой нос не суйте!” — говаривал Худенко.

Административные власти могли только одним способом влиять на положение дел в таком хозяйстве, буде „эксперимент” доведен до конца: снижать или повышать цену на технику, материалы, удобрения... ТОРГОВАТЬ.

Худенко предлагал партийной бюрократии стать торговыми партнерами. А стать торговым партнером — значит, довольствоваться лишь частью прибавочного продукта, оставляя крестьянину тот необходимый продукт,

---

* „Литературная газета”, 18 ноября 1970 г.

который сейчас через завышение нормы и занижение расценки попадает в руки партийной бюрократии без всяких торговых церемоний.

Стать торговым партнером — значит, выпустить из рук абсолютную привилегию власти. Стать торговым партнером и таковым же сделать крестьянина — значит, дать ему свободно дышать, дать ему почувствовать себя человеком, дать ему дорасти до гражданского самосознания — а вдруг и отличного от того образа мыслей, который насаждается партийной бюрократией?

Стать торговым партнером — значит, везде и на всех уровнях общественной жизни соревноваться в том, чтобы как можно полнее удовлетворить материальные и духовные потребности народа, **к о н к у р и р о в а т ь**... Но с кем конкурировать?

Стать торговым партнером — значит, допустить риск возникновения конкурента, допустить риск проиграть в конкуренции; а учитывая многолетний отбор бездарности в правящую структуру, проигрыш почти неизбежен.

Да кто же согласится на такую судьбу? Худенко был наивным мечтателем, жертвенным героем, которому наши потомки, несомненно, воздадут должное.

Но разве нет у нас колхозов и совхозов, где все банковские счета на месте, а производительность труда лишь немногим меньше, чем у Худенко была? Разве нет у нас отлаженных, производительных хозяйств, добившихся экономического успеха в **г р а н и ц а х** существующих административно-хозяйственных порядков? Есть. Но правильно ли мы понимаем, где эти границы проходят?

Приглядимся — и за гласной хозяйственной жизнью, за жизнью **п о д с т а в л е н н о й** нашему взгляду, с подъемом флага в честь лучшего механизатора, с вручением отрезов дояркам на 8 Марта, с трехстворчатым шкафом знакомой нам семьи Александровых, не станет ли нам различима иная хозяйственная реальность — тайная, негласная чернорыночная.

Что поможет нам добыть строительные материалы сверх мизерного лимита? Все знают: подкуп и спекуля-

ция... Что помогает приобрести запасные части, без которых машинный парк с места не сдвинется? Подкуп и спекуляция. Что поможет приобрести бензин и солярку? Сдать мясо на мясокомбинат? Найти железнодорожные вагоны, лес, солому, нужные породы скота, подрядчика на строительство? Подкуп, спекуляция, коррупция.

О существовании этой сферы хозяйствования все хорошо знают, всех и каждого она хоть краем, но обязательно касается. Иной раз и пошире откроется в застольных откровениях пьяного председателя или его доверенных лиц. Но охватить ее общие границы — кому сегодня удастся? Кому удастся различить, как сквозь сияющий образ передового колхоза, созданный фотоочерком в „Огоньке”, проступает черный задник экономической нелегалщины, тайных хозяйственных махинаций, скрытого обмана?

Впрочем, от кого скрытого? Разве что от нас, читателей центральной и местной печати, которым эти колхозы подаются как высшие достижения с о ц и а л и с т и ч е с к о г о хозяйствования. Но не от райкома партии — отсюда все границы видны.

Партийные органы хорошо осведомлены о чернорыночных операциях — если не по частностям, то в принципе. Где надо, они разрешат обойти запрет, где надо — отвернутся, но как только уровень хозяйственной самостоятельности минует ”худенковскую черту” — так и лапу наложат.

Они не боятся черного рынка. Это не страшно, что кто-то с их ведома обходит запреты, лишь бы не стремился их вовсе отменить! Лишь бы не о т к р ы т ы й р ы н о к, лишь бы не административно-хозяйственная самостоятельность.

В условиях открытого рынка партийной бюрократии нечем будет оплачивать свою государственную политику, неоткуда будет изъять те огромные средства, которые практически в любых количествах можно получить через систему тарифов, норм, расценок, культивируя ч е р н ы й р ы н о к как сферу подконтрольной инициативы.

Чем же черный рынок отличается от рынка открытого? В конечном счете тем, что через механизм черного рынка финансируется политика партийной бюрократии, тогда как механизм открытого рынка в первую очередь подталкивает развитие экономики.

Черный рынок — механизм поддержания стабильности политической системы, ее независимости от экономических законов.

Открытый рынок — механизм поддержания стабильности экономической системы, ее независимости от законов политической жизни.

Или рынок, или социализм. Или стабильность экономическая или независимая от благосостояния общества стабильная политическая система. А поэтому все разговоры о рыночном социализме — праздное занятие. Наиболее умные представители государства понимают это. Вот почему партийная бюрократия никогда не разрешит широкую аренду земли, вроде той, что открыта корейцам. Вот почему обречен был „эксперимент” Худенко. Вот почему много разговоров, но мало дела вокруг **б е з н а р я д н о й** оплаты труда в сельском хозяйстве и бригадного подряда в строительстве, которые имеют реальный смысл лишь в том случае, если достигнут уровня хозяйственной самостоятельности худенковского совхоза.

Наиболее умные представители государства прекрасно знают, что социалистическая система не тянет, проигрывает в мировом экономическом соревновании с открытым рынком. Это было ясно уже более пятидесяти лет назад — в расцвет НЭПа.

Именно этот четко наметившийся проигрыш заставил Сталина понять и изречь то, что еще непонятно было Ленину: „Нам нужна не всякая производительность труда...”

Но нет, обыденное наше сознание никак не может взять в толк, почему **в с я к у ю - т о** использовать нельзя? Почему же увеличение производства продукции в три, пять, десять раз не радуется власть имущих? Нам кажется, все можно объяснить, все понять... Ну, хорошо, сидят они над нами, и пусть сидят. Никто на их власть не пося-

гает. Пусть только дышать дадут, узду ослабят... Ведь сами же смогут от большого продукта большую часть иметь...

Ведь не все же там наверху афони, вроде абрамовского героя, есть же умные, знающие люди. Что же они-то не поймут никак?.. Что же никак не найдут разумную грань между полным отрицанием открытого рынка, написанным на знамени социализма, и его использованием для социализма?

Наше обыденное сознание никак не хочет признать, что в тупик залетели, и все ищет, все ищет и, не желая принять истинную причину, ссылается на ложные: мол, во всем воровство виновато — воров бы к стенке!.. Да нет, во всем виновато засилие нацменов... Ищите причину в бюрократизации, в волоките... вредительстве... твердолюбая старость...

В этих суждениях — надежда найти спасительную частность. Пусть, пусть остаются они наверху, пусть только узду ослабят... Думать о переменах страшно. Перемены — с кровью!

До каких же пор в условиях социалистического государства можно освободить рыночные отношения? А насколько можно, настолько они и освобождены — в рамках черного рынка. Здесь вполне можно положиться на инстинкт самосохранения партийной бюрократии, вполне можно доверять ее абсолютному нюху на крамолу — экономическую и политическую.

Случай с Худенко и показывает, до каких пор можно снять запреты, „худенковская черта” есть крайняя граница экономической свободы в нынешних условиях. Дальше вроде бы никто не заходил, да и на этой черте мало кто побывал. По крайней мере, нам такое неизвестно.

„Эксперимент” Худенко, продолжавшийся всего только два года, принес государству более миллиона рублей прибыли, но сам организатор дела был осужден за то, что не сумел отчитаться документально за семь тысяч рублей, потраченных на нужды управления хозяйством.

Смехотворные обвинения! И это несмотря на то, что

„соотношение обслуживающего управленческого аппарата к рабочим в экспериментальном хозяйстве составляет 1:40, а в соседнем хозяйстве 1:3,6”.*

В десять раз экономнее! Да разве действительная экономия интересует нашу правящую структуру? Это была та наглядная экономия, которая грозила пошатнуть существующий государственный порядок. Обещая миллионы прибыли, Худенко ставил под сомнение систему власти.

Те, кто в порыве реформенного вдохновения разрешил „эксперимент”, в последний момент предали его. Все эти „умные”, широкомыслящие, „знающие” партийные работники, которых мы в своем сознании должны противопоставлять пьяному Афоне, отвернулись от него. Мы хорошо знаем, что без санкции партийных органов ни один волос не упадет с головы крупного хозяйственника. Здесь — санкционировали.

Называют и фамилию человека, который вначале поддержал, а потом предал Худенко — член политбюро Кунаев... Нужен был юридический прецедент, чтобы другим неповадно было. И его создали!..

Слово „эксперимент” я всюду писал в кавычках, потому что какой же это эксперимент? Это как раз естественные хозяйственные отношения, проверенные веками. Все остальное и есть исторический эксперимент, продолжающийся уже более шестидесяти лет.

9

Думалось кому-то прежде: социализм — царство светлой справедливости. От каждого по способностям, каждому по труду. Вгляделись, а перед нами грандиозный черный рынок: ты — мне, я — тебе. И способности негде реализовать, и труд остается неоплаченным, и жизнь уходит на суету: где бы чего достать съестного, хоть за тысячу верст, да наготу не мешком прикрыть. Видим:

---

* „Литературная газета”, там же.

социалистическую страну не накормить без сорока миллионов частных хозяйств. Знаем: заводы встанут без сырья и материалов, если не помогут ловкие толкачи-снабженцы, специалисты подкупа и спекуляции. Да что там толкачи — в партийный-то аппарат работать не зазовешь, не подкупая доступом в партийный распределитель, внеочередной квартирой и другими привилегиями и льготами.

О таком ли социализме мечталось? Теперь и партийные теоретики проклинаят того простодушного дурачка, который ляпнул, не подумав: „Уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме“.

Ладно, коммунизм-то объявить можно. Но жрать-то что при коммунизме будем?

Общеизвестно, что планы по темпам роста сельскохозяйственного производства за прошлую пятилетку выполнены едва на 60%. А дальше — лучше ли? За 1976 год поголовье свиней в стране уменьшилось. В том же году колхозы и совхозы произвели мяса на полтора миллиона тонн меньше, чем в 1975 году. В начале 1977 года в московских магазинах появилась новозеландская баранина и, слава Богу, время от времени появляется вновь и вновь.

Публикуя в начале 1979 года ежегодное сообщение об итогах выполнения хозяйственных планов за предыдущий год, ЦСУ вообще опустило какие бы то ни было данные о производстве мяса, молока, птицы... Плохой знак.

На десятую пятилетку запланирован рост производства мяса на 10—11%, но даже если запланированный уровень чудесным образом будет достигнут, не вырастут ли более быстрыми темпами потребности населения?

Партийные чиновники пытаются компенсировать органические пороки хозяйственной системы хорошо известными им методами административного давления. Десятки тысяч совещаний проходят ежедневно на разном уровне. Но достаточно послушать, что говорится на одном из них — методы одни повсюду.

По воле случая от одного из очевидцев мы знаем дословно, что говорилось на весьма высоком уровне:

выступая в феврале 1977 года на совещании секретарей обкомов партии, посвященном проблемам сельского хозяйства, член политбюро — ныне умерший — Ф. Кулаков высказывался в том смысле, что „три шкуры будет драть с тех, кто недостаточно инициативно подойдет к решению вопроса”.

Столь своеобразное понимание инициативы было высказано в связи со снижением интереса некоторых хозяйств к посевам гречихи, которое произошло из-за того, что закупочные цены и приблизительно не оправдывали затрат на эту капризную и трудоемкую культуру.

Несколько недель спустя тот же представительный политик уже на другом совещании заявил буквально следующее: „Мы вопрос ставим так: „Ты не секретарь райкома, если нет овощей в магазинах твоего района...”

Понятно, что по мере приближения идеи от члена политбюро к непосредственному производителю продукта, распорядительный тон будет становиться более резким. Таков административно-феодалный стиль хозяйственной политики во всей его красе.

Но беда в том, что на самом последнем звене бюрократической цепи — разрыв! Крестьянина так не заставишь работать больше, чем он работает, поэтому мы должны серьезно усомниться, что в магазинах страны появится намного больше, чем сегодня, овощей и гречневой крупы. Впрочем, может статься, что появится гречка, но исчезнет, скажем, пшено или еще какой-нибудь продукт, производство которого в какой-то период времени было упущено из личного внимания покойного Федора Давыдовича Кулакова или его преемников.

Иван Никифорович Худенко мечтал в двадцать раз поднять производительность труда в сельском хозяйстве и знал, как это сделать. Знал, как организовать дело, чтобы пять миллионов сельских жителей, которых он предполагал оставить в деревне, — да нет, которые сами остались бы с радостью — кормили бы досыта всю страну...

Все знают, что продовольственная проблема была бы

легко решена... но воспитательная атмосфера будет неблагоприятной.

Да какая там воспитательная атмосфера! Кто же верит этим воспитательным лозунгам и наглядной агитации? Совсем не в воспитании дело: дело в том, что черный рынок грозит перерасти в рынок открытый, где правящая структура уже не сможет с такой легкостью распоряжаться произведенным продуктом.

Нет, „нам нужен не всякий рост производительности народного труда. Нам нужен определенный рост производительности народного труда...”

Да и вообще, не столько производительность народного труда нам нужна, сколько власть распоряжаться произведенным продуктом. И не потребности народа будут определять хозяйственную политику государства. Нет, наоборот — политика правящего класса будет влиять на потребности людей, давить их и ужимать.

Уже сегодня потребности населения в мясе удовлетворяются лишь наполовину, и распределение мяса в крупных промышленных центрах (таких, например, как Ростов-на-Дону, Одесса и многих других) происходит строго лимитированно по месту работы главы семьи, то есть являет нам, по сути, замаскированную карточную систему.

Сейчас в стране производится в год на душу городского населения сельскохозяйственной продукции на 390 рублей, а покупается продуктов питания на душу населения в Москве на 547 рублей, в Киеве — на 415 рублей.. А в Одессе — на 286 рублей, в Рязани, Тамбове, Перми и того меньше. Одесса все-таки центр той южной степной России, которая должна была, по мнению Сисмонди, и вполне могла бы, по опыту Худенко, переполнить рынки Европы дешевым хлебом.*

---

* Приведенные материалы опубликованы в специальном издании „О продаже и ценах на колхозных рынках”, М., 1975. Я уже цитировал эту брошюру-справку, но именно здесь уместно сказать, где ее найти: в спецхране „Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки”. ДСП № 3762.

Но если у крестьянина есть приусадебное хозяйство, где он может добрать необходимый продукт, то как быть промышленному рабочему? А все так же. Все с большей настойчивостью промышленный рабочий вытаскивается на черный рынок, понуждается продавать свою рабочую силу, чтобы нормально жить, нормально питаться...

Здесь нужно пожалеть читателя. Это должно быть очень утомительно, когда разговор все о питании, все о пище земной, а не о духовной, все о жратве да о жратве, все взвешивать да сравнивать, кто сколько съедает, кто сколько потребляет, — кто больше, кто меньше. Не голод же, не катастрофа, не война. Сыты ведь, с голоду никто не пухнет и детей рахитичных не так уже много. Сколько же можно на чужой кусок зариться, в чужой рот глядеть, чужое чревоугодие исследовать?

Тут всякий читатель скажет: да хватит уж об этом! — и тот, кто от пуза живет, и тот, кто в ниточку тянется. Оба и скажут: не хлебом единым жив человек... Один заявит, указывая барственно, другой, стесняясь, оберегая свое человеческое достоинство, нищеты. Н и щ е т а у н и з и т е л ь н а, собственную нищету лучше не замечать. очень уж горько. „Давайте о другом!“ — скажут оба.

А это и есть — о другом. Это разговор об унижении, о развращении рабочего человека, который уже сегодня м о г б ы сделать свою страну изобильной. И не наша вина, что разговор об экономике страны все никак не минует тему элементарного потребления. Тем и живем сегодня, таковы и заботы наши: о куске хлеба заботимся в суете и беспокойстве.

Восемь часов в день должен трудиться рабочий в наше время, чтобы создать все необходимые обществу блага. Шесть или даже пять часов на особо трудных работах. Сорок часов в неделю. Но мы знаем: в стране нет предприятий, где бы рабочие не оставались сверхурочно после двадцатого числа каждого месяца и ежедневно в последние месяцы года. Мы знаем: огромное число рабочих вынуждено искать л е в о г о заработка, х а л т у р ы вне завода или стройки.

Во внеурочное время строительный рабочий предлагает населению услуги по ремонту квартир. Во внеурочное время шофер самосвала предлагает населению рейс с грузом песка или гравия. Во внеурочное время его товарищ по цеху разводит в квартире кроликов и выходит с ними на базар, занимая место рядом с крестьянином.

При этом сплошь да рядом продаются не только товар или услуги, но и ворованные по месту основной работы материалы, инструмент, на время украденные механизмы (грузовая машина, украденная на один-два рейса). Да и время-то не всегда неурочное. Сплошь и рядом рабочий научился обманывать начальство, и в цехе, в официальное рабочее время исполняет л е в ы е заказы.

А как же иначе? Если реальный — на руки — заработок промышленного рабочего 150—180 рублей, а мясо на базаре стоит по 5 рублей за килограмм, картофель — по 40—50 копеек, соленая капуста и та подорожала со времени, когда к ней прицелялась Аксинья Егорьевна, и теперь стоит рубль за килограмм и в будни, — как же иначе? Купить в магазине? Но там не дешевле, поскольку с прилавка в магазине нигде, кроме Москвы, мясо не купишь — дефицит. А если продавцу н а л а п у давать, обойдется как раз по-рыночному. Картофель, может, и свободно есть в магазине, но две трети выбросишь при чистке.

Может быть, поэтому „в снабжении населения картофелем в Баку, Краснодаре, Армавире, Мичуринске, Запорожье доля колхозного рынка занимала 41—48%, в Днепропетровске, Балашове, Одессе — 66—77%...”*

Хорошо, если у горожанина есть родственники в деревне: „Родным (живущим в городах. — Л. Т.) помогают 21% семей без личных хозяйств и 70% семей с наиболее крупными хозяйствами... Участие личных подсобных хозяйств сельских жителей в снабжении городского населения продуктами питания (имеется в виду родственная взаимопомощь. — Л. Т.) пока вообще не учитывается, хотя грубые подсчеты показывают, что объем продукции,

---

* „О продаже и ценах...”

перемещающейся по данному каналу, сопоставим с оборотом колхозного рынка”.*

А если нет ближних в деревне? Если новоиспеченные горожане поторопились выписать в город и стариков, надеясь на лишние метры жилплощади, как теперь они обойдутся? С базара не проживешь.

Нет, промышленный рабочий или строитель за восемь часов еждневного труда, оплаченного по существующим нормам и расценкам, не может заработать достаточно, чтобы кормить семью и существовать самому. Чтобы купить мясо через заднюю дверь магазина. Или сапоги у спекулянта. Чтобы дать взятку там, где это требуется для обретения элементарных благ. Не может. И тогда он в ы н у ж д е н оставаться в цехе сверхурочно. Или, выйдя из цеха, искать дополнительный заработок на стороне. Или воровать. Или тратить время на производство овощей у себя в огороде...

Без этой деятельности вне „планового” рабочего времени, без этой торговли собственным трудом на негласной ч е р н о й б и р ж е ему не прожить. Да и профессиональным политикам не сохранить стабильность системы, не покупая труд рабочего вне „плановой” системы, то есть на ч е р н о м р ы н к е э к о н о м и к и. (Понятие „плановый” не надо бы вообще противопоставлять черному рынку. Все эти чернорыночные отношения тоже з а п л а н и р о в а н ы. Только, понятно, кто же предаст гласности такие п л а н ы?)

Сколько же надо платить рабочему, чтобы он мог заработать за восемь часов труда нормальное существование себе и своей семье? Увы, у нас в стране нет сколько-нибудь реального понятия о с т о и м о с т и р а б о ч е й с и л ы. Экономисты, которые пытались ввести

---

* Т. П. А н т о н о в а, К вопросу о влиянии размеров личных подсобных хозяйств на занятость сельского населения, досуг и материальное потребление. В кн. „Современная сибирская деревня”, ч. 1, стр. 140... И это все с тех же полутора-двух процентов пахотной земли!!!

это понятие и проанализировать его, проанализировать движение рабочей силы как товара, неоднократно биты защитниками официальных научных канонов и стали едва ли не самыми распространенными отрицательными персонажами производственных романов и повестей.

Вот только что опубликованное подцензурное свидетельство: „Нет ни одной монографической работы, в которой хотя бы предпринималась попытка проанализировать рабочую силу как экономическую категорию в целом и при социализме, вскрыть как материально-вещественное, так и социальное ее содержание.

Не решены еще и многие частные вопросы, в своей совокупности составляющие проблему рабочей силы. Многие из них пока что едва намечены, а некоторые даже не поставлены. Среди последних — вопрос об особенностях рабочей силы в эпоху развитого социалистического общества.

В научной и учебной экономической литературе на этот вопрос имеется один-единственный ответ — она перестала быть товаром. Положение, конечно, бесспорное...”*

Признав это положение бесспорным, и сам обличитель советской экономической науки ни на шаг вперед не продвинулся.

Рабочая сила — товар. И это хорошо знают те, кто стремится взять ее подешевле. Здесь мы можем привести пример, который косвенно покажет нам отношение советского руководства к стоимости рабочей силы.

Речь идет о послевоенном восстановлении завода ”Запорожсталь”, с которым связана биография Л. И. Брежнева: ”Многим тогда казалось, что проще и дешевле было бы подорвать уцелевшие конструкции, разобрать их полностью, а затем уже строить завод заново. Так и рекомендовали поступить специалисты из ЮНРРА — международной организации, занимающейся помощью странам, которые пострадали от фашистского нашествия.

---

* Б. Л. Цыпин. Рабочая сила и ее особенности в период развитого социалистического общества. М., 1978, стр. 5.

Побывав в Запорожье, они в один голос заявили, что восстановить разрушенное вообще невозможно, а если кто и решится на подобный эксперимент, то потратит на это больше средств, чем на строительство нового завода. Однако страна остро нуждалась в тонком холоднокатаном листе, производство которого должна была обеспечить первая очередь „Запорожстали”, и советские люди опрокинули все прогнозы и предсказания иностранных специалистов”.*

Позвольте, да какие же прогнозы опрокинулись?! Попросту вопрос дороже или дешевле влечется. Нужно! Потратили больше средств, чем на строительство нового завода? Да каких средств-то? Рабочая сила почти бесплатная ведь.

Иностранные специалисты вообще очень часто попадали впросак, оценивая те или иные экономические возможности нашей страны. Они исходили из факта определенной стоимости рабочей силы.

Между тем стоимость рабочей силы в стране на практике оценивается весьма приблизительно и субъективно в зависимости от того, как правящий класс понимает общественную необходимость. Общественно-необходимая норма удовлетворения индивидуальных потребностей в некоторых случаях может понижаться до бесконечности, до лагерной пайки.

Оставим при этом в стороне тот аргумент, что, мол, „страна остро нуждалась”. После войны все страны остро нуждались, и восстановление хозяйства, скажем, в Западной Германии шло не менее высокими темпами, хотя там рабочая сила — товар отнюдь не самый дешевый. А может быть, как раз поэтому?

Не только в годы послевоенной разрухи, но и до сих пор, будучи полновластными распорядителями черного рынка, хозяйственные руководители страны вынуждают рабочего продавать свой труд за бесценок, вынужда-

---

* Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк. М., 1976, стр. 47.

ют его работать значительно больше восьми часов. Причем, приобретая сверхурочный труд рабочего, высокопоставленные покупатели так являют дело, что нам кажется, будто это сам рабочий плохо работал положенные восемь часов и теперь должен наверстывать упущенное, поскольку „страна нуждается”.

Достигается это при помощи все тех же норм и расценок: за все труды ему платят столько, сколько должны бы заплатить за восьмичасовой рабочий день. Не останешься сверхурочно — не проживешь. А все попутные лозунги о нуждах страны — это чтобы суть прикрыть. Если бы действительно нужды страны в расчет брались, все хозяйство иначе организовано было бы.

Нет, производительность неоплаченного труда расти не хочет. Щедрость и многотерпение рабочего не бесконечны. И если рабочую силу регулярно использовать, не возмещая ее общественной стоимости, человек начинает работать значительно ниже своих возможностей...

Именно это и происходит у нас в стране. Причем так явно, что даже партийные чиновники заметили этот процесс: „Довольно много руководителей указали на то, что за последние 10—15 лет изменилось отношение работников к труду. Если критические высказывания о технико-экономических аспектах производства единичны, то об отношении работников к труду доля критических высказываний значительно выше”.* Эта обратная связь, пожалуй, самая важная черта сегодняшней экономической реальности...

Похоже, что рабочий и крестьянин живут сегодня почти одинаково. Но если жизнь крестьянина мы смогли хоть как-то проанализировать, используя данные и цифры открытой советской печати, то никакой серьезный анализ положения рабочих нам недоступен.

Один остроумный француз заметил: „Рабочий мир настолько утратил свою индивидуальность, что из всех

---

* Р. В. Р ы в к и н а. Мнения руководителей сельского хозяйства... стр. 95.

слоев советского населения о нем мы знаем меньше всего. Нам известны подробности жизни в лагерях, но жизнь на заводах остается почти полной тайной”.

И это резон сказать не только французскому советологу, но и нам, жителям городских кварталов, вплотную примыкающих к заводским корпусам.

Нигде не найдете вы статистики сверхурочных работ в промышленности и строительстве. Сами эти сверхурочные работы тщательно скрываются. Еще бы! Ведь партийная бюрократия хоть как-то, хоть косвенно может признаться, что крестьянство принесено в жертву интересам пролетарского государства, но кому в жертву отдан сам рабочий, от имени которого правящая структура руководит страной?

Да нет, не в том беда, что социализм выглядит не так, как мечталось: может ли он вообще выглядеть иначе? Беда в том, что перед нами безрадостная хозяйственная перспектива.

Посвящая многочасовые говорения на Пленумах ЦК партии тому, в конечном счете, как повысить производительность плохо оплаченного труда, Брежнев никогда не забывает сказать о необходимости для крестьян, а в последнее время и для рабочих, вести приусадебное хозяйство. Но нет, личные хозяйства рабочих и колхозников с их техникой, переделанной из миксеров и пылесосов, с их ворованными строительными материалами не поднимут сельского хозяйства страны. Делая ставку на дальнейшую интенсификацию приусадебных хозяйств, правящая структура вновь устраняется от необходимости радикальных перемен в экономике. Страна нуждается не в „Говариществе огородников и садоводов”, а в развитой аграрной индустрии, где сполна оплачивался бы весь общественно необходимый труд..

Впрочем, здесь разговор о нуждах страны заставит нас повторять то, что сказано выше.

Простимся с Аксиной Егорьевной.

Ее портрет сняли с Доски почета. Она свое отработала.

В апреле я сколько мог следил за ее домом, старался отвести весенние ручьи, чтобы не залило подвал, даже и сам в подвал слазил, посмотрел, не сочтется ли где, а как сошел снег и прошла большая вода, поставил рухнувший было плетень, ограждавший ее огород со стороны улицы. Думал все, что кто-то из ее дочерей придет либо дом продавать, либо еще напоследок огород засадить.

Но не знаю, как это бывает, а без хозяина дом, и вправду, сирота. То ли я плетень плохо поставил, то ли еще где были дыры, но на участке стали появляться чьи-то голодные овцы, бродячие свиньи и целый выводок шумливых гусей. Никто из родственников не ехал, и я уже с печалью предвидел, как на будущий год участок зарастет сорняками, амбар покосится и через огород мальчишки протопчут дорожки по всем направлениям...

Но все оказалось иначе.

В середине апреля ко мне пришел колхозный скотник. Он хоть и жил через улицу, но мы были мало знакомы. Я знал только, что у него восемь детей, и всех этих мальчиков и девочек я всегда отличал от других деревенских ребятшек, но не мог отличить друг от друга — такие они все были рыжие и веснушчатые, в отца.

— Вы на участок претендуете? — спросил он.

— На какой?

— На Оксин.

— Нет, не претендуем.

— Тогда я его займу, что ли, — как бы безразлично заметил он. Но уходя, не выдержал безразличного тона. — Земля тут больно хороша. Раньше конный двор был — на два метра унавожена. Оксе повезло в жизни... Тут картошка пойдет. — И он вышел радостный, что ему досталась такая земля, что ему тоже повезло в жизни.

Москва

**ПОСЛЕДНЯЯ
НАДЕЖДА
ВЫЖИТЬ**

ГДЕ НАМ ИСКАТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ?

Мы живем в государстве, будущее которого туманно. Куда мы движемся? Что будет с нами через три-пять лет? Ответа на эти вопросы сегодня не знает никто, и даже руководители страны не знают. Будущее время как бы вовсе исчезло из политического языка лидеров.

Нас даже перестали обманывать скорым благодеянием. Прямо и цинично нам было заявлено: что есть, то есть, и другого ничего не ждите... А что есть-то?

Темпы роста советской экономики падают год от года, и ожидается, что годовой национальный доход, который уже и теперь упал до 2%, будет и дальше сокращаться. Нас ждет застой и обнищание в общегосударственном масштабе...

В стране, богатейшей в мире по своим природным ресурсам, не хватает элементарных продуктов питания, одежды, предметов первой необходимости; миллионы семей не имеют мало-мальски сносного жилья. Цены тайно, но неудержимо растут...

Как нам жить? Застойный характер имеет и политическая жизнь в государстве, существующем уже две трети века и давно миновавшем пору становления, т е р р о р остается основным методом политического правления... Политическая нетерпимость оказывает дурное влияние и на общественную и нравственную сферы: в обществе,

имеющем богатейшие духовные традиции, ложь становится нормой поведения; мертвенный цинизм, пьянство, разврат, наркомания — эти явления широко распространились у всех на виду... Что же будет дальше?

Когда в 1939 году Сталин обещал процветание и обещал в десять—пятнадцать лет догнать и перегнать развитые страны по уровню производства, этому не то чтобы верили, но понимали, что право на заявления такого рода у него было: в силу целого ряда причин (впрочем, от Сталина не зависящих) темпы роста промышленного производства в стране были в пять-шесть раз выше, чем в США. Если его обещания и воспринимались сведущими людьми как обман, то как обман заданный и хорошо рассчитанный — обман сильного политика, оправдывающего кровавый террор ради некоей (а вдруг и благой) цели в будущем.

Когда в голодном 1962 году Хрущев заявил, что вот-вот догонит Америку по производству мяса и молока на душу населения и что уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, мы смеялись, но понимали, что динамика общественных и экономических процессов после XX съезда чрезвычайно высока. Что он там имеет в виду под словом „коммунизм“, это было его дело, но развитие общества к лучшему было весьма вероятно...

Брежнев уже не только не сулил догнать Америку, но скромно обещал хотя бы перестать покупать зерно в Америке. И ему никто не верил. Сама модель общественной и экономической жизни страны, которую предъявили населению Брежнев и его сопративители и которую теперь продолжают поддерживать наследники, лишена динамики. В ней нет даже, пусть обманчивой, надежды на благие перемены.

Куда мы двинемся теперь?..

Дело тем более осложняется, что, не умея решить внутренние проблемы, власти в то же время упорно придерживаются амбициозной и наступательной внешней политики: в одной горсти они хотят удержать и свой народ,

и народы Польши и Афганистана, а если можно, и другие, и другие, и другие.

Так открывается альтернатива нынешнему застою еще более страшная, чем сам застой — в о й н а. И мы неуверенно приближаемся к моменту выбора: или — или. Причем надежда на благое решение тает день ото дня...

Но без надежды на перемены к лучшему — хотя бы слабой, хотя бы мифической надежды, какую постоянно стремились поддержать в советских людях прежние правители, — без этой надежды неблагоприятное настоящее воспринимается не как жестокая необходимость, а как тупая бессмыслица. Когда же впереди маячит опасность войны, то кажется, что мы и вовсе катимся в бездну.

Все это порождает в стране глухое недовольство. Всякий раз, когда оно прорывается наружу, его удается подавить, но снять а т м о с ф е р у недовольства власти не в силах. И это чувство, эта атмосфера все более и более осознается, все более и более проявляется в общественном мнении.

Сегодня уверенно можно сказать, что о с о з н а н и е обществом своей оппозиции власти — важнейший социальный и духовный процесс современной России.

Процесс-то, может, и есть, а спросить о нем некого — в редакцию „Правды” письмо не напишешь, на телевидение не позвонишь. Может быть, по западным „голосам” что рассказать могут? Мы бы и сквозь глушилки различили... Но нет, с Запада нам не подскажут. Там они тоже традиционно смотрят на советскую политику как на монопроцесс бытования и развития коммунистической идеологии или, в лучшем случае, как на противоборство неких сил в истеблишменте, или уж и вовсе как на тайный процесс развития кремлевских интриг в борьбе за власть. Широкая оппозиция общества им не видна.

Во всех теоретических построениях общество если и присутствует, то где-то на нижних уровнях рассуждений, и представляется чем-то вроде колоссальных размеров птенца, раскрывшего ненасытный клюв в ожидании пищи.

И кажется, что у отцов государства одна великая забота — накормить ненасытное чадо, которое само никак не может повлиять на собственную судьбу.

Иными словами, наблюдатели видят только то, что выставляется им на погляд: идеологическую доктрину в действии. А под ней есть ли что незадавленного?

Конечно, заявить, что общество целиком и полностью прониклось коммунистическими идеями и руководствуется ими в своей жизни, не решаются даже самые слепые. Остается признать, что общество попросту подчинилось правящей доктрине и ныне мертво в духовном отношении.

Но если это так, тем более надо бы кричать о страшной опасности человечеству: духовная смерть четверти миллиарда человек и в статистическом своем значении — гибельное явление, а если это омертвление великого народа — быть великим бедам! Сила великого народа, оседланная дьяволом, без труда сотрет человечество с лица земли...

Впрочем, все ли так беспросветно? Может быть, все-таки есть хоть какая-то надежда выжить? Приглядимся внимательнее... Может быть, все-таки оппозиция общества не привиделась нам? Может быть, есть у советских людей свое мнение о жизни, отличное от мнения Андропова? Может быть, мы в конце концов здесь, дома, найдем, кому задать наши вопросы, и получим ответ, где же именно нам искать свое будущее...

Да и кого же еще нам начать спрашивать, как не самих себя.

НАЙТИ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Живы мы духовно или нет? По первому взгляду — нет, ничего живого не осталось: ни мнения, ни сомнения... Представление о том, что у нас в стране нет и не может быть общественного мнения, не только полностью соответствует правящей идеологии, но и старательно насаждается ее аппаратом. Ведь с самого начала советское государство и было

задумано как инструмент подавления общественного мнения, как д и к т а т у р а — и давили, и диктовали свою волю народу. Ужели теперь, через шестьдесят пять лет кто-то может усомниться, что раздавили-таки?

Еще в конце тридцатых годов Сталин с удовольствием докладывал: „В 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали советской власти 98,6% всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Роголец, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали советской власти 99,6% всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки „разложения” (а о разложении правящей верхушки поговаривали наивные западные наблюдатели, — Л. Т.) и почему это „разложение” не сказалось на результатах выборов?”*

Добавим, что в те же сроки было уничтожено еще, как минимум, полмиллиона человек — расстреляны, забиты до смерти на следствии, заморожены на лесоповале, утоплены в реках Сибири, уморены голодом — и ничего! никакого видимого движения общественного мнения, выражением которого должны бы быть выборы.

Да что там Рыков, Бухарин, Тухачевский! Их судьба была, в общем-то, безразлична простому русскому человеку. Но вот ведь немного прежде того, в коллективизацию, прямым административным и судебным репрессиям — вплоть до расстрела! — было подвергнуто не менее пяти миллионов человек, а под санкции косвенные, экономические, подпала и вовсе большая половина всего населения страны, и что же?!

Уже и выборы 1933, 1934 и других годов показали „высокую политическую активность” советского народа и его „единодушную поддержку мероприятий партии и правительства”, уже и тогда 98—99% голосовавших — „за”.

---

* И. С т а л и н. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 630.

Что же из этого следует? Полная политическая и нравственная апатия целого народа? Духовная смерть великой нации?

Вот изменились времена, настала хрущевская „оттепель”. Не то чтобы репрессии прекратились, но хоть сроки поменьше стали отпускать. Может быть, и общественное мнение хоть чуть оттаяло? Да нет же! Ни беспорядочные хозяйственные эксперименты Хрущева, ни упорядоченный политический и экономический консерватизм Брежнева не выявили сколько-нибудь четко обозначенного мнения общества: все те же 99.9% голосовали „за” — сперва за Хрущева, а спустя короткий промежуток и „за” сменившего его Брежнева, хотя второй и объявил политику первого ошибочной, и мы, столь горячо поддерживавшие первого, могли бы возмутиться и потребовать объяснений... Нет, не нужно. Из одной опары тесто. Тать — не тать, а на ту же стать.

Молчание — знак согласия? Да что же это, право, какого такого в ы р а ж е н и я общественного мнения мы ищем? Коллективных петиций с выражением недовольства? Да, может, они были, петиции-то (были! были!) — но где теперь искать их авторов и „подписантов”? Иных уж нет, а те далече... Или, может быть, прямого протеста под дулами автоматов? Да, может, он и был, протест (был! был!) — но где теперь эти протестанты? Их и по биркам на костях не распознаешь...

Нет, нету у нас общественного мнения и не может быть. Ведь нас нету. Наше мнение о мире, о собственной жизни — лишь зеркальное отражение правящей идеологии, и даже дыхание не замутнит этого мертвого зеркала.

Мы — персонифицированное здание государства... Мы — стадо, которое, когда придет срок, погонят утверждать повсеместно военно-имперский дух.

Все это, конечно, несколько грубо сказано. Можно о том же самом, но иными словами: „Советское общество достигло крупных успехов в социалистическом воспитании масс, в формировании активных строителей социализма... Чем выше сознательность общества, тем полнее и ши-

ре развертывается их творческая активность в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии коммунистических форм труда и новых отношений между людьми...” и т. д.*

Слова разные, а суть одна. Расхождение лишь в нравственной оценке видимой реальности.. И получается, что даже самые яростные критики правящей доктрины видят нас такими, какими доктрина хотела бы нас сделать, такими, какими предлагал увидеть нас Сталин, тоже считавший, что общество упраздняется... Но мы-то совсем не такие!

Западных наблюдателей можно и понять. Они ищут в советской действительности привычных им демократических форм общественного мнения. Написал Солженицын „Письмо вождям” — это им понятно, это выражение мнения. Выступил Сахаров в защиту афганских крестьян — и это понятно, это выражение мнения. Создал Орлов и его единомышленники Хельсинкскую группу — уж это точно выражение мнения! Но вот Солженицын выслан, Сахаров сослан, Орлов осужден, Хельсинкская группа перестала существовать — и что же, оказывается, никакого нет общественного мнения? Остались только фотовитрины ТАСС и выкладки советских социологов о поголовном счастье?

Недоразумение заключается в том, что в сознании мировой общественности есть представление о некоем п р а в и л ь н о м выражении мнения общества. И эти правильные формы ищут... в н е п р а в и л ь н ы х условиях советского государства. Но можно ли от населения ГУЛага требовать в корректных демократических формах выраженного мнения о лагерном начальстве, о конфигурации лагерных вышек, о праве лагерных собак?

И когда мы молчим, печально глядя, как уводят высказавшихся, западные комментаторы отмечают: „У них нет общества. Личность полностью порабощена... Единственная реальность, с которой следует считаться — советское правительство”.

---

* Программа КПСС. М., 1962, стр. 116

Но мы не картинки в „Огоньке”. Мы не цифры советских социологов. Мы не слова в речах Андропова и иже с ним... Но мы и не рабочая скотина. Мы — живые люди, а Советский Союз — живой общественный организм, а не кладбище духа и морали. И одно несомненно: для того чтобы различить и понять реальное общественное мнение, реальное отношение общества к своей жизни и идеологической доктрине, к государству, надо не столько слушать, ожидая простодушных высказываний, — у нас кляп во рту! — сколько смотреть и анализировать, сопоставлять декларации правителей с ежедневным общественным поведением. Кто сумеет — увидит. Кто увидит — поймет.

Надо сказать, что советские идеологи в некоторых случаях оказываются иногда более добросовестны, чем их западные критики: они хоть признают, что „в сознании и поведении людей сохраняются пережитки капитализма, которые тормозят движение общества вперед”. И ведь как же прочно мировому общественному мнению лапша на уши повешена, что над этим „т о р м о з я т” никто всерьез не задумывается, а „крупные успехи в социалистическом воспитании” воспринимаются на веру, — другое дело, что кому-то они нравятся, а кому-то нет, но ведь воспринимаются!

Нам же не следует так быстро проскакивать мимо признания партийных идеологов. Остановимся.

В государстве, созданном с целью преобразования общества в соответствии с заранее заданной идеологией, может быть только один серьезный тормоз, мешающий достижению цели: с о п р о т и в л е н и е о б щ е с т в а . Вот и все. Общество сопротивляется преобразованиям. То есть уже сам факт приторможенности — факт общественного отношения к руководящей идеологии, факт живого отклика на давление доктрины, факт общественного мнения, выраженного в поступках.

О б щ е с т в о с о п р о т и в л я е т с я экономической доктрине социализма — на социалистическую организацию труда рабочие отвечают снижением производительности.

Общество сопротивляется политической диктатуре, — и поэтому правящий аппарат вынужден административно запрещать любые формы политической самодеятельности населения, вынужден предельно формализовать ритуал „выборов”. (Понятно, что в с я к о е независимое мнение по самой своей природе уже оппозиционно диктатуре.)

Общество сопротивляется идеологическому давлению, — и поэтому государство, правящий аппарат вынуждены содержать колоссальную пропагандистскую машину и поддерживать ее деятельность жестокими репрессиями по отношению к любым проявлениям инакомыслия.

Общество сопротивляется — именно это нужно понять за разговорами о „пережитках, тормозящих движение”.

История советского государства есть история целенаправленного воздействия идеологической доктрины на общество. Этот процесс широко рекламируется советской пропагандой, он широко известен и хорошо изучен как его сторонниками, так и противниками...

Но история советского государства есть в то же время процесс с о п р о т и в л е н и я общества. Этот процесс замалчивается или вовсе отрицается. Однако сам факт прекращения поступательного движения плановой экономики, сами факты застойных и даже регрессивных явлений в политической и общественной жизни страны — разве они не свидетельствуют, что противодействие общества давлению доктрины все больше проявляется как систематический процесс, как решающий фактор общего исторического процесса?

Мы живы. Мы живем, сопротивляясь постоянному и тяжелому давлению правящей доктрины. Сопротивление — форма жизни под давлением. Не широковещательный протест, а фактическое противодействие есть проявление у нас общественного мнения. Не декларация в защиту прав, а утверждение фактического права на существование. И если мы хотим понять суть исторического процесса

у нас в стране, мы должны научиться различать эти формы общественной жизни, должны понять, какое значение они имеют для ближайшего и для более отдаленного будущего.

Партийные идеологи совершенно правы: именно прошлое мешает коммунистической доктрине окончательно утвердить свою власть над обществом. Это прошлое — опыт народа, обретенный за его тысячелетнюю историю.

Естественный порыв народа, общества противостоит искусственной коммунистической „теории” прямо-таки во всех сферах жизни. Борьба идет не на жизнь, а на смерть в прямом смысле этих слов: пока опыт жив, пока есть для него вместительные в душах и умах живых людей — живо и само общество. Живо и будет сопротивляться мертвящему давлению доктрины. Если же возьмет верх „теория”... Впрочем, надо бы подумать, при каких условиях в принципе возможная победа „теоретической” доктрины?

Маркс и Ленин, Оруэлл и Замятин хотя бы гипотетически, но допускали, что да, может произойти так (а первые два считали, что *д о л ж н о* произойти так), что коммунистическая идеология станет единственным наличным „опытом” человеческого бытия. Возможно ли это?

Развитие общественных взаимоотношений у нас в стране за последние годы заставляет усомниться в правомерности теоретической гипотезы. Более того, нет уже не только прежнего быстрого наступления доктрины, но общественное противодействие заставило правящий аппарат все чаще и чаще думать об обороне. Наступил как бы момент стагнации, момент фактического равновесия сил...

ЭКОНОМИКА. ЗДЕСЬ НАС НЕЛЬЗЯ ЗАДАВИТЬ

Нормальная, *з д р а в а я* экономика для чего существует? Чтобы отвечать общественному *с п р о с у* на товары и услуги, отвечать *п о т р е б н о с т я м* общества. Есть потребности — будет производство! Есть потребности — будет товар...

Но советская экономика для другого. Тут потребности общества на втором плане. Потребности-то колоссальные, а товаров нет. Экономика служит прежде всего политическим целям.

Это хорошо объяснил Сталин еще в 1929 году: „Нам нужен ведь не всякий рост производительности народного труда, — говорил он в своей речи против Бухарина. — Нам нужен о п р е д е л е н н ы й рост производительности народного труда, а именно — такой рост, который обеспечивает систематический перевес социалистического сектора народного хозяйства над капиталистическим”. Но как же такой перевес обеспечить? Очень просто: запретить рыночные отношения в экономике. И все!

Какую зарплату платить работнику? Какую цену назначить на готовую продукцию? Какую установить структуру и объемы для производства потребительских товаров? Все это определяется не потребностями общества — пусть хоть голодают, — не спросом, но решает по своему произволу правящий аппарат страны. Прежде всего он решает политические задачи: оплачивает собственную безопасность, безопасность своей власти, вооружение, армию, партийный и государственный аппарат, КГБ, систему пропаганды. А уж минимум, который остается — опять-таки под строгим контролем сверху — распределяется работнику, обществу...

Наша экономика — лишь политический механизм, механизм власти правящего страной партийного аппарата.

Уже сегодня советская экономика могла бы дать народу втрое больше товаров и услуг. Это позволяет современной техникой и технологией. Втрое! Но нет, партийные руководители никогда не пойдут на это. Им невыгодно. Ведь для этого хоть отчасти нужно поступиться своей абсолютной властью. Сегодня долю власти уступишь, а завтра и вовсе без власти останешься — таков закон политики! И поэтому „нам нужен не всякий рост производительности народного труда”.

А что же общество, что же мы?

Может быть, и впрямь возможно как-то сократить потребности общества, привести их в соответствие с интересами правящей доктрины, как-то воздействовать на сознание людей?

Нет, наши потребности, потребности общества — объективны. Они сформированы всем ходом истории. Они не зависят от политического момента или экономической ситуации, от воли Сталина, Брежнева или Андропова. Нельзя пренебрежение потребностями сделать постоянной политикой. Общество сопротивляется как может.

А может общество много!

Государство недоплачивает работнику, не считается с его потребностями? Но тогда и работник, верный не коммунистической доктрине, а здравому смыслу, начинает недодавать государству свой товар — рабочую силу. Мера за меру!

Надо ли удивляться, что через десять лет в стране, по подсчетам экономистов, не будет хватать тридцати миллионов пар рабочих рук? Нехватка рабочих рук — понятие относительное и показывает прежде всего низкое качество наличного товара — рабочей силы. А уж низкое качество рабочей силы отзывается и низкой же производительностью труда. Когда в стране не хватает рабочих рук, это значит, что плохо работают те, что есть.

Низкая производительность труда, низкое качество рабочей силы при социализме есть как раз парадоксальное свидетельство жизнеспособности и духовного здоровья человека, проявление его естественных реакций на бесчеловечную экономическую систему, факт сопротивления общества давлению доктрины... Пока жив человек, иначе быть не может!

Не желая перестроить экономику так, чтобы она отвечала потребностям общества, правящий аппарат стремится искусственно, методами пропаганды пригасить наши потребности. Нас пытаются убедить, что трудности — не от порочной экономической политики, а от объективных причин — от неурожаев, от ошибок предшествующего руководства, от происков американцев.

Пропагандисты произносят соответствующие заклинания... но потребности все растут и растут. И происходит обратное: не экономический дефицит душит потребности, а растущие потребности все более и более разламывают монолит социалистической экономики. Люди ищут возможности удовлетворения своих потребностей вне „плановой“, то есть строго нормированной, экономической системы, развивают несоциалистические, традиционные, хорошо отработанные всем ходом истории рыночные формы хозяйствования. Когда хотят жить нормально, с доктриной перестают считаться.

Разве не факт общественного выбора (выбор — проявление мнения!) видим мы в том, что приусадебные участки крестьян и садовые клочки рабочих превращаются в настоящие микрофермы, отодвигая на второй план „доктринные“ колхозы и совхозы. „Теоретическому опыту“ основоположников „научного“ коммунизма, правящей доктрине крестьяне и рабочие противопоставляют свой практический опыт, свое мнение, свой здравый смысл.

Разве не факт общественного мнения, общественного выбора видим мы в том, что промышленность, строительство, транспорт настойчиво ищут формы независимости от „плановой“, строго нормированной системы? И находят! Не в системе половинчатого „бригадного подряда“, а в прямой системе взяточничества, приписок, „липовых“ нарядов, подставных лиц, дополнительных выплат и т. д. Нарушают закон? Нет. Нарушают искусственные барьеры и запреты, поставленные властями на пути свободного движения экономики.

Я понимаю, может показаться странным, что мошенничество, взяточничество, обман мы рассматриваем не как безнравственные поступки, а как факты экономического сопротивления. Но в том-то и парадокс, что в советских условиях за этими поступками можно и нужно увидеть не изъяны личности, но лишь единственно возможный, здравый способ существования в предложенных неестественных условиях. Склоните сегодня к нравственному покаянию всех в стране снабженцев-толкачей, этих про-

фессиональных взяточдателей, и завтра замрет вся экономическая жизнь в стране. Строго по доктрине можно только умереть. Жить можно лишь вопреки доктрине, лишь сопротивляясь.

Можно, конечно, предположить, что власти сознательно поступаются доктриной, рассчитывая, что со временем можно будет использовать (как при НЭПе) все блага, которые будут добыты обществом при нынешнем исподволь развивающемся процессе десоциализации экономики. Но ведь при НЭПе сектор государственной экономики был четко отграничен от экономики рыночной. Обе схемы существовали порознь. И когда пришла пора, то задавить частное предпринимательство было просто, — и как легко задавили! — словно страничку со схемой выдрали из книги по истории. Усомнимся, так ли легко будет задавить нынешнюю рыночную структуру, проникающую буквально во все клетки экономического организма.

НЭП был демонстрацией силы молодой политической доктрины, силы ее идеологов и практиков. Экономической конкуренции они всегда готовы были противопоставить неэкономические аргументы — идеологические (светлое будущее, требующее жертв), политические (укрепление диктатуры пролетариата и борьба со внутренним врагом), военные (социалистическое отечество в постоянной опасности). Всего этого было достаточно, чтобы запретами и прямыми репрессиями обеспечить „систематический перевес социалистического сектора... над капиталистическим”.

Но сегодняшний-то процесс демонстрирует как раз слабость прежних аргументов: о светлом будущем никто не желает слушать, а миллионы убитых и десятки миллионов загубленных судеб в каждом из советских поколений — избыточная жертва для любой человеком воображимой цели; политические аргументы тоже потеряли свою силу, поскольку партийные теоретики опрометчиво отказались употреблять термин „диктатура пролетариата” и поспешили провозгласить „общенародное государство”, лишив функционеров-практиков возможности иметь внутреннего врага, на которого можно было бы списывать

трудности, объявляя время от времени погромные чистки. Остается единственный серьезный аргумент — военный. Остается внешний враг.

Война или явная военная опасность — вот что может вновь сделать советскую экономику (а с ней и всю общественную ситуацию) подконтрольной и упорядоченной. Появится возможность — и даже необходимость! — ввести карточную систему, запретить приусадебные хозяйства и все другие легальные формы рыночной экономики, приравнять трудовую повинность к воинской и, соответственно, приравнять хозяйственные нарушения к воинским преступлениям, предусмотрев, скажем, наказание за взятку вплоть до расстрела.

Возможно такое? Возможно. Более того, все это нам хорошо знакомо, почти все это и было у нас до середины 50-х годов. Неужели возобновится? Порамышлять о такой возможности у нас будет случай несколько далее.

А пока нам важно, что в экономике общество активно с о п р о т и в л я е т с я правящей доктрине.

Пока человек жив, пока живы его потребности, он будет сопротивляться...

СЕМЬЯ. СЮДА МЫ ПРЯЧЕМСЯ ОТ ДУХОВНОЙ СТЕРИЛИЗАЦИИ

Жив человек! Жив, разумен, деятелен. Обо всем имеет свое здоровое мнение... На первый взгляд, именно это и кажется самым странным. Вроде, ни о чем так не заботились коммунистические идеологи и функционеры, как об умерщвлении человеческого смысла.

Заменить здравый смысл коммунистической теорией, при которой сама п о т р е б н о с т ь к адекватному восприятию была бы потеряна, вот, казалось бы, для чего катится на нас тяжелая, громоздкая, неумолимо давящая машина... Но на нас ли? Не мимо ли?

В своей трудовой практике мы давно поняли, что чем

дальше от „коммунистических начал”, тем и труд производительнее, и жизнь сытнее; да и сами руководители хозяйственной жизни, если и не высказывают эту мысль публично, то, кажется, осознают ее все более и более.

Все чаще мимо прокатывается пропагандистский каток, лишь нечистым ветром опухнет... Право, газетная заметка о жизни на Марсе привлекает больше внимания и больше интереса вызывает, чем материалы последнего пленума ЦК. Марс хоть и далеко, но есть, а пропагандистские понятия вот они, но дотронься — пыль, пустота! И об одном только думают люди, глядя в оплывшее лицо какого-нибудь телевизионного Жукова или Зорина: сколько же это они получают и скольких лет на пенсию выходят? И завидуют легкому хлебу: хорошо-де устроились, вон как разъелись!

Что сделаешь, неширок кругозор простого советского человека — широкой-то ложью позанавешен, — но в пределах своего недалекого горизонта судит он абсолютно здраво, и кто есть кто и что почему, прекрасно понимает.

Вот что несомненно: за шестьдесят пять лет неослабевающего нажима, вопреки всем изощренным методам пропаганды — от первой детской песенки до надгробной речи — коммунистическая идеология не сумела захватить душу человека. Почему так? Да потому, что нету у этой идеологии никакого разумного применения в жизни.

Все знают, что туда, где начинается мир личности — в межличностные отношения, в семью, в нравственное самосознание — идеология и вовсе проникнуть не может. Мы ее сюда не пускаем. Здесь — наше. Сюда мы сами прячемся от духовной и нравственной стерилизации. Здесь мы храним духовный и нравственный опыт истории...

Казалось бы, даже представить себе невозможно, как это семья, супруги, родители, дети — всего двое, трое, пятеро — могут противостоять нажиму колоссального аппарата подавления. Какая сила заключена в этом мельчайшем человеческом коллективе? Да все та же сила — сила исторического общественного опыта, сила здравого смысла.

Ведь было время, когда советские идеологи пытались

и в семью проникнуть со взломом. Они пытались включить семью в общую структуру социалистического уклада, искали способ и в семье устроить жизнь по своим законам, объявляли ее „элементарной ячейкой социалистического общества”, а потому потребовали от супругов, чтобы они доносили друг на друга, а нет — репрессировали обоих (так было со многими тысячами семей в конце 30-х годов, отсюда и гулаговская аббревиатура „ЧС” — член семьи врага народа).

Канонизировали отцепредательство (герой-пионер Павлик Морозов); оправдали каинов грех братоубийства (братья как идейные противники — излюбленная ситуация искусства соцреализма, причем безусловное право на убийство признается, понятно, за братом-коммунистом).

Они хотели создать советскую семью, но два эти понятия — советский и семья — попросту не хотели соединяться воедино. Они из разных лексиконов. Или семья остается вне коммунистического нравственного норматива, или она разрушается.

Да и то: семья не коммунистической теорией создана, и в семейной жизни все мы — даже и те, кто не подозревает об этом, — руководствуемся не „кодексом строителя коммунизма”, а многовековыми нормами религиозной морали.

Нравственные принципы семейной жизни вырабатывались тысячелетиями. В них основа общественной морали вообще. Они абсолютны. Их нельзя отменить приказом. Они покоятся все на тех же десяти заповедях, сообщенных некогда Моисею. И если сказано: „Чти отца твоего и мать твою, и да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли”, — то или эти слова истинны вне зависимости от политической ориентации твоих родителей, или они вообще утрачивают какое бы то ни было нормативное значение: хочешь — чти, а не хочешь — не чти.

Семья сама — общество и всегда — часть общества. А поэтому так же абсолютна и необходимость уважения чужой семьи, чужой жизни, чужой собственности: „Не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дому ближнего твоего...”

Но так же абсолютен и запрет на прелюбодеяние, лжесвидетельство, воровство, убийство. Нравственные заповеди не корректируются политической ситуацией. Они или принимаются семьей, и тогда семья жива, или они отвергаются, но тогда нет и семьи — она превращается в случайное сожитительство особей, стабильность которого зависит от стечения политических обстоятельств или даже и вовсе от воли административного аппарата. Совесть умирает. Личность умирает. Умирает семья... Но тогда умирает и общество.

Словом, семья была, есть и будет самой консервативной, самой надежной основой общественной структуры. Пока жива семья, мы не беззащитны под давлением доктрины.

Семья — коллективный духовник. Мы не ошибемся, если скажем, что реальное общественное мнение — сумма всех мнений, высказанных населением страны в семейных разговорах. И мы не ошибемся, если скажем, что мнение это о п п о з и ц и о н н о правящей идеологии.

Административное и идеологическое давление бессильно перед этой оппозицией. Ее вынуждены терпеть... Между тем всякая реальная оппозиция в тоталитарном обществе — пролом в глухой стене душегубки, в о з м о ж н о с т ь ж и т ь и в царстве плановой смерти.

Мы живы!

ЛИЧНОСТЬ. ТРАГЕДИЯ ОТРАВЛЕННОЙ СОВЕСТИ

Мы живы. Мы — люди. Мы сопротивляемся...

Но шестьдесят пять лет идеологического давления не прошли бесследно. Мы сохранили принципы, но не всегда сохранили самих себя. Едва ли не все мы — калеки: наши души сформированы в кривом футляре советской воспитательной системы. Наши реакции кривы и нелогичны. Ложь давно уже стала нормой нашего поведения. Мы сопротив-

ляемся, не зная, что такое сопротивление. Мы стремимся к правде, не зная, что такое правда.

Мертвая рука идеологии стремится оторвать нас от здравого смысла, от здравого опыта истории, сделать послушными исполнителями л ю б о й начальственной воли — без протеста, даже и без сомнения вовсе, превратить в простенький механизм типа „Наш паровоз, вперед лети... а вместо сердца — пламенный мотор...”

Задача правящей идеологии — убить душу, сохранив тело и холодное, бездушное сознание. Убить сомнение.

Среди идеальных героев коммунистического пантеона есть мыслители и рубаки, труженики и исполнители, но нет ни одного и с п ы т ы в а ю щ е г о с о м н е н и я. Сомневающийся — не герой, сомневающийся — потенциальный враг.

Сомнение — вот первый шаг к сопротивлению личности. Первый, но самый великий шаг. Сомнение — тихий бунт, но ведь бунт же! Когда-нибудь возникнет великая литература, которая покажет истинные процессы, происходящие в душе советского человека, — только великая литература сможет сделать это... Она покажет, как человеческая душа, подавленная раболепством родителей, затравленная школьным, пионерским воспитанием, з а д а в л е н н а я ежечасной, ежеминутной пропагандой, — как такая душа все-таки в какой-то момент распрямляется — и человек подвергает сомнению все те ложные истины, которые внушались ему, и опадают они с выздоравливающей души, как короста с выздоравливающего тела.

Но почему же все-таки наступает момент сомнения? Да потому, что душа человеческая б о л ь ш е любой идеологии. Больше — и все тут! Ну что может значить какое-то комсомольское воспитание по сравнению с тысячелетней нравственной традицией народа...

Потребности человека созданы историей, представления о мире — историчны. В нашей обыденной жизни мы придерживаемся здравого смысла — и он ежедневно и еже-часно противоречит идеологической „теории”, заставляя нас всматриваться, сопоставлять, сомневаться...

Сомнение — первая работа пробуждающейся совести. И самая трудная работа. Не имея силы постигнуть суть противоречия между здравым смыслом и идеологией, человек стремится не думать о нем, вовсе вытеснить его из своего сознания. Но это никогда не удается вполне.

Сомнение, раз поселившись, не может быть изгнано. Оно выступает экземой на руках человека, читающего доклад о торжестве идей марксизма-ленинизма; оно создает ощущение разлада между жизнью и сознанием и заставляет человека пить водку, прибегать к наркотикам и транквилизаторам, забываться в разврате.

Самосожжение — тоже форма отказа, и те миллионы, которые сгорают от водки, далеко не всегда знают, что они — протестанты, что их жизнь — сопротивление. Так, к слову, сопротивляется и, вырождаясь, гибнет от пьянства русская деревня... Но сопротивление, которое заканчивается гибелью, — победа ли? Нет, поражение.

Пьянство, наркомания, разврат, физическое вырождение, увеличение числа случаев нервно-психических и сердечно-сосудистых заболеваний — такова страшная победа коммунистической доктрины над обществом. Чуждая идеология стремится убить душу, но это удастся лишь при физическом уничтожении человека. Впрочем, это никого не останавливает: и м лучше труп или полный идиот, лишь бы не инакомыслящий...

Но сомнение совсем не обязательно приводит к инакомыслию. Даже осознанное отрицание правящей доктрины еще не означает признания истины за какими-то иными идеями. К иным идеям у советского человека попросту нет доступа. И получается — как ни отрицай, а деваться-то некуда..

Да что там — идеи! Просто физически некуда деваться: если хочешь нормально работать, кормить семью, хоть мало-мальски сносно жить, если хочешь сделать карьеру или утвердить какие-нибудь деловые (хозяйственные или научно-технические) идеи — сиди на партсобраниях, поддерживай "генеральную линию", вступай в партию — друго-

го пути нету! Поэтому вслед за осознанным отрицанием достаточно часто следует циничное примирение.

Но циник уязвим, и важно не то, что он примирился, отрицая идеологию в душе, а важно, что все-таки примирился. Примирение — отказ от личности, отказ от собственного мнения, отказ от убеждений. Вы вступили в партию — жизнь заставила! Но теперь выступите на ординарном партсобрании хоть с мало-мальски здоровой идейкой, отличающейся от „генеральной линии”, и обсуждать будут не идею, обсуждать и осуждать будут сам факт вашего выступления. А станете упорствовать в своей позиции — и вас разотрут равнодушные жернова. Если уж вы в эту машину сунулись (квартиру ли вам пообещали или повышение по службе, а без этого кто же полезет?!), то выжить сможете, только превращаясь в „нового человека в процессе активного участия в строительстве коммунизма”. То есть теряя какую бы то ни было способность здраво судить об окружающей жизни или загоняя эту способность, эту потребность глубоко на дно души... Наступает время, и вчерашний трезвый циник сам становится бешеным давителем всякой здоровой мысли.

Опять победа идеологии? Да. Есть основание считать даже, что ее главную силу составляют именно люди, цинично примирившиеся, а вовсе не „идейные борцы”. Это люди с нарушенной функцией совести, и в них — самое тяжелое поражение здравого смысла. Что поделаешь, само понятие **б о р ь б а** подразумевает чередование побед и поражений. Но ведь борьба же! И даже самый б е ш е н ы й несет в глубине души зерно сомнения в правомерности своих поступков. Здравый смысл не умирает. И бывает, зерно прорастает, и тогда — невращения двойственности, болезни, гибельный запой, а то и вовсе прямое самоубийство.

Вот что очень важно: постоянное столкновение идеологии со здравым смыслом происходит в душе каждого из нас — в каждой душе, от диссидента до секретаря обкома. Именно здесь, в душе, последняя и главная линия сопротивления. Именно здесь, в проверке доктрины совестью, решается и судьба человека, и судьба общества, истории.

Здесь все компромиссы и примирения, все поражения, все победы, — а и победы есть абсолютные!

Немногие отваживаются на радикальную борьбу, но и на это отваживаются. На открытое выражение своего мнения, на открытое отрицание правящей коммунистической доктрины. Их значение определяется не количеством и не политическим эффектом, а самим с у щ е с т в о в а н и е м. Нравственное влияние открытого протеста уже ничем не сотрешь, из души не вытравишь. Сахаров и Орлов — в сознании каждого из нас — даже и тех, кто ничего не знает о них, кроме газетной брани и клеветы. В нашем сознании — ими явленная возможность открытого протеста.

Но радикальный протест не без слабостей. Он, как правило, соотносит наши потребности, потребности общества с политической реальностью, требуя частных изменений (движение за права человека, неофициальное движение за мир, национальные оппозиции и т. д.). Но частные изменения советской политики невозможны. Никто никаких прав нам не подарит... Однако подразумевается, что если политическая реальность не изменится, не поддастся, то личность и общество останутся по-прежнему давимы и поработаны...

Совершенно иначе сопротивляется доктрине консервативная, религиозная мысль. Религия, соотнося кратковременное человеческое бытие с Вечностью, дает возможность д у х о в н о о б о с о б и т ь с я от лживых истин правящей идеологии, возвыситься над ними. Христианство — самая распространенная из религий нашей страны — утвердилось в человечестве как религия рабов. И сегодня мы, рабы коммунистической доктрины, принимаем учение Христа как голос, зовущий нас к духовному освобождению вне зависимости от того, каковы политические и экономические условия нашего бытия.

Можно было бы сказать, что популярность христианства вообще и православия в частности год от года значительно возрастает; можно было бы вспомнить о тысячах и тысячах новокрещенных взрослых и о молодежи, заполняющей церкви в дни праздников — и можно было бы увидеть

в этом то самое сопротивление общества, о котором мы все время толкуем... Да, но правильно ли говорить об этом явлении как о чем-то новом?

Христианство на Руси вот-вот отметит свое тысячелетие, и сам факт, что оно не только живо, но и сохранило силу и в последние десятилетия. Сам этот факт не свидетельство ли непреодолимого духовного сопротивления общества мертвящему давлению доктрины?

За последние шестьдесят пять лет — за годы коммунистического правления — христианство как мировоззрение, как система морали ничем не скомпрометировало себя в сознании общества, придавая силы мученикам, утешая оскорбленных. И поэтому теперь, когда сопротивление общества принимает осознанные формы, многие из нас и о с о з н а ю т себя христианами, хотя, по сути, были ими всегда...

Мы остаемся живы!

БОЯТЬСЯ ЛИ НАМ МУСУЛЬМАНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА?

Каждый человек по-своему сопротивляется духовной смерти. Тем более по-своему сопротивляется каждая нация. Но я должен сразу сказать: исследовать, в чем именно заключаются особенности сопротивления к а ж д о й нации, мне не под силу.

И все-таки мне хотелось бы поразмышлять об одном непредугаданном, но теперь широко известном последствии советской национальной политики: речь идет о широкой миграции населения из национальных республик в русскоязычные районы. Миграция эта принимает такие размеры, что поговаривают уже об „обратной колонизации” России белыми нацменьшинствами. Не пошел ли маятник истории обратным махом: было — от Орды к Российской империи, теперь — от империи к Орде?

Миграция-то сама по себе еще не вся проблема. Дело в том, что темпы прироста населения у тюркоязычных народов сейчас значительно выше, чем у народов славянских. Уже сегодня неславянское население составляет большинство. Если же принять во внимание, что люди из Средней Азии и Закавказья оказывают своим соплеменникам всемерную поддержку и при устройстве на работу, и в продвижении по службе, и при получении более высокой квалификации, образуя таким образом целые национальные кланы, — то здесь, казалось бы, и можно говорить об „обратной колонизации” России...

Не размоет ли этот поток то, что до сих пор устояло под натиском коммунистической доктрины? Не сохраняя собственные национальные традиции, не поглотит ли „новая Орда” и те христианские нравственные устои, которыми мы-то держимся?

А как это скажется на составе правящих страной органов? Не надо ли связать беды сталинизма с тем, что Сталин — грузин, которому чужда и ненавистна была жизнь русских крестьян, составлявших в ту пору большинство населения? А теперь, когда русских меньшинство, не страшнее ли возвышение азербайджанца Алиева? Да и не один там такой Алиев.

И наконец, не скажется ли эта демографическая ситуация на составе армии — и если да, то как скажется, с какими последствиями для обороноспособности и нравственного духа войск? Хорошо известно, что в качестве лагерной охраны и для подавления волнений власти наиболее охотно используют солдат-нацменов. И понятно: этим солдатам русские, славяне вообще, прибалтийцы — не свои, чужие. В карательном усердии всегда проявляется та неприязнь, которая за два столетия накопилась к русским колонизаторам — и к прежним, и к нынешним...

Столь широкие нравственные последствия миграционных процессов никак не исследуются социологами — да и материала нет для таких исследований, поскольку чрезвычайно слабо исследуется и сама миграция. Тут можно

только строить гипотезы. И вот на уровне гипотезы, догадки я и выскажу одну мысль...

Может, все-таки не так трагичны последствия миграции?

Дело в том, что этот мощный, почти эпохальный демографический процесс как-то очень слабо заметен в нашей обыденной повседневной жизни. Иногда лишь фамилия заставляет вспомнить о национальности — а в поведении, в своих оценках все мы мало отличаемся друг от друга. В чем дело? Может быть, демографические процессы можно и нужно рассмотреть как-то еще и по-иному?

Как известно, в дореволюционной русской статистике не было группировки по национальному признаку в чистом виде. Население группировалось по признаку вероисповедания, и этот признак был более важен, чем национальная принадлежность. Понятно, что именно вероисповедание, то есть следование той или иной религиозной и исторической культурной и нравственной традиции, в большей степени определяет общественный характер личности, чем „родство по крови"... А может быть, и сегодня рассматривать структуру населения страны по национальности и по вероисповеданию?

Могут возразить, что в наше время религиозное самосознание большинства настолько слабо, что люди попросту не задумываются о религиозной принадлежности или вовсе считают себя атеистами. Но ведь речь-то идет о вероисповедании как о системообразующем признаке того или иного типа культурной и нравственной традиции. Кто же сможет отрицать, что русская, грузинская или эстонская национальная культура — христианская по своим принципам?

А если так, то сами демографические процессы увидятся по-иному: мы увидим, скажем, что в общей структуре населения христиан значительно больше половины.

Далее. Люди тюркских национальностей, попадая в славянские республики, редко сохраняют свои религиозные и культурные традиции. Но вообще без традиций жить нельзя. Даже считая себя атеистом, человек в своей

обыденной жизни придерживается определенных культурных и нравственных норм, которые связаны с нормами той или иной религиозной морали. Никаких других норм не существует и существовать попросту не может... Но если так, то не следует ли нам вместе с проблемой „тюркизации” славянского населения (к слову, и без того сильно „тюркизованного” шесть столетий назад) обсуждать проблему х р и с т и а н и з а ц и и мусульманских народов? И в то же время вряд ли сегодня можно всерьез говорить о возможности мусульманского культурного или религиозного влияния на русских, украинцев, латышей...

Я еще раз хочу оговориться, что у меня нет материала для конкретного анализа. Здесь только догадка... Но если мы согласимся, что, оседая в русскоязычных городах и поселках, узбеки и казахи, корейцы и буряты принимают христианские принципы общественного поведения, то само собой разумеется, что и характер их сопротивления коммунистической доктрине ничем не отличается от всего, о чем мы говорили, рассматривая опыт русского, христианского общества.

Человек может принять иную, чем у его предков, национальную культурную и нравственную традицию, но он не может оставаться вообще без традиций, без общества, без истории. А коли так, то он всегда будет чувствовать себя в оппозиции к доктрине, которая стремится эту традицию подавить, стремится подавить созданную этой традицией личность.

Что же до разговоров о будущем р у с с к и х как нации или о будущем славянских наций вообще, то будущее это и решается во взаимоотношениях общества и доктрины, личности и доктрины, исторической традиции и доктрины. Здесь все причины. А демографические процессы — лишь следствия. Это и без всяких догадок так же ясно, как и то, что сталинизм был формой коммунистической диктатуры, а не грузинским владычеством. Национальный флер здесь н е м н о г о решает...

МЫ ВСЕ В ПЛЕНУ У ПОСТОРОННЕЙ СИЛЫ

Здесь нам пришло время расстаться с одним широко распространенным заблуждением. Принято думать, что идеологическое давление на нас имеет наступательный характер, „воспитательный”, что правящий аппарат стремится всех до единого сделать заинтересованными, активными единомышленниками. Заблуждение это специально поддерживается: „Партия считает главным в идеологической работе на современном этапе — воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму...” — сказано в „Программе КПСС”.

Но это все пустяки. На современном-то как раз этапе государственная идеология имеет не наступательный, а консервативный, о х р а н и т е л ь н ы й характер. О повальном „воспитании”, сб императивном внедрении коммунистических идей в душу всех и каждого сейчас вспоминают разве только самые твердолобые теоретики, да и тех сразу же одергивают прагматики-функционеры: что есть, в горсти бы удержать — а за большее не хватайся!

В начале 70-х годов из пропагандистского лексикона велено было убрать зажигательные призывы „уже завтра” вступить в коммунизм и было провозглашено, что нынешний, „развитой” социализм — надолго. Кавалерийская атака на духовный мир человека, продолжавшаяся пять десятилетий, провалилась! Здоровые представления о жизни поколебать не удалось.

Что же теперь — переход от атаки к планомерной осаде? Может, кто-то там наверху так и думает, но мы-то знаем: обманывается!

То, что с маху не удалось нам в душу всадить, теперь с годами не вотрешь. Напротив, ежедневная жизнь общества постепенно всю ложь выталкивает наружу, делает ее очевидной... Нет, не атака, не осада, а скорее, переход к обороне, и это едва ли не самый существенный факт нашей современной жизни. От кого обороняются? Да от нас же.

Мы — слепые, это так! Мы не знаем названий многим очевидным истинам — их стерла пропаганда, — это так! Во

многих случаях нам приходится заново, каждому в одиночку искать путь к здравому смыслу — это так! Но мы находим этот путь и восстанавливаем истинные значения событий, явлений, истину самой жизни... А слова „теории“, даже силой оттиснутые в сознании, остаются пустыми и мертвыми звучаниями — это не наше, чужое, постороннее.

И хотя пропагандистский туман все еще плотной полосой закрывает мир от нашего взгляда, он не может, одурманив, заставить жить ради коммунистической доктрины, как мечталось партийным идеологам в 20-х — 30-х годах, — мы этот туман в душу не пускаем... Да они теперь и не лезут — в душу-то, отчаялись.

Пропаганда сегодня — лишь раздельная полоса, охранительная завеса, призванная локализовать общественное мнение, а т о м и з и р о в а т ь его. Она отделяет дозволенное от запретного — словесная граница, за которую не разрешается заходить сознанию советского человека: знай себя, и будет с тебя!

Вы можете иметь любое мнение о советской реальности — это ваше интимное дело. Вы можете даже на кухне у друзей смело высказываться против существующих порядков... Но если вы трезво и сознательно сделаете публичное заявление — все! Вы перешли границу. Публично изъясняться о политике можно только теми словами, какие напечатаны в газетах или произносятся по телевидению.

Вы можете торговать на базаре, шабашничать, выполнять „левые“ заказы, брать взятки или давать их, выписывать липовые наряды или получать по ним; производить машины, которые на другой день сломаются, или колбасу, которую люди вынуждены будут выбросить, как только принесут домой, — и все это сойдет вам с рук...

Но если вы публично заявите, что не желаете участвовать в собачьей комедии „плановой“ экономики, вы опять перешли границу. Вами займутся... Публичное заявление — это вызов, это объявление войны, это обращение к единомышленникам.

Публичное заявление — уже политическая оппозиция. В сознании каждого из нас бытует как бы два мне-

ния — наше собственное, здоровое, порожденное опытом жизни и историческим опытом народа, а потому оппозиционное доктрине; и другое — вложенное пропагандой официальное мнение, доктрине соответствующее и даже доктрину защищающее.

Первое — для соотнесения с совестью, чтобы себя в жизни не потерять; второе — для публичных высказываний, для подтверждения своей лояльности, чтобы тебя, не дай Бог, в оппозиционности не заподозрили.

И такая двойственность нашего сознания сегодня, кажется, вполне устраивает доктрину. И мы живы, и доктрина в безопасности... Мы в плену: нас не хотят переделывать (не могут, не даемся, а то бы захотели), но и нам доктрина ничего не уступит, ни во что вмешаться не даст. И то по себе, и это собою.*

Люди правящего аппарата прекрасно понимают, что 99.99% — „за” на каждых выборах свидетельствуют не о единодушной поддержке, такого единодушия среди живых людей в принципе не бывает, даже и среди сотни истинных единомышленников всегда найдутся двое (2%) сомневающихся. Скорее, эти проценты говорят о мертвенном равнодушии миллионов к политическому ритуалу однопартийных „выборов”. Но в том-то и фокус, что равнодушие устраивает наших руководителей. Ничего иного им и не нужно!

Слова о том, что-де „заинтересованность в общем

---

* В прежние времена за анекдоты отпускали срок. Теперь иначе. Мою соседку, работающую техническим сотрудником в Союзе писателей, вызвал „для беседы” мелкий чин КГБ, курирующий эту писательскую организацию (а мы знаем, каждое советское учреждение, каждое предприятие имеет с в о е г о куратора в КГБ). Моя соседка, человек прямой, еще не выслушав, что от нее хотят, прямо и заявила, что люди, которые приходят к ней платить взносы (а собирать взносы — ее работа), никаких антисоветских разговоров с ней не ведут, анекдотов не рассказывают. Кагебешник поморщился: „Да вы между собой о чем хотите разговаривайте...” Их не это интересует. Сейчас их интересует только организационная оппозиция, только широковещательный протест. Пока мы все сами по себе, пока общество а т о м и з и р о в а н о — им не страшно.

деле... сопоставление мнений... повышение общественно-политической активности — в этом суть советской демократии” — все это пустяки! Суть в обратном: никакая заинтересованная поддержка им не нужна. Заинтересованная поддержка миллионов о б я з ы в а е т: поддержку надо постоянно заслуживать, поддержки можно лишиться, а потому рассчитывать на поддержку — дело опасное. Искать поддержки общества — значит, з а в и с е т ь от общественного мнения.

Но если доктрина хотя бы в малом будет зависеть от свободно проявленного общественного мнения, от общественной самодеятельности, — ее ждет поражение.

Сила общества и сила коммунистической доктрины настолько противоположно направлены, что дай обществу хоть в малом проявить себя без запрета — не то что при свободных выборах, а хотя бы в клубе самодеятельной песни, хотя бы в добровольном обществе борьбы с алкоголизмом, — как в эту щель мгновенно хлынет такая сила, что и государственные порядки зашатаются, если вообще устоят.

Сегодня разреши трем процентам проголосовать „против” — завтра так же „против” и тридцать процентов проголосуют; сегодня оставь без присмотра клуб молодежной песни — завтра из него оппозиционная партия вырастет (такие хлопоты уже доставил властям Московский клуб песни) . Нет, нельзя! Никакой инициативы, никакой заинтересованности, никакой поддержки не надо!

Наше мнение никого не интересует — ни „за” ни „против”. Лучше чтобы у нас вообще не было никакого мнения. Ни мнения, ни сомнения. Наше полное равнодушие — вот что больше всего устраивает сегодняшних наших правителей. Но поскольку мы не равнодушны и не можем быть равнодушны, когда дело идет о нашей судьбе, о судьбе страны и общества, то им надо, чтобы мы хотя бы молчали.

Чем глубже общество осознает свою позицию, тем опаснее доктрине в ы р а ж е н н о е мнение. Еще во времена вторжения в Чехословакию в 1968 году с нами играли, и на собраниях — под бдительным взглядом — из президиума

запрашивали нашего одобрения: надо-де помочь братскому народу. „Надо, — отвечали мы вяло и потерянно. — Надо”.

Но теперь, когда вторглись в Афганистан, нам ни слова. Теперь уже наше мнение запрашивать не решаются. Теперь боятся открытых слез, явной ненависти, широкого протеста... Теперь им даже и не видимость поддержки нужна, а только наше молчание и наша покорность.

Мы живем, но мы живем в плену. Мы здраво осознаем нашу обыденную жизнь, но даже и обыденной-то жизнью так же здраво распорядиться не можем, не говоря уж о жизни общественно-политической или о международной политике, — даже и нашей-то обыденной жизнью распоряжается кто-то посторонний. И мы настолько к этому привыкли, что нас даже не очень интересует, кто же это нашей жизнью-то распоряжается, кто он — *этот п о с т о р о н н и й? Знаем только, чувствуем, что мы для этой силы — нечто вроде питательной среды. Знаем только, чувствуем, что это — п о с т о р о н н я я нам сила.

Оставим в покое людей: люди слабы — идеи всемогущи. Люди для идей — лишь среда бытования. Тот п о с т о р о н н и й, кто держит нас за глотку, кто присвоил себе ч р е з в ы ч а й н о е п р а в о распоряжаться жизнью и судьбой общества, кто создал и вооружил этим правом партаппарат, кто отнял у истории и присвоил себе самое понятие „государство”, этот п о с т о р о н н и й — ИДЕЯ, та же самая и д е я о т р и ц а н и я, которая всегда и во все времена давала силу и убийце и революционеру.

Все, конечно, знают, что у этой идеи есть и частное имя: „теория научного коммунизма”.

Тот факт, что вы можете на кухне у друзей рассказать анекдот про Андропова и вам сойдет с рук, тот факт, что секретарь райкома ни слову не верит из того, что он сам же произносит перед людьми, тот факт, что поутихли призывы построить коммунизм уже при жизни нынешнего поколения — все эти и многие подобные факты расцениваются иногда как поражение ИДЕИ. И поговаривают уже, и поговаривают всерьез, о некоей д е и д е о л о г и з а ц и и советской системы.

Говорят уже, и говорят уверенно, что лишь развращенность партаппарата властью мешает здоровым переменам в нашей жизни. Считают уже, считают убежденно, что все слова из идеологического лексикона — „развитой социализм”, „коммунистическое будущее” и т. д. — стали теперь чем-то вроде пустой оболочки, которая пока, до поры до времени, покрывает разваливающиеся принципы. Но дунет ветер истории, покров слетит, и все увидят, что никакого социализма нет как нет, а есть лишь развратный и слабый Рим времен позднего упадка.

Да, люди слабы, но идеи-то всемогущи... Деидеологизация — пустое понятие. Пока отрицается общественное мнение и общественная воля, пока жив сам п р и н ц и п о т р и ц а н и я, до тех пор социализм есть социализм — „первая стадия коммунизма”... А принцип — нет, не ветшает.

Но многим со стороны видится иначе.

У остроумного, но местами нечеткого по мысли французского советолога А. Безансона читаем: „До прихода к власти партия большевиков скреплялась идеями. Соответственно, захватив власть, она установила господство и д е о к р а т и и. Но по мере отхода „действительной” реальности от реальности выдуманной идеи лишались своего содержания и от них оставалась лишь словесная оболочка. Эволюция режима шла к логократии.

Л о г о к р а т и я обеспечивает еще более полную и незамутненную связность и последовательность системы, чем идеократия. Ей не нужна вера. Она составляет некое единство поступков, поведения, отношений. Поколебать ее не может ничто: ни снаружи, ибо мешает полиция, ни изнутри, ибо индивидуальный внутренний мир просто отключен от системы. Все по-своему уходит в себя, в свою личную жизнь, и только руководители вынуждены говорить с семьей на языке партийных собраний.

Пустота, на которой стоит идеология, — залог спокойствия, это так, Но она же и причина ненадежности всей структуры. Пока еще идеология сохраняет свою непрерывную и гладкую поверхность, но каждую прореху становит-

ся все труднее чинить... Ткань еще держится, за ней еще тщательно ухаживают, но она уже сильно протерлась, обтрепалась, истончилась”.*

Здесь каждая мысль скорее весело легка, чем верна. Мы знаем, что Брежнев прекрасно умел говорить со своей семьей на языке черного рынка бриллиантов... Но главное, что никогда, ни в какое время коммунистическая ИДЕЯ не лишалась своего основного содержания, которое заключается не в демагогических посулах благоденствия в „реальности выдуманной”, а в принципе отрицания действительной реальности (и прежде всего — общества, нас всех) как значимого фактора политики. И принцип этот ничуть не протерся, не обтрепался, не истончился с октября 1917 года. И сегодня еще достаточно верующих в него или, по крайней мере, доверяющих ему — доверяющих насилию, сознательно служащих насилию.

Мы говорим, что опора власти — циники. Но в сегодняшнем значении циник — это не тот, кто ни во что не верит. Циник верит в насилие, хотя и знает, что насилие — зло. Циник сознательно доверяется злу.

Многое изменилось и продолжает меняться у нас в стране десятилетие за десятилетием. Но неизбежно остается одно — возможность насилия над общественным мнением или даже отрицание общественного мнения.

Да, вы сегодня свободно можете высказаться на кухне у друзей... но завтра люди Андропова проведут два-три показательных процесса и „отпустят срока” за подобные беседы, и вы замолчите не только что на чужой кухне, но и в собственной постели. И не надо никаких новых законов вводить — хватит и тех, что есть. Их никто не отменял с тридцать седьмого года... Социализм есть социализм.

Да, у нас в ушах тишина: уже несколько лет никто не требует экстренно вступить в „коммунистическое будущее”... Но ведь это же так просто! Сегодня молчат, а завтра

---

* А. Б е з а н с о н. Краткий трактат по советологии. „Вестник РХД”, № 118, стр. 189–190.

построят нас в ряды, ударят в барабаны — и айда в коммунизм или на трудовой фронт, или просто на фронт — это уж куда скажут. И опять-таки, не надо никаких новых законов — хватит и тех, что есть. Главное, что ваша воля — о т р и ц а е т с я... Социализм есть социализм.

Чем же мерить деидеологизацию? Цинизмом партаппарата? А когда же было иначе? Их бескорыстная преданность — это из романов соцреализма. А на самом-то деле от первых дней советской власти они всегда и ели, и пили, и жили лучше других, — тем только да еще соблазном власти привлекая новые кадры.

Не надо преувеличивать силу партаппарата. Они лишь нанятые слуги п о с т о р о н н е г о.

Посадите завтра весь партаппарат в лагерь, а лагерников сделайте партаппаратчиками (если согласятся; а многие согласятся, и соглашались уже!) — и ничего не изменится. Замените завтра коллегию политбюро новым Сталиным, или, напротив, расширьте коллегиальность — и тоже ничего не изменится. Социализм не зависит от количества верховных правителей. (Да мы и не знаем никогда, сколько их там и кто именно реально правит, а сколько иных — для видимости) ...

Нет, нас не живые люди в плену держат — с живыми мы давно договорились бы, живая кость мясом обрастает... Но мы в плену у мертвой силы, у мертвой ИДЕИ. Законы социализма как „первой стадии коммунизма” даны в т е о р и и, а „теория коммунизма” к жизни никакого отношения не имеет и жизнью не корректируется. Вместе с тем известно: теория должна быть непротиворечива, иначе она теряет свою силу. Она как глухая стена вокруг зоны. Если в ней хоть калитка не охраняется, она и вся не нужна. Какая уж тут деидеологизация!

Нет, та мертвая сила, которая на нас сверху давит, меньше не стала. ИДЕЯ, принцип — и не могут быть больше или меньше. ИДЕЯ осталась все та же, что была и в 1917, и в двадцатые, и в тридцатые, и во все последующие годы — это о т р и ц а н и е нашего права распоряжаться собственной судьбой, отрицание здравого смысла.

ИДЕЯ не изменилась, изменились мы. Мы-то ее давление иначе воспринимаем. Мы все яснее понимаем ее как чуждую, п о с т о р о н н ю ю силу. Мы все более сознательно сопротивляемся насилию.*

Похоже, что к моменту смерти Брежнева генеральное наступление коммунистической идеологии на личность человека было остановлено. Здравый смысл общества преодолеть не удалось. С ним пришлось мириться. Наступил как бы момент с т а г н а ц и и... Надолго ли?

Момент стагнации вовсе не обозначает прекращения процесса или изменение его содержания. О п о б е д е здравого смысла говорить пока не приходится. Стагнация советской системы значит только, что яростное давление доктрины теперь не дает прежнего эффекта, а противодей-

* Среди теоретиков-коммунистов идут оживленные дебаты о том, можно ли называть „научным коммунизмом” те принципы, которые заложены в основу правящей у нас доктрины. Сторонники „социализма с человеческим лицом”, „еврокоммунизма” и прочих школ и направлений, не согласных с советскими аппаратчиками в трактовке основополагающих работ, ссылаются на то, что у Маркса идея постоянно развивалась, и „Капитал” уже дает о ней иное представление, чем ранние работы... Все это пустяки. Именно Маркс написал „Манифест коммунистической партии”, именно Маркс провозгласил ч р е з в ы ч а й н о е п р а в о одной лишь части общества (класса) на волевое, или чтобы быть точным, „д е с п о т и ч е с к о е” вмешательство в естественный исторический процесс, провозгласил и нигде и никогда не отрекся от этой изначально кровавой идеи.

„Коммунисты, следовательно, на практике являются самой решительной, всегда побуждающей к движению вперед частью рабочих партий всех стран, а в теоретическом отношении у них перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения” („Манифест коммунистической партии”, разд. 11). Но разве не эта идея положена в основу правящей у нас доктрины? Разве не этим „преимуществом” партаппарат объясняет свою политику? А если так, то или это – коммунистическая ИДЕЯ... или „Манифест коммунистической партии” – не коммунистический документ.

Думается, что те, кто желает отмежеваться от советской доктрины, должны бы начать с того, чтобы отмежеваться от политического понятия к о м м у н и з м. Так было бы честнее, чем отмы- вать это понятие от постоянно выступающей на нем крови...

ствие здравого смысла обрело зрелые формы, проявило себя как решающий фактор истории. Более того, стало ясно, что противодействие здравого смысла и есть с о д е р ж а н и е исторического процесса в России в последние шестьдесят пять лет. А раз так, то судьба страны, судьба народа зависит от соотношения противоборствующих сил или, попросту говоря, от того, чья сила возьмет верх.

Чья сила проявит себя как с у б ъ е к т исторического процесса в России? Весы истории качнутся — куда? Куда они вообще могут качнуться? Какая тенденция победит: стремление к военизации или дальнейшее развитие свободных общественных (в широком смысле слова) отношений? Давление доктрины или противодействие здравого смысла? Идея отрицания или идея жизни? Общество или п о с т о р о н н и й?*

КАКИХ ПЕРЕМЕН НАМ ОЖИДАТЬ?

Вся история коммунистического государства есть история борьбы идеологической доктрины против здравого смысла народа, против его исторического опыта. И пока общество живо, прямое подавление здравого смысла и будет основной заботой правящего аппарата, а все остальные заботы — побочные (в том числе и уровень жизни, и состояние морали, и развитие культуры).**

---

* Сегодня, кажется, большинство специалистов склонны рассматривать историю именно как процесс. Причем процесс, так или иначе обусловленный в о л е й. Чья воля и как проявляется в историческом процессе, это, по сути, и составляет предмет всех теоретических споров (воля личности, воля народа, воля партии как народного авангарда и т. п.). А коли так, то многое прояснится, если для удобства анализа мы воспользуемся понятиями с у б ъ е к т и о б ъ е к т исторического процесса, хотя бы для того, чтобы в нашем сознании разделить волевой источник действия и предмет, формируемый действием.

** В предыдущей главе я утверждал, что люди партаппарата — лишь часть общества, поработанного чуждой ИДЕЕЙ. Это справед-

Запреты и ограничения сдерживают сильнейшее к о н т р а в л е н и е здравого смысла — настолько сильное, что если хотя бы щель появится в этой стене, то уж не соединишь — пойдет стена ломаться и крошиться до тех пор, пока и вовсе не размоет ее народная сила.

Вот главная забота партаппарата: сохранить целостность стены, а для этого раздробить, а т о м и з и р о в а т ь общественное мнение, не допустить, чтобы раздробленное стихийное сопротивление общества собралось бы в одном месте, ударило бы в одном направлении. Боятся — и не без оснований! — что стена не выдержит.

Западные наблюдатели любили называть Брежнева консервативным политиком. Он, может быть, и хотел бы им быть, да куда деваться, если любое послабление запретов в любой сфере жизни (мы уже вспоминали клуб любителей песен под гитару) грозит возникновением оппозиции. А сами положительные принципы власти так слабы, так неубедительны, что любая, даже самая слабая оппозиция может иметь для власти роковые последствия. Что тут делать?

Главные политические усилия коммунистического аппарата направлены на то, чтобы лишить общественные силы какого бы то ни было е д и н с т в а, не допустить не только организации, но хотя бы даже о с о з н а н и я возможности единого фронта сопротивления... Современная политика партаппарата — политика охранительная.

В этом смысле и политику Андропова нетрудно предсказать: и его главные политические усилия будут направлены на то, чтобы и впредь лишить общественные силы

ливо, пока мы говорим о борьбе идей, о борьбе „теории научного коммунизма” со здравым смыслом общества. Но здесь, когда речь заходит о конкретной политике и когда нас интересует политическая структура общества, мы вправе и даже обязаны противопоставить партаппарат всему обществу в целом. Партаппарат — политическое орудие ИДЕИ. В политической жизни партаппарат выполняет роль персонификации ИДЕИ и в этом качестве противостоит обществу, здравому смыслу (а в конце концов и собственной человеческой сущности).

какой бы то ни было возможности единства, и впредь не допускать создания какого бы то ни было единого фронта сопротивления в какой бы то ни было сфере общественной жизни, и прежде всего в экономике, где контрдавление общества особенно сильно.

Такая жестокая заданность политики, понятно, сильно ограничивает возможности властей.

Ну вот, кажется, почему бы не ослабить экономические запреты? Ведь если приусадебные (рыночные) хозяйства, где обрабатывается не более пяти сотых всех посевных площадей, кормят едва ли не половину всего населения страны, то дай им хотя бы 30 процентов земли — и все будут сыты...

Да, но зачем тогда нужны будут колхозы и совхозы, обрабатывающие остальные 70 процентов. А вместе с ними зачем нужен и партаппарат, ими руководящий?

Нет, нельзя! Разреши всего только легальные рыночные отношения, и образуется фронт экономической оппозиции — широкая брешь в плотине, а напор общества такой, что и саму плотину размоет и унесет.

Начиная свою деятельность в качестве руководителя страны, Андропов в первой же своей речи заявил: „В общем, товарищи, в народном хозяйстве много назревших задач. У меня, разумеется, нет готовых рецептов их решения...”

Столь скромное и сдержанное вступление восхитило многих наблюдателей и заставило говорить о прагматической трезвости нового руководителя. Размечтались! Нет, дорогие друзья, у Андропова есть готовые и вполне определенные рецепты решения всех возникающих проблем. И рецепты эти четко и недвусмысленно изложены в той же речи. Посмотрим внимательно.

Вот готовый и хорошо проверенный рецепт против хозяйственной самостоятельности. Цитирую:

„В последнее время немало говорят о том, что надо расширить самостоятельность объединений и предприятий, колхозов и совхозов. Думается, что настала пора для того, чтобы практически подойти к решению этого вопроса. На этот счет даны поручения Совмину и Госплану. Действо-

вать тут надо осмотрительно, провести, если нужно, эксперимент, взвесить, учесть и опыт братских стран. Расширение самостоятельности должно во всех случаях сочетаться с ростом ответственности, заботой об общенародных интересах”.

Вот как: осмотрительно... эксперименты... „общенародные интересы”. Словно сегодня только впервые произнесено вслух: с а м о с т о я т е л ь н о с т ь! Словно не осматриваются и не экспериментируют уже двадцать лет — со времени XXII съезда партии, со времени разговоров об экономической реформе. Осматриваются и экспериментируют — и ни с места. Почему? Да потому, что страшно! Да потому, что всякая самостоятельность — хоть предприятия, хоть колхоза, хоть человека — есть свобода от всепроникающего давления правящей доктрины. Да потому, что в с я к а я экономическая самостоятельность есть угроза создания э к о н о м и ч е с к о й о п п о з и ц и и. Да потому, что не общенародные интересы заботят партийных руководителей, а то бы давно свободное рыночное хозяйство, здравая хозяйственная хватка народа решили бы все экономические проблемы страны. А заботят их одни только интересы сохранения безраздельной власти — и только эти интересы!

Опыт истории показывает: дай обществу хотя бы частичную самостоятельность, и здравым смыслом под угрозой ставится всеобщая власть партруководства, а с ней и всеобщая власть теоретической ИДЕИ: в обществе немедленно оформляется ф р о н т о п п о з и ц и и, фронт здравого смысла. Этот опыт хорошо усвоен партийными идеологами и функционерами. Такой фронт экономической оппозиции был результатом НЭПа в двадцатых годах.

Именно усилившаяся оппозиция народа потребовала от властей решительных действий: административного зажима частного сектора в промышленности и насильной коллективизации в деревне. И то и другое резко снизило уровень жизни в стране, но значительно укрепило политическую власть партийных чиновников, укрепило позиции коммунистической доктрины в ее борьбе с обществом.

Партийное руководство учится у истории: больше уже никогда власти не рисковали отменить или хотя бы ослабить систему экономических ограничений до уровня НЭПа. Идеологи запомнили: л ю б а я самостоятельность создает оппозицию.

Спустя тридцать лет хрущевская „оттепель” еще раз подтвердила этот принцип, в другой, правда, сфере: политический и экономический кризис требовал от руководства хотя бы частично р а з р е ш и т ь общественное осуждение методов политического террора времен Сталина... и сразу же в обществе духовно оформился ф р о н т оппозиции всему режиму в целом. Он не был оформлен организационно, но возник стихийно и существует по сей день как тенденция наглядно выразить общественное мнение, противопоставить его коммунистической идеологии. С этим фронтом не удалось справиться Брежневу, хотя в последние годы все организованные или хотя бы персонифицированные формы оппозиции старательно подавлялись. Этот фронт продолжает жить и по сей день, он являет собой как бы н о в ы й э т а п широкого и никогда не прекращавшегося общественного противодействия, которое и составляет содержание исторического процесса у нас в стране в последние шестьдесят пять лет.

Именно с этой тенденцией — и в первую очередь с ней! — и предстоит считаться администрации Андропова при разработке своей политики.

С этой тенденцией они и считаются, никогда ее из внимания не упускают. Самостоятельность будут „взвешивать и осматривать”, и в конце концов никакой самостоятельности не разрешат, а вот новое закручивание дисциплинарных гаек, новые дисциплинарные запреты — это сразу, это без экспериментов, это рецепт проверенный:

„Следует решительно повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины. Уверен, что в этом мы встретим полную поддержку партийных и профсоюзных организаций, поддержку всех советских людей. (Аплодисменты.)”

Смешно сказать: собственную самостоятельность со-

ветские люди не поддержат, — тут нужны эксперименты, — а зажим дисциплинарных гаек — это поймут и радостно поддержат. Но ведь административные меры не помогают решить экономические проблемы.

А что поможет? Правильно ли, что после смерти Брежнева первое что делают, в политбюро вводят Алиева, кагебешника с двадцатипятилетним стажем, и назначают его первым заместителем председателя совета министров. Он поможет решить проблемы? Какие и как?

А вдруг и поможет? Не будем скидывать Алиева со счетов.

Администрация Андропова — Алиева стоит перед необходимостью выбора: или окончательно подавить сопротивление общества, или найти пути к сотрудничеству с обществом.

Подавить? Но как? Уничтожить физически? Иначе не подавишь.

Сотрудничать? Но где? В экономике? Нет, в экономике интересы партаппарата и общества прямо противоположны и непримиримы. Обществу нужна экономика, удовлетворяющая его материальные потребности, а партаппарату нужна экономическая система, обеспечивающая его политическую власть.

Сотрудничать в политике? Уж тут-то и вовсе какое же может быть сотрудничество между насильником и его жертвой?

Но, может быть, возможно и сотрудничать, и подвлять? Может быть, возможно пойти на частный компромисс, поделить „зоны интересов”? Ведь сытая лошадь лучше несет ездока. Может быть, несколько отпустить запреты в экономической сфере — и при этом максимально „закрутить гайки” в сфере политической?

Возможно, что возвышение Алиева с его опытом работы в КГБ и аналогичный опыт самого генсека предполагают все-таки создание в экономике определенной „зоны свободы”, но при одновременном резком усилении идеологического, политического и прямого репрессивного давления на общество, на личность. Освободить рынок, допу-

стить возникновение экономической оппозиции, но парализовать страхом ее политическое влияние. Начать кампанию широкого террора, скажем, вплоть до публичных устрашающих казней. Провести некую ф а ш и з а ц и ю социализма.*

Такая политическая модель — в том или ином воплощении — могла бы спасти экономику страны. Она тем более возможна, что и общество устало от экономического дефицита, и всякий компромисс в этом направлении был бы понят и принят... Но для реализации такой модели многого не хватает. И прежде всего нет идеи, которая хоть на время примирила бы общество с политическим тоталитаризмом, оправдала бы новый всплеск террора.

Новому повороту политики нужен лозунг. А лозунг-то и нет. Русские шовинистические идеи, прозвучи они в устах азербайджанца Алиева, будут не очень убедительны. Да и вообще многонациональная структура советского общества сильно затрудняет возгонку национальных страстей до уровня политики.

---

* Возможность более широких рыночных отношений в социалистическом государстве при наличии мощной политической и военной контрсилы подтверждается „венгерской моделью”. Сумели же там найти, казалось бы, оптимальное соотношение между планом и рынком и живут небедно... Венгрия вообще может хоть и вовсе отказаться от плана и вести нормальное рыночное хозяйство, а если оно станет угрожать власти, на это есть сила советских танков.

Угроза советских танков парализует политическое влияние экономической оппозиции в Венгрии. Более того, до известной степени можно даже и политическую оппозицию допустить в „братских странах”. Не страшно. Лишь бы вовремя остановить процесс: Польша может два года с „Солидарностью” баловаться, а станут профсоюзы угрожать власти (или покажется, что угрожают), и на это силы советских танков хватит. Да еще до танков не должно, слава Богу!..

Но по нашим российским масштабам нынешних сил правящего аппарата недостаточно, чтобы безопасно разрешить у нас экономическую оппозицию. Если у нас в России сегодня разрешить неконтролируемый рыночный сектор, то разве его потом танками задавишь? И танки-то продадут и купят. Нет, тут нужны какие-то дополнительные ужесточения. Какие? Новый размах ГУЛага? „Культурная революция”? И тогда — еще один НЭП?

Где же искать лозунг, да еще и такой, чтобы он, понятно, не выходил из круга коммунистической идеологии? Без лозунга идеология — мертвый ритуал. Традиционные же лозунги типа „Вперед, к победе коммунизма!“ сегодня не работают, это лозунги наступательные, радикальные. Они и хороши для наступательного применения идеологии, для политики подавления здравого смысла народа, но совершенно бессмысленны в ситуации застоя: ведь они подразумевают некое движение, а мы куда движемся?

Здесь нужен охранительный лозунг. Здесь нужна новая охранительная доктрина, которая позволила бы правящему аппарату, не рискуя властью, ослабить контроль над одними сферами жизни (скажем, контроль над экономикой), ужесточая его в других сферах (в политике, идеологии, культурной жизни). И надо сказать, что такой лозунг, такая доктрина давно уже исподволь подготавливаются... Но на чем они основаны? Что, в принципе, может хотя бы на время примирить насильника и жертву? Только одно: общая для обоих опасность извне, со стороны — лозунг „Родина в опасности!“.

Здесь наши внутренние проблемы неизбежно смыкаются с внешней политикой. И это естественно: именно за счет внешней политики правящий аппарат получает возможность развязать руки в делах внутривнутриполитических.

Присмотримся к внешнеполитическим принципам социалистического государства — не к тем пропагандистским заявлениям о миролюбии, которыми заполнены страницы советских газет, а к реальной подоплеке международных событий последних десятилетий.

Во внешней политике партаппарат руководствуется все тем же фундаментальным принципом, все той же ИДЕЕЙ отрицания, согласно которой в любой стране меньшинство населения, „авангард“, вооруженный „передовой теорией“ (и чехословацкими автоматами), имеет чрезвычайное право диктовать свою политическую волю всему обществу в целом.

Интернациональный долг повелевает советским руководителям повсеместно поддерживать стремление комму-

нистов к захвату власти. Отсюда следуют и внешнеполитические цели нашего государства.

Во-первых, утверждать коммунистические режимы в других странах путем поддержки национальных групп, стремящихся к захвату власти (в последние годы — в Анголе, Эфиопии, Никарагуа, Афганистане).

Во-вторых, защищать эти режимы от их собственных народов (в Анголе и Эфиопии эту миссию выполняли кубинские войска, а в Афганистане и еще ранее в Венгрии и Чехословакии — советские части; теперь в Польшу — угроза вмешательства советских войск).

В-третьих, поставить барьер перед мировой общественностью, когда она хочет поддержать народы этих стран в их борьбе за свободу. Для этого и существует весь колоссальный военный потенциал Советского Союза, направленный против США и стран Западной Европы.

Подавить общественное мнение, подавить живой опыт истории — единая задача коммунистического аппарата и во внутренней, и во внешней политике. И при этом разбохщить силы здравого смысла, поставить перед ними барьеры, запреты, целые армии.

Такова простая схема...

Между тем, советскому общественному мнению, которое есть самая близкая и потому самая опасная сила мирового здравого смысла, предъявляется лишь последнее звено цепочки, лишь финальная конфронтация: США против СССР. Враг угрожает Родине. Причем природа этой конфронтации советскому человеку совершенно не ясна. Почему они нам угрожают? И поскольку никто из нас не может предположить, что мы стремимся захватить Америку, остается полагать, что это Америка стремится на нас напасть — вон какую военную силу выставили! — и спасибо нашему правительству, что ответная сила не слабее, а даже и сильнее... О том же, что мы защищаем не Родину, а коммунистические режимы каких-нибудь там Душ Сантуша или Менгисто Хайле Мариама от их народов, об этом советский человек и не догадывается. У нас один враг — США. И мы ему не уступим!

Опасность войны становится основой политической доктрины. Сильнее и не придумать аргумента в пользу правящей силы, в пользу чрезвычайного правопорядка, в пользу сохранения внутривластного статуса кво — или даже в пользу ужесточения внутренней политики.

Родина в опасности! Время ли тут говорить о либеральных реформах? Мысль о социально-экономическом движении, развитии, изменении отодвигается на второй план. Еще до войны страна начинает жить по законам военного времени. Еще без войны все измеряется войной, все о правды в а е т с я войной.

Современного советского человека одурачивают, охмуряют военной опасностью; проблемы внешней политики — в их интерпретации всякими зоринскими, жуковскими, зубковскими, несть им числа и сметы — навязываются ему повсеместно и ежечасно, оттесняя на второй план факт отсутствия мяса и молока в магазинах. Вместо альтернативы жить х о р о ш о или жить п л о х о нам подсовывают иной выбор: ж и т ь или н е ж и т ь.*

Тут идеология узурпирует понятие Р о д и н а, как ранее она узурпировала понятие г о с у д а р с т в о. Охранительная доктрина и лозунг „Отечество в опасности!” начинают полностью определять внутривластную ситуацию, а истинные интересы общества отодвигаются на задний план.

---

* Теми же методами охмуряется и мировое общественное мнение. Развертывая демагогическую кампанию „борьбы за мир”, советские политики никогда и нигде не отказались от своего „права” вооруженной поддержки коммунистов любой страны, если те захватят власть. Да не то что право — прямо-таки д о л г, „интернациональный долг!” Это значит, что любые 20—30 человек в любой стране имеют ч р е з в ы ч а й н о е п р а в о захватить власть и вызывать на помощь советские или кубинские войска, — а там говорите о разрядке и о правах человека сколько угодно. Используя в своих политических целях демократическую процедуру („движение за мир”) в западных странах, советские политики никогда и нигде не отказывались и не откажутся от своего „права” заткнуть глотку любой демократии в любом уголке земного шара. И чем громче при этом будет болтовня о разрядке, тем лучше.

Так создается ложная ситуация „сотрудничества” общества с партаппаратом. Так создается возможность проводить л ю б у ю политику внутри страны. Так партаппарат, стесненный в обычных, мирных, условиях давлением общественного противодействия, теперь может или направить это противодействие в нужное русло, и там его контролировать (в экономике), или подавить его физически (в политике, идеологии, культуре, религии, а может быть, и в той же экономике, если так будет удобнее).

Возможность политики еще не есть сама политика. Развязав себе руки для дальнейших действий, партаппарат обязательно приступит к этим решительным действиям. По крайней мере, не обязательно приступит к ним немедленно. Сегодня еще и сама ситуация „сотрудничества” остается в области возможного — и на нее-то еще нужно решиться, и ее-то долгосрочные последствия нелегко предсказать и тем более трудно контролировать...

А какие могут быть последствия? Подумаем.

Очевидно, что „ситуация сотрудничества” построена на обмане. Но общественное мнение нельзя обмануть надолго. И уж, конечно же, нельзя обмануть навсегда. Даже в нашей з а к р ы т о й государственной системе, где на слово истины наложен запрет, истина неизбежно находит время и место проявить себя. И прежде всего она проявляется в нашей обыденной жизни.

Иное дело — обман в сфере внешнеполитической. Международные отношения — вне естественного опыта простого человека. Тут его мнения целиком и полностью формируются под воздействием средств массовой информации. А в наших-то условиях — под воздействием коммунистической пропаганды. Тут возможен глубокий угар, который в обыденной жизни никак не проветришь, не выветришь... Страшно, если протрезвление наступит только после войны. А история человечества подсказывает, что именно так и происходит (Наполеон, первая мировая война, Гитлер), когда общественное мнение формируется пропагандистской моноидеей.

Все это, конечно, понимают советские политики. Хо-

тят ли они войны? Вряд ли. Надо полагать, что они с большим удовольствием прибрали бы мир к рукам мирным путем или с помощью локальных войн, как это им и удавалось до сих пор (Вьетнам, Куба, Ангола и Эфиопия, Никарагуа и Афганистан), — это более надежно, чем рисковать и собственной жизнью, и собственной властью в случае глобальной войны.

И во внутренней политике они с большей охотой будут оперировать гипотетической опасностью войны, чем реальной опасностью военного поражения. Опасность — уже сила в пользу правящего аппарата. Опасность — уже инструмент воздействия на общественное мнение, инструмент запугивания общества. Опасность войны для нас — что-то вроде опасности наших танков для венгров и поляков — решающий аргумент в пользу сохранения существующих порядков.

У правящего аппарата в ближайшее время не будет необходимости прибегать к абсолютным крайностям в политике. Оппозиция общественного здравого смысла пока успешно локализована властями, и одна лишь очевидная возможность крайних мер успешно сдерживает ее дальнейшее развитие. Полоса стагнации пока всех устраивает, и потому в ближайшее время нас, может быть, ждет не столько „кровавый компромисс” (НЭП плюс публичные казни „изменников”), сколько ужесточение того „серого террора”, который начался еще при Брежневеве — все новые и новые попытки правящего аппарата протолкнуть свою политическую волю в обход здравого смысла, избежать прямой и суровой конфронтации, которая со всей определенностью еще раз откроет, кто есть кто в коммунистической системе и кто чего добивается — еще раз откроет людоедскую сущность системы.

Военная же доктрина, ложная „ситуация сотрудничества” как политический прием — будут пока набирать силу и проходить серию частых апробаций, оставаясь, конечно, уже сегодня реальным инструментом нагнетания опасности...

Но опасность, которая долго не реализуется, перестает

пугать. Опасность надо все время освежать, нагнетать. А нагнетание военной опасности возможно лишь до определенных пределов, далее которых — война.

Нагнетание военной опасности необходимо коммунистическому аппарату еще по одной важной причине, значение которой выходит за рамки внутривластные. Дело в том, что две главные силы, противостоящие коммунистической идеологии, — мировое общественное мнение и здравый смысл советского общества — едины по своей природе, едины как воплощение исторического опыта человечества. И осознание человечеством этого единства — самая страшная опасность для коммунистической диктатуры.

А потому одна из главных ее внешнеполитических задач — эти две силы разобщить, столкнуть. Если этого не произойдет, если силы эти объединятся, то защитникам коммунистической доктрины придется туго...

Словом, как ни мять, ни валять, а в печь сажать. Сколько правящему аппарату ни лавировать, а выбор перед ним все тот же: или нагнетание военной опасности — и война, или настанет момент, когда здравый смысл общества заявит свои права на исторический процесс вопреки „чрезвычайному праву“ коммунистического аппарата.

НАДЕЯТЬСЯ ЛИ НАМ НА НОВУЮ РЕВОЛЮЦИЮ?

Название этого исследования обещает надежду, а пока ее нет, и не видно, где ее искать.

Правящий аппарат бессильно положительно решить проблемы, стоящие перед государством... поскольку сами проблемы-то создаются властью партаппарата и коммунистической идеологии. Здесь порочный круг, и чтобы выйти из него, за дело должно взяться само общество. Но как? Правящий аппарат — организованная сила. В его распоряжении весь государственный механизм... Какую же организацию должно противопоставить общество?

Одно дело — стихийное выражение общественного протеста в экономике, в культурной и духовной жизни; другое дело — изменение политической ориентации государства. Может ли такое произойти стихийно? Одно дело — практический опыт прошлого, который живет и имеет силу, даже если он и не осмыслен теоретиками; другое дело — теоретическая программа на будущее, тщательно продуманная модель будущего — ведь такая нам нужна? Одно дело — здравый смысл, другое — научная теория...

Есть у нас теория?

Есть у нас программа?

Есть у нас оппозиционная политическая партия?

Нет, нет и нет...

Более того, и не нужно ни первого, ни второго, ни третьего.

Тут нам надо отрешиться от одного традиционного интеллигентского соблазна — от радикализма. Чуть проявилось недовольство в обществе, чуть пошло общественное брожение — и ну давай сразу создавать партию радикальных перемен, которая возглавит недовольные массы, которая переустроит жизнь, поведет народ... куда? К лучшему будущему? Так мы уже и так туда идем... К демократии? Но каким образом?

В наших условиях всякая радикальная политическая мечта предполагает одну из двух фантастических возможностей.

Возможность первая. Правящий аппарат и КГБ создают в стране условия для демократического переустройства, и тогда... Право, не хочется даже развлекаться, строя предположения, что могло бы быть тогда. Такие предположения антиисторичны. У правящего аппарата много раз бывали подходящие моменты, чтобы направить общество в сторону демократии — НЭП, хрущевская „оттепель”, „Пражская весна”, теперь польская „Солидарность” — и всякий раз дело оканчивалось не демократизацией, а усилением террора. Какие еще нужны доказательства невозможности подобного поворота событий?

Вторая возможность. Каким-то образом правящий

аппарат силой отстраняется от власти (каким?! военное поражение? чумной мор? космическая катастрофа?). Но тут возникает целый ряд вопросов для тех, кто попытается взять власть в свои руки.

1. Что делать с теми, кто будет сопротивляться новым порядкам, кто попытается восстановить хорошо знакомый и удобный коммунистический режим? (А таких будет много — и сегодня, и через пять—десять лет. И не только, и даже не столько из числа партаппарата, сколько из числа людей, вообще склонных к политическому консерватизму, которых вполне устроила бы формула „сегодняшний коммунизм плюс колбаса — спокойная жизнь”). Что же с такими делать? Ставить к стенке? А не поставите — они вас поставят.

2. Кто будет ставить к стенке? Иными словами, кто возглавит процесс утверждения новых порядков? Для того чтобы хоть какой-то порядок утвердить в такой огромной и неорганизованной стране, как Россия, на первых порах нужен... чего уж там — нужна диктатура. Кто даст гарантию, что диктаторы сами захотят уступить полученную власть и что не пойдет история новыми кровавыми кругами?

3. Кто может дать гарантию, что внутренние радикальные перемены не приведут к международному конфликту, что гражданская война — а она будет! — не перерастет в мировую? Силой советского режима держатся в мире многие идеологические и политические группы. Судьба России — судьба мира. Все ли в мире захотят, чтобы судьба их решилась именно так? И прежде всего, китайские партаппаратчики — захотят ли?

4. И последнее. Кто может сказать, во сколько миллионов жизней обойдутся радикальные перемены? Сколько не жалко — одну, десять, двадцать? Скажите, прикинем, стоит ли браться или нет. Только и своих детей при считайте...

Таковы только некоторые вопросы, которые возникают при мысли о радикальных переменах в стране.

Слабость радикального политического мышления за-

ключается уже в самих его методологических началах, в его несоотнесенности с общественным мнением. Лучше всего это видно на примере с а м о й радикальной из всех политических теорий — на коммунистической доктрине. И мы увидим, что этим она не отличается от любой другой радикальной теории.

Как марксизм относится к общественному мнению? Марксисты покажут нам десяток цитат „из основоположников”, где те соглашаются, что эмпирический опыт, здравый смысл, общественное мнение — та благодатная почва, на которой расцвела их теория.

Но расцвела — и оторвалась...

Все знают, здравый смысл и теория — два различных уровня человеческого мышления. Но, по Марксу, здравый смысл и теория — и два различных уровня постижения истины. По Марксу, истина недоступна здравому смыслу — ему доступен лишь мир явлений, лишь мир видимости. И только научная теория проникает в мир сущностей, закономерностей и оттуда извлекает истину.

Но построить научную теорию, проникнуть в „мир сущностей” — значит, абстрагироваться от реальной жизни, от мира явлений, что на нашем обыденном языке попросту означает п р е н е б р е ч ь теми или иными явлениями и жизнями, наплевать на них.

Марксизм смело п р е н е б р е г а е т.

Теоретики школы исторического материализма утверждают, что они построили в с е о б щ у ю т е о р и ю, с помощью которой проникли в мир сущностей человеческой истории... Но присмотримся и увидим, что они всего лишь п р е н е б р е г а ю т реальной историей человечества, сужая ее, затемняя ее историей борьбы материальных интересов (классовая борьба).

Теория „научного коммунизма” утверждает, что проникла в сущность общественной жизни... Но присмотримся и увидим, что она всего лишь п р е н е б р е г а е т естественным историческим опытом общества, его здравым смыслом, лишь противопоставляет ему чуждую идеологиче-

скую доктрину, чуждые нормы жизни (государство развитого социализма).

Политическая практика партаппарата — тоже в том „мире сущностей”, где власти п р е н е б р е г а ю т потребностями и интересами общества, противопоставляя им свое чрезвычайное право распоряжаться чужой судьбой.

Тут выстраивается занимательный (и знаменательный) ряд понятий по-марксистски:

„Мир видимостей”:

явления,
здравый смысл,
общественное мнение,
демократия,
общество,
история до 1917 г.

„Мир истины”:

сущности,
общественная теория,
идеология,
чрезвычайное право,
партаппарат,
история после 1917 г.

Все так! С этого мы и начали: мы — видимость, нас — нет; а о н и — вот они, о н и — сущность жизни, ее хозяйева. Как видим, подавление общественного мнения, подавление здравого смысла имеет глубокое философское обоснование. Нас нет не только потому, что партийные чиновники высокомерно не желают нас замечать, нас нет потому, что марксистская философия в принципе отказывается видеть в наших жизнях, в нашем опыте с у щ н о с т ь истории. В лучшем случае мы — объект преобразовательской деятельности, объект исторического процесса; а субъект, понятно, — коммунистическая ИДЕЯ, теория, а в конкретной политике — партаппарат.

Из нас неразумных лепят наше же счастливое будущее, а мы еще брыкаемся и сомневаемся — наше ли? Так ли уж счастливое?..

Но ведь не только теория коммунизма — всякая радикальная общественно-политическая доктрина исходит из того, что партия имеет право (чрезвычайное?) переустраивать жизнь общества в соответствии со своей программой, в соответствии со своей моделью будущего.

В с я к а я радикальная партия исходит из того, что общественно-государственное устройство есть о б ъ е к т исторического процесса.

В с я к а я радикальная партия исходит из того, что она, партия, со своей доктриной и программой, есть с у б ъ е к т истории и что только она, партия, может направить общество на путь истины, который ей доподлинно известен и обоснован той или иной, но всегда „единственно верной” теорией исторического процесса — это все равно, о чем идет речь, о коммунизме ли, о национал ли социализме, о „ливийской революции” или о любом более умерном политическом движении к „истинной” демократии в будущем, топчущем насущную демократию сегодня.

Нет, никакая историческая „теория”, никакая радикальная программа, в принципе, не может быть абсолютно истинной. Она всегда лишь частный опыт, искусственно вырванный из живого и многообразного исторического процесса.

Из всех радикальных общественных течений в России коммунисты были сильнее не потому, что их „научная теория” более убедительна — ничуть! — они были сильнее только потому, что решительно утверждали за собой право на социальный эксперимент. Они были сильнее только потому, что наиболее последовательно о т р и ц а л и общественное мнение, общественный опыт как силу реального исторического процесса. Наиболее последовательно пренебрегали.

Эксперимент состоялся...

Если правы радикалы, то русская история закончилась в 1917 году или в 1918-м, поскольку уже в то время не осталось сколько-нибудь значительной политической силы, способной противостоять большевикам.

Если правы радикалы, то русская история может возникнуть только с возрождением политической силы оппозиции. Не слишком важно, где ее искать. То ли в оппозиционной интеллигенции, то ли в истеблишменте, то ли среди генералитета.

Если правы радикалы, то с у б ъ е к т о м истории была, есть и будет политическая установка (партия, теория, программа, чрезвычайное право).

И наконец, если правы радикалы, и субъектом истории

может быть политическая теория, то чей-то частный опыт, частное мнение, частная воля — если мы допустим, что так, то история человечества заканчивается: антагонизм частных волей — всегда война, а в наше время война — гибель цивилизации.

Но нет, радикалы неправы. И доказано это... историческим экспериментом самих большевиков. Их политическая практика убедительно показала: попытка переустроить жизнь общества по некоей искусственной, заранее заданной модели — не удастся; попытка направить жизнь общества в сторону, противоположную естественному историческому опыту — не удастся; попытка подавить общественное мнение — не удастся. А почему?

А потому, что истинный субъект истории — не партийная программа. Истинный субъект исторического процесса — здравый смысл общества, его исторический опыт, закрепленный в общественном мнении.

Частный опыт натолкнулся на опыт всеобщий.

Бешеная тирания чрезвычайного права натолкнулась на смиренную мудрость народного опыта.*

---

* Вряд ли верно понятием „тирания“ объединять исторический процесс в России до и после 1917 года, как это делают некоторые историки. Ни революционная тирания Ивана Грозного и Петра, ни тем более жестокая охранительная политика Николая Первого не затрагивали и не старались изменить нравственные и духовные основы русского общества, их христианскую сущность. Тирания всегда была направлена против политических противников и соответствующих институций, а не против общества в целом; духовная преемственность, нравственная и культурная традиция претерпевали лишь внешние изменения (при Никоне и Петре)... Но разве иные формы принимала политическая борьба в Европе в шестнадцатом—восемнадцатом веках?

Те, кто по формальным политическим признакам ищут в русской истории аналогий нынешним событиям (скажем, по отношению власти к политической оппозиции или по частоте смертных приговоров), безусловно пренебрегают (абстрагируются?) общественным сознанием как значимой реальностью истории. Или же по традиции радикального мышления, не замечая фундаментальных процессов общественного сознания, путают его с партийными

Но что ж это, отказываясь от радикальной партийности, мы сами отнимаем у себя надежду на радикальное переустройство советской жизни, на освобождение из коммунистического плена? Не будем огорчаться. Надежда была ложной.

Как бы мы ни симпатизировали деятелям, смело требующим общих и частных перемен в политике, как бы мы ни ощущали нравственную силу и необходимость такого рода протеста, — а именно в нем сегодня общественное мнение наиболее остро объективировано, — как бы мы ни понимали значимость поведения людей, демонстративно отвергающих ложь, и как бы мы сами ни стремились вести себя именно так, мы все-таки должны признать, что никакие общие политические перемены сегодня невозможны и что уж тем более не спасут нас частные изменения в политике, оставляющие неизменной систему в целом.

Что же нам нужно? Не ухо же первосвященникова раба. А свободу нельзя добыть насильем.

Русская революция 1917 года доказала хотя бы одну благую истину: партийная борьба радикалов опасна и бесплодна, и время ее в истории человечества завершается.

Или ею завершится сама история...

На что же нам надеяться?

На здравый смысл общества, на общественное мнение.

установками. И тогда русская история видится им как цепь ошибок, допущенных в разные эпохи либеральной оппозицией, или как череда ловких тиранов, этими ошибками воспользовавшихся... Но тогда сегодняшняя стойкость русского общества и неудачи сегодняшних тиранов никакого объяснения в истории не находят.

Вместе с тем, было бы чрезвычайно плодотворно процесс русской политической истории просмотреть в соотношении с фундаментальным процессом развития общественного сознания, общественной морали, общественных представлений и мнений. Вот тут-то мы и увидели бы, что именно преемственность общественного сознания в различных его формах и проявлениях и определяет единство истории. И что Сталин и Иван Грозный — не звенья в цепи тиранов, сковавшей Россию, но исторические явления принципиально разной значимости.

А это сила немалая, ею движется глубинный исторический процесс...

И еще на мудрое смирение, которое и составляет духовную основу здравого смысла. На смирение, которое и позволило нашему обществу выстоять против чудовищного, невиданного в истории давления, ибо смирение — не форма рабского подчинения, но форма духовной свободы в условиях административного рабства.

Иными словами, наша надежда — не на победоносную революцию, а на фундаментальную и плодотворную работу общественного мнения.*

---

* Употребляя термин „общественное мнение” я имею в виду отношение общественного сознания к явлениям жизни. Общественное мнение всегда есть проявление неудовлетворенной общественной потребности, и поэтому оно не может возникнуть там, где потребностей нет. Его не может быть ни в раю, ни в аду. Скажем, в обществе, где в принципе невозможно убийство, заповедь „не убий” теряет свой смысл, равно как и мнение, осуждающее убийцу.

Поскольку весь комплекс потребностей общества сформирован историей, постольку о б щ е с т в е н н о е м н е н и е — не моментальное состояние сознания, а исторический континуум, хотя мы и рассматриваем его в какой-то определенный момент времени и в отношении к определенным явлениям. Иначе говоря, мы имеем дело лишь с частным проявлением общественного мнения, тогда как все в целом оно остается нам недоступно.

О б щ е с т в е н н о е м н е н и е — сложная совокупность отношений к сложной совокупности явлений. Оно стихийно выражается в прямых действиях и во всей организации жизненного уклада.

Выраженным общественным мнением является фактическое состояние морали, политики, культуры, экономики и т. д. У общества нет более убедительного способа выражения своего мнения, как только общественное д е й с т в и е, творящее общественную реальность и прежде всего — ч е л о в е к а. Поэтому об общественном мнении нужно судить не столько по высказываниям идеологов или тем более по инспирированным „опросам”, но более — по реальному воздействию общества на основные социальные институции, а через них — на личность к а ж д о г о в обществе. В этом смысле о б щ е с т в е н н о е м н е н и е е с т ь с у б ь е к т истории.

Компетентность и истинность общественного мнения не имеет внешнего критерия в видимом мире. Его ничто не может пересоздать, оно же создает всю общественную реальность.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА ВЫЖИТЬ

Мы говорим, что общественное мнение сопротивляется коммунистической доктрине. Это так. Но почему же это сопротивление никак не отражается на структуре советского общества? Ведь партийные идеологи, пожалуй, правы, когда говорят о его монолитном единстве.*

Если не считать несколько сотен (или тысяч?) откровенных оппозиционеров-диссидентов, деятельность которых имеет скорее нравственное, чем политическое значение, то факт сопротивления никак не отражается в структуре советского общества. Это и делает сопротивление вообще незаметным для людей, привыкших общественные явления разводить, как боксеров на ринге, — по разным углам истории. А тут из сознания советского человека, жизнью причастного к советской системе, куда выведешь его же сопротивление той же самой системе? Тут все в одном сознании, в одном сердце, в структуре одной личности — и причастность, и отрицание; тут же и борьба этих качеств.

Эту постоянную раздвоенность нашего сознания, эти мучительные вопросы и имел в виду Солженицын, когда подсказал свой ответ: „Жить не по лжи!“ Слово было услышано многими... Но обращено-то оно было к тем, кто знает, где ложь, а где правда.

Большинство же, здравым смыслом постигая истину в своей обыденной жизни, не умеют сопоставить ее с жизнью общества в целом. Слишком затуманен горизонт советского человека постоянным пропагандистским угрозом, слишком резко обрублены его связи с общественной мыслью, — а вместо того видит он перед собой лишь

---

* Вот суждение, случайно (как, впрочем, и все с Запада) попавшееся мне на глаза: „По мнению итальянских коммунистов, Советский Союз остается авторитарной империей, основанной, однако, на широком согласии... Это общество, которое меньше контролируется секретной полицией, чем в сталинские времена“ (Итальянский еженедельник „Панорама“ от 1 ноября 1982 года).

лживые рожи телеобозревателей, словно вертухаев по краям зоны.

Бывшие лагерники вспоминают, что где-то в сталинских или в гитлеровских лагерях христиане причащались, лишь касаясь друг друга. Физический плен не мог лишить их духовной свободы. Они искали и находили пути приобщения Истине...

Где нам искать?

Мы — плененное общество. Не только физически мы принадлежим чуждой нам политической системе, но и разум наш в плену у партийных пропагандистов, наше слово в плену у них. Мы молчим, даже когда знаем, что сказать. Мы молчим, потому что шаг влево, шаг вправо — и патруль открывает огонь. Как нам жить не по лжи? Чему причащаться?

Нет, мы не выступаем на партсобраниях "против", а иногда даже выступаем "за"; нет, мы не выходим на улицу с антисоветскими плакатами, а дважды в год выходим с бодрыми советскими лозунгами; мы не требуем категорически, чтобы уже завтра в магазинах была колбаса, а молока бы давали, сколько выпьешь, а не по справкам от детского врача, как сейчас...

Нет, мы не приспособливаем эту реальность к своим потребностям, мы медленно, но верно переиначиваем ее по-своему. И она поддается! Мы заставляем считаться с тем, что мы — живы...

Мы больны. Сознание каждого из нас раздвоено, но, может быть, именно эта раздвоенность и позволяет нам всем быть одним, единым обществом. Это ведь такая простая мысль, — что мы все — одно, одно общество, одно целое. Мысль такая странная и такая страшная.

Орлов и его тюремщики — одно целое?

Президиум партсъезда и мы, сидящие у телеэкрана, — одно целое?

Люди, страдающие, вынужденные лгать, и наглые насадители лжи — одно целое?

Плачущие и самодовольные — одно?

Не та ли это мысль, которую находим мы в газетах,

где пишется о единстве партии и народа? Та же самая, да по-другому понятая. Там говорится — самодовольно и победно, — что все мы — все! — служим одной единой ИДЕЕ, что все мы во власти у нее. Так ли это? Так. Мы вынуждены служить. Но мы утверждаем, что темная сила, захватив нас физически, никого из нас не раздавила духовно, не размазала — н и к о г о! Мы в плену, но мы живы.

Надо бы постоянно и внимательно изучать этот исторический феномен — д в о й с т в е н н о с т ь сознания советского человека. Противостояние ИДЕИ и здравого смысла — оно везде, сверху донизу, и здравый смысл начинает выдавливать, оттеснять постороннюю идею, начинается медленное, медленное выздоровление. Понятно, что оно происходит не по стартовому пистолету — начали выздоравливать! — но происходит же. И сегодня уже никому не придет в голову взорвать, скажем, Исаакиевский собор, как некогда легко и не раздумывая взорвали храм Христа Спасителя.*

Мы говорили много об истории. Но разве то, что теперь происходит у нас в стране, не исторический процесс? Общественное мнение теснит бесчеловечные порядки, медленно, но неуклонно сужает сферу власти идеологии над нашим сознанием, приспособливает к своим потребностям экономику... Так больной, но крепкий организм локализует очаг болезни, еще недавно столь яростно развивавшийся и грозивший смертельным исходом..

Процесс идет слишком медленно? Да, слишком медленно. И возможны тяжелые рецидивы. Но ведь другого-то у нас нет, вот что! И наши надежды нам больше не с чем связать — даже если эти надежды кому-то кажутся зыбки и нереальны.

Н а м о с т а е т с я о д н о: и з ж и т ь ИДЕЮ, как организм изживает болезнь. Всем изжить. Всему обществу

---

* Но если бы кому-то из правителей пришло бы такое в голову, можно не сомневаться, взорвали бы, и не раздумывая, и общественного мнения не запрашивая. Социализм остается социализмом. В о з м о ж н о с т ь насилия ничуть не становится меньше.

в целом. И нам, давимым, и тем, кто давит; и вертухаям, и экам; и партапаратчикам, и всем, всем под ними — всем. Преодолеть двойственность нашего сознания в пользу здравого смысла. На это и надежда. А на что же еще надеяться? Альтернатива этому процессу сегодня видится только единственная — в о й н а.

Людам ли дано спасти мир? Как это произойдет и произойдет ли, никто не может знать. Но если до сих пор мы видели проявление Воли, творящей историю, в здравом смысле народа, то с чем еще связывать наши надежды?

Нам неизвестен Замысел истории. Человек поймет его лишь тогда, когда история завершится и преодолена будет слабость и раздробленность единичного человеческого разума... Но процесс истории у нас перед глазами. И если мы видим, что общественный разум — субъект исторического процесса, то нетрудно различить, на что направлен и сам процесс, что есть его о б ъ е к т.

Общественный разум формирует сознание каждого из нас в отдельности. Человек, личность есть объект исторического процесса. Нам это важно знать, если мы не хотим подобно политикам-радикалам ошибиться в направлении своих усилий.

Сама отдаленность, автономность человеческой личности, сама способность человека индивидуально противостоять Злу — великая сила!

Радикальная идеология сильна лозунгом. Она призвана воздействовать прежде всего на рудиментарные области сознания, которые привязывают человека к толпе, она обращена к инстинкту. Там же, где человек один на один со своим разумом, со своей совестью, радикальная идеология бессильна.

Опыт прошлых поколений, их отношение к жизни, их мнение о жизни формируют личность современного человека и позволяют ему выстоять против давления доктрины. Нам остается одна надежда — надежда на то, что исторический процесс освоения (или, вернее,

отторжения) общественным разумом чужеродного тела социализма пойдет скорее, чем процесс политической и нравственной деградации правящего аппарата, что могло бы привести всю систему на грань катастрофы. В некотором смысле наша надежда — на стабильность социалистического государства.

Мы не можем себе позволить какого бы то ни было радикального вмешательства в исторический процесс, но нет ли у нас возможности для консервативной поддержки этого процесса? Мы не можем помочь советскому человеку уже сегодня жить не по лжи, но нельзя ли помочь ему не мыслить категориями лжи? не на то ли нам надеяться? Нельзя ли помочь ему сделать свой, пусть умозрительный, выбор между ложью и правдой, между тьмой и светом? У нас нет сегодня пути к физическому освобождению из плена, но, может быть, нам следует сосредоточить свои усилия на поисках пути к свободе духовной и нравственной, и прежде всего освободить из-под страха глаза, душу и разум, дать работу совести?

Казалось бы, простейшее человеческое право — право на свободу совести, право на выбор мировоззрения. Не работа ли совести сопутствует обычной работе общественного мнения в любом демократическом обществе? Да. И это значит, что наши надежды связаны с тем, чтобы в тоталитарном государстве утвердить независимую зону демократического обычая — в нравственном сознании людей. Так, чтобы каждый мог постоянно причащаться правде. Так, чтобы это было в силах каждого.

Пожалуй, сам факт, что общественно-политическая ситуация оставляет нам одну-единственную возможность обратиться к людям — возможность обратиться к их совести, — факт совершенно необыкновенный в новой истории. Впервые политические методы, доведенные правящим аппаратом до абсудра и бессилия, отступают на задний план. Мы попросту лишены политического выбора... Но в то же время, как живые люди, мы не можем отказаться от выбора вообще. Мы выбираем. И не столько политическую позицию, сколько нравственную точку зрения.

И вот что еще важно: не здесь ли, не в недрах ли нашего чудовищно отрицательного опыта вообще возникает некое новое, по-своему даже и д е а л ь н о е гражданское устройство?

С а м п р о ц е с с о т т о р ж е н и я коммунистической ИДЕИ не создаст ли в будущем, не начал ли создавать уже в настоящем ту новую социальную общность, те новые гражданские институты, которые преодолеют и тупую бесчеловечность тоталитаризма, и нравственную податливость демократии, всегда готовой уступить тому, кто ловчее сумеет обмануть простое большинство избирателей?

Отрицательный опыт — тоже опыт, и, пожалуй, даже наиболее ценный, наиболее выстраданный. Практическая ценность нашего отрицательного опыта уже и сегодня очевидна: Франция и Италия, а с ними, пожалуй, и вся Европа, пока еще не коммунистические только лишь по той единственной причине, что есть в мире о т р и ц а т е л ь н ы й опыт системы реального социализма. А без этого — постоянно на глазах — опыта давно бы социальная демагогия коммунистов охмурила большинство избирателей, как в свое время фашисты охмурили немцев... Так что это мы прикрываем Европу от наступления коммунистической ИДЕИ, как некогда прикрыли от татар...

Отрицательный опыт — сила. Не будем высокомерно пренебрегать им, полагая, что будущее подскажет нам нечто независимое от опыта сегодняшней общественно-политической системы. Не повторим ошибки радикалов. Общественное мнение не умирает и не умирает. Оно — влиятельная реальность сегодняшней жизни. Оно работает и развивается. Оно влияло и влияет на действующую систему политики, экономики, права, на все существующие гражданские институты. Оно-то и создаст — уже, должно быть, и сейчас создает вопреки коммунистической идее! — все, чему надлежит проявиться в будущем.

И мы — участники этой работы.

Но возможно ли сегодня сказать об этом к а ж д о м у? Возможно ли обратиться к к а ж д о м у? Нет, невозможно... К каждому — невозможно.

Сегодня у нас есть только один способ содействовать работе здравого смысла: закрепить этот процесс в слове и в общественном сознании, объективировать его. Сегодня промолчать — все равно что разминуться с истиной. Истина — достояние общественное, и что сегодня тайна — завтра будет говорено с крыш. Надо говорить.

Быть может, слово правды, произнесенное и произносимое, само найдет дорогу к тем, кто ждет его, к тем, кто его ищет? Будем надеяться на это. А что слова ждут и ищут, что люди хотят осмыслить собственную жизнь в категориях здравого смысла — в этом нет сомнения, это мы видим вокруг себя ежечасно. И если в течение шестидесяти пяти лет общественный разум находил и находит формы сопротивления грозящей нам духовной смерти, будем надеяться на него и впредь. Будем стучаться — и откроется.

Общественный разум и опыт истории, в принципе, нерасторжимы. Я не предрекаю обязательной победы морали и разума над радикальным безумием в политике. Я говорю только, что общественный разум, мнение, волю нельзя подавить. Они будут живы до последнего — до момента физической гибели человечества.

И, значит, до момента физической гибели у нас будет надежда.

Больше нам надеяться не на что.

Л О В У Ш К А

Роман в четырех письмах

Привет из Заборска!

Здравствуй, Сергей Михайлович, после длительного молчания, пользуясь случаем, решил написать письмо. Да ведь как у нас бывает в жизни: рвешься из последнего, ни о чем не думаешь — ни о здоровье, ни о семье — одна работа, и вот сейчас пришлось забраться в больницу. Причина одна — Вам пишу как это есть, — ну, болезнь мою знаете: сах. диабет II (средней тяжести), — но не эта причина лечь в больницу. Буду краток и опишу без нытья, так как к этому не привык, но одно только не укладывается в душе: за что все так делается и где справедливость искать?

Я, как знаете, шесть лет последних работал начальником районного управления сельского хозяйства. Теперь по указанию и личному выбору Жуковца Н. С., первого секретаря обкома, подготовлено на мой счет мудрое постановление бюро, вызванное жалобой колхозников к/х „Красный каучук”, что бывший их председатель завалил все дела, колхоз находится в тяжелом положении — 6 млн. долгов, на земле нет хозяина, строительство не ведется; что он нарушил колхозную демократию, без согласия Совмина землю передал совхозу им. Р. Люксембург... Жалоба адресована на имя Соломенцева М. С., председателя Совета министров Российской Федерации, в связи с чем Жуковец на подъем этого хозяйства называет мое имя.

Постановление бюро гласит: в целях укрепления руководства, значительного улучшения производственно-финансовой и хозяйственной деятельности, ликвидации убыточности направить на должность председателя колхоза „Красный каучук” т. Хренова В. А., работающего начальником управления с/х Заборского райисполкома.

Я в начальники не лез, кажется. Десять лет я работал директором совхоза в Сосновых Горах, тянул, вытягивал, по телевизору нас показывали, Переходящее Знамя Совмина ты же своими руками мне вручил на вечное хранение. Не буду перечислять, что все фермы были механизированы, что для народа карусели и гигантские шаги построил...

Когда начальником управления назначили, я до унижения дошел, в кабинете у Жуковца слезами плакал, чтобы только оставили меня в покое. И жители сосновогорские писали в защиту, чтобы меня директором совхоза оставили, но ничего не помогло. Ладно, поднял семью и переехал.

Шесть лет я работаю в Заборске. Теперь, в общем, и не снятие, а даже повышение, в крупнейший колхоз назначают, но дело не в этом: ежедневно надо будет человеку, больному сах. диабетом, сидящему на дотации инсулина, ездить на работу к 5—6 утра за 40 км и возвращаться в 9—10 вечера. Или туда переезжать, бросать семью, больных ребят — у старшего астма, младший, сам знаешь, без врача неделю не обходится. В общем, обстановка семейная и болезнь не позволяют давать такого согласия. Но и за невыполнение решения бюро и указания Жуковца ждет жестокая опала примерно такого характера: снятие с работы, строгий выговор или исключение из партии. И хотя ничего такого прежде по работе не заслужил, но в подобных случаях он ни на что не смотрит, и будет устроено гонение, как это уже делалось не на одного человека. Напоминаю: после снятия с работы известного тебе секретаря Песковского райкома тот устроился в Подмосковье. Жуковец узнал через Конотопа* или других, выгна-

---

* В течение многих лет — 1-й секретарь Московского обкома партии.

ли с работы, заставили вернуться в нашу область, держали долго без работы, потом, после того как жена не выдержала и поехала унижаться на прием, кое-как дали работу в колхозе экономистом — пожилого человека с больной женой из райцентра выкинули в ссылку. Таких примеров, сам знаешь, много. Вот примерно такая судьба и меня ждет за все старания.

В связи с этим и решил писать письмо, посоветоваться, что делать. Жалко и ребят, и жену. Работы, конечно, не боюсь, но вот болезнь моя и ребят уже не позволяет уезжать от больницы да и на себя принимать пожизненную муку и скитания. Хорошо только говорить врачам, что нужен режим питания при моей болезни 4—5 раз малыми дозами — диетическое питание. Председатель колхоза с утра запрягся и поехал. Кто же режим питания при такой разъездной работе создаст? Я уж не говорю о проклятой водке: из района представитель приедет — напой да выпей за компанию, из области — напой да выпей; санитарный врач прибудет, или пожарный инспектор, или снабженец из „Сельхозтехники” — с каждым пей, а то дело не сделается, зажмут, оштрафуют. Зеленый змий колхозом руководит, а не председатель.

Сергей Михайлович, в общем, так стоит вопрос: работу бросать, но как избежать гонения? — на болезнь обком не посмотрит, постарается закрыть глаза. Кого и повыше меня до земли пригибали. Нашего бывшего первого секретаря райкома Пастухова А. С. только после двух инфарктов освободили от работы — ждать этого тоже не спасение. Какой выход? Иммигрировать за пределы области — по партийной линии будут розыски, о чем писали из Песков. Как определиться? Что можешь подсказать, как защититься, где искать поддержку? Какие партийные законы на этот счет?

Вот все эти вздергивания нервов заставили лечь в больницу с повышенным сахаром — 240 мг. Сейчас, может, как вариант дальнейших испытаний, будут дергать врачей — не сделка ли здесь какая? Поэтому лег в больницу

в Конобеево, подальше от районного центра. Вот как у нас бывает гонение и опала по-заборски...

Ну, напиши, ведь ты можешь что-то подсказать, мудрости тебе не занимать, ты ведь у нас и в институте был самым умным.

Может, что я написал неясно, сам знаешь, при такой ситуации трудно сосредоточиться, нервы натянуты. Советуют к Жуковцу съездить, но боюсь там сорваться, нагрубить или еще чего хуже. И про что говорить ему? Он что, сам мое положение не знает? Знает, и нарочно давит... Район возмущен такими действиями, все сожалеют, но никто не может отменить барского слова Жуковца. Я обращался к бюро райкома ходатайствовать о предоставлении мне какой-нибудь посильной работы в Заборске. Они могут, это есть партийная демократия да и вообще простая порядочность. Но они пока все обещают и сочувствуют, а дальше дело не идет. А от обещаний и сочувствий мне не легче; надо решать: или уезжать искать работу, или ждать расправы, сидеть и ждать, какую он мне даст работу после опалы. Теперь Жуковец все равно не даст работать и при любом моменте и под любым предлогом сгонит с работы. А это с моей натурой переносить трудно, лучше уйти как-то по состоянию здоровья. Ну, на этом заканчиваю, жду письма. Помогай, как уйти из этого круга, как найти свои права.

Говорят, когда второй секретарь обкома Зайцев был недавно в Сосновых Горах, народ в беседе отозвался о моей прежней работе тепло, что он, мол, поднял хозяйство и т. п., а тот доложил Жуковцу: вот есть такой человек, в крупнейшее хозяйство годится — и кухня заработала... Я как подумаю об этом, всего трясет, и врачи беспокоятся. Что же из Сосновых Гор-то меня забирали, я ведь так просил, умолял. Когда сюда переехал, то и в кабинет заходить противно было, хотелось облить керосином и сжечь всю эту лавочку — все эти исполкомы и управления с ненужными людьми. Ничего, удержался, а потом привык... А теперь снова — как половую тряпку используют человека. Но я-то, Сережа, уже не тот. Постарел, поумнел.

Пока молодой был — тянул, впереди перспективу видел: индустриальное хозяйство, улыбающийся народ, тройки с лентами на свадьбах. А теперь знаю, ничего там впереди нету: темно и давиловка. Не хочу... Я как из Сосновых Гор уехал, так сразу там все карусели и гигантские шаги сломали — никому они не нужны оказались, только мне одному. Я сначала обижался, а теперь осознал своим умом: народу жрать нечего — кто на каруселях веселиться будет?

Ну вот, наверное, все, что и хотел написать. Чтобы идти председателем колхоза, нужно знать меньше, чем я сегодня знаю. Хочу заранее послать заявление нач. обл. с/х управления об освобождении в связи с ухудшением здоровья, чтобы за время болезни истекло две недели, и кое-как уйти от ударов, но буду ждать письма от Вас. Извини еще раз, может, что не так написал. Большой привет Кате и всей семье.

С уважением

Василий Хренов.

2

Дорогой Василий Андреевич!

Прочитал твое письмо и огорчился: плохо, конечно, все. Вряд ли какие выводы с твоей стороны могут быть приняты во внимание обкомовскими людьми. Если у тебя нет инвалидности, для них ты здоров и способен занять любую должность, предколхоза в том числе. И не отказывайся, и заявление не пиши — тем более, не показывайся к Жуковцу: ты мужик вспыльчивый, временами неуправляемый, — обком, конечно, тебе поджечь не дадут, но как бы ты все же не натворил чего. Успокойся и помни: ты не просто Вася Хренов — муж своей жены и отец детей. Ты — член партии, куда вступил добровольно, зная, на что идешь, зная, в какую игру играть будешь. С тех пор как ты в партии, ты всегда играл по правилам этой игры и, не будем

лукавить, всегда что-то выигрывал. По этим правилам, ты — рядовой зоотехник — стал руководителем совхоза, потом — начальником в масштабе района. Мы все по этим правилам играем, и чем точнее их соблюдаем, тем больше размер выигрыша... И по тем же правилам ты должен ехать и должен стремиться выиграть, поднять колхоз, прогреметь, как прогремел в Сосновых Горах. И качели с каруселями должен построить, даже если они никому и ничему, кроме твоих отчетов, не нужны. Должен и фермы механизировать и громко кричать об этом — даже если знаешь, что это — капля в море хозяйственной нищеты, да и та подана с опозданием в десятки лет — должен! И пить — пить тебе придется, чтобы установить хорошие отношения и с начальством, и с десятками других представителей-посетителей, от которых ты зависишь — от кладовщика до корреспондента „Правды”. Все это ты должен, потому что в противном случае произойдет все то, о чем ты мне писал, — ты проиграешь. Ну, если и не так жестоко, как видится, то все-таки достаточно противно. Хотя и от крайней жестокости ты не застрахован: ведь мы, номенклатура, самые каторжане, себе не принадлежим, — куда ни запихнут, бери, что дают.

Помнишь Изгоева, моего друга, директора школы в Карле? Какой педагог был? О нем десятки статей написаны, он сам книгу писал... Его взяли в райком третьим секретарем. Да что там взяли — заставили, и пикнуть не дали. Другой бы счастлив был на всю жизнь: секретарь райкома, фигура, власть — многие живут ради этого. А он год проработал, а дальше напрочь отказался — противно стало, дела никакого не было. Одна пустая болтовня. Он почувствовал, что должность эта вообще не нужна, лишняя, — и он, секретарь райкома — лишний, ненужный человек, бездельник. Он мужик крепкий, не робкий — что думал, заявил прямо, назад в школу попросился... С ним жестоко расправились: не только директором школы не вернули, — хотя эту школу он сам от нуля создал, — но и учителем туда не взяли. Год он ходил без работы, пороги и в области, и в столице обивал, — а кто поможет? Кто

поможет, если первый секретарь обкома велел примерно наказать его? На второй год дали ему полставки, чтобы не сдох. А куда денешься? Если партбилет на стол бросишь, вообще учителем не возьмут... Так и таскается без дела, пьет, — полчеловека осталось. Эта система всех нас в кулаке держит.

Но как же тебе-то, друг мой, практически помочь? Я тут по телефону выходил на вашего Зайцева, второго секретаря обкома. Он мне описал ситуацию примерно так, как она и тобой описана... Ты немного опоздал. До того как Жуковец в дело вмешался, можно было бы к тому же Зайцеву ходы поискать. Мы тут в прошлом году ему кое-какие услуги оказывали, он мужик негордый... Но теперь, когда это выглядит как решение Жуковца, спасти тебя мог бы только звонок ему лично от кого-то из зав. отелом ЦК, — личные отношения надежнее официальных. Но, увы, я такой звонок организовать не могу, — это слишком большая услуга, и мне за нее нечем расплачиваться, не те у меня возможности. Максимум, что позволяет мне положение, — позвонить секретарю райкома и попросить его за старого институтского приятеля. Но поможет ли это тебе? Думаю, что нет, равно как и затея с поддержкой со стороны бюро райкома. Что такое райком перед Жуковцом? Мошки, букашки...

Вместе с тем, ехать председателем тебе, конечно, нельзя. Не потянешь, силы не те, возраст не тот, не то желание. Я же чувствую: главное — не то желание! И конечно, здоровье, нервишки... Как же быть? Спасти дело может только твоя жена Наталья. У нее своя игра, свои правила.

Ты не бунтуй — молчи и соглашайся ехать председателем. Крайнего энтузиазма, конечно, не выказывай. Со вздохом, но поехать соглашайся. Партия посылает, и ты готов, несмотря на болезнь и все такое прочее. В общем, наш обычный труженик-герой... А Наталья пусть поднимет скандал — да не просто скандал — б у р ю!!! Пусть идет в кабинет к Жуковцу, пусть плачет и падает в обморок: еще бы не плакать и не падать! Муж соглашается идти на верную почти гибель — он тяжело болен, а идет председа-

телем колхоза. Он, муж, конечно, честный партиец, но о ней-то должен подумать?! О семье, о детях должен подумать или нет?! Словом, Наталья должна заставить Жуковца не только отказаться от мысли назначить тебя, но заставить его, напротив, убедить тебя не становиться председателем. И если миссия у Жуковца не выйдет, пусть едет в Москву, на прием в ЦК. Но, конечно, лишь после того, как откажет Жуковец.. Но я уверен — он ей не откажет, если она хорошо постарается, побоится, что его обвинят в понижении роли советской семьи.

И пусть она не просто просит — пусть настаивает именно на таком продолжении, какое вам нужно: Заборск — пусть просит Заборск, другой какой город — пусть требует другой город. Пусть будет посмелее и понастойчивее. Сейчас благополучие вашей семьи в ее руках — насколько она усвоит правила игры.

Пиши о развитии событий. Твой

Анкудинов С.

Р. С. Не повидаться ли тебе с Изгоевым, о котором я писал выше. На чужих ошибках учатся, а он мужик умнейший.

С. А.

3

Милый Сережа!

С поклоном к тебе забытый тобой Изгоев. Тороплюсь писать тебе, поскольку по твоей воле стал я свидетелем и даже участником этой истории, о страшной развязке которой ты уже наверняка знаешь, дошел слух — случай-то необыкновенный... Думаю, знаешь о том, что неделю назад похоронили мы твоего товарища Василия Хренова, — вернее, то, что от него осталось. Похороны были на скорую руку, все дело представлено теперь как несчастный случай,

как неосторожность: жаркое лето, сушь, сгорел человек по неосторожности... Глупости! Я знаю, как все было — все на моих глазах произошло. Но расскажу все по порядку...

Он приехал ко мне примерно месяц тому назад. Мужичонка славный, думающий, открытый. Рассказал мне свою историю: „Как быть?“ А я разве знаю, как быть? Это ведь дело совести, какой путь выбрать, какую жизнь предпочесть... На тебя он был немного обижен за совет послать жену: „Я лучше сам десять раз подставлюсь“. Такая миссия казалась ему почему-то унижительной для нее, хотя я с тобой совершенно согласен: с этими лгунами и циниками иначе играть нельзя, не выиграешь.

Но у Хренова были другие надежды: ему пообещали поддержку в райкоме, — у него были стойкие иллюзии по части партийной демократии и простой человеческой порядочности. Он сам многим помогал в районе, думал, и ему помогут. Мне-то сразу иллюзии эти показались наивны, о чем я ему и сказал. Но уверенность его была какой-то простодушной и заразной... Не могу простить себе, почему я позволил ему уехать с этими настроениями, даже помогал проект решения бюро составить. Это простодушное заблуждение и погубило его. Я должен был раскрыть ему глаза и не сделал этого: все мы набиты благодушным вздором, все нам кажется, что, может быть, есть где-то справедливость — на чьей-то судьбе сломается проклятая машина, даст осечку, выплюнет чью-то душу еще живой, непогубленной... Нет, не бывает так — машина крутится без перебоев.

Что же я должен был сказать ему? Я должен был сказать и объяснить, что никакая партийная демократия тут не сработает — хотя бы потому, что никакой п а р т и и в том понимании, в каком трактуют это все словари, — у нас нет...

Мы все заблуждаемся... Вспомни, ты сам зачем вступил в партию? А я помню, ты весь дрожал от нетерпения: была возможность занять место директора совхоза. Тебе было двадцать четыре года, ты еще не Сергей Михайлович Анкудинов, а Сережа, Сереженька. Ты талантлив, умен,

решителен — и вот ты директор совхоза, самостоятельный хозяин. Земля, люди, машины, власть. Ну и, конечно, зарплата, дом, продукты, путевка в санаторий и за границу. Беспартийному столько не дадут. Нужна расписка, что ты — свой. И ты ее дал — заявление о приеме в партию. Ты принял правила игры. Ты приобрел все, о чем мечтал. Вернее, ты думал, что приобретаешь. А на самом деле это тебя приобрели в вечное пользование.

Ты не сердись, мы все одинаковые. Я бы в свое время ни в коем случае не вступил в партию, мне всегда противны были ложь, хвастливая демагогия и деловое бессилие, на которых стоит эта организация. Но меня поставили перед выбором: или я вступаю, или вышибут из школы. А я только-только год директорствовал, только-только дела задумал добрые. Уйти, оставить свое дело на произвол судьбы, чтобы все попало в бездарные, холодные руки — в руки мертвецов с тусклыми глазами, которым и дело-то любое нужно только затем, чтобы задушить его и жить спокойно и равнодушно. Да я и жизнь-то свою понимал как борьбу с ними. И теперь им же все отдать? Да никогда! В партию так в партию. Мало того, я решил, что и в самой партии буду драться с тупой бездарностью, с этим животным стремлением к духовной смерти... Это была ошибка. Они сильнее. Они и есть — партия. Они — власть, государство. Они и ловят нас, чтобы погасить, повязать, заставить служить тьме, смерти. И мы служим. И гаснем в их безнадежном деле.

Потом, пробыв почти год секретарем райкома партии по идеологии, я завел себе приходно-расходную книгу, где на одну страницу записывал все, с чем я должен бороться, а на противоположную — все, на что я могу опереться в этой борьбе. И получилась страшная картина! С одной стороны, разлагающееся общество: ложь как идеология, пьянство поголовное, воровство массовое, разврат, коррупция, безверие... А с другой — безответственное чирканье Брежнева и иже с ним. Подумав немного, я и всю эту компанию определил туда же, к разврату и воровству...

Ну и что же? Ведь все это как в страшном сне: видишь,

слышишь, а пальцем пошевелить бессилён... Стоило мне хотя бы поддержать что-нибудь живое, нужное, хоть самую-самую малость какую-нибудь, вроде дискуссионного клуба или общества любителей трезвости, как тут же меня окружали равнодушные рожи с тусклыми глазками: „А зачем вам это? А нам это зачем? Кому нужны дискуссии и о чем спорить? Кому нужны трезвенники, когда вся финансовая стратегия государства на водке держится? Все это несовместимо...” Правильно, все это опасно: сегодня добровольно собрались поговорить о трезвости, а завтра о жизни задумаются, вопросы задавать осмелятся, правды захотят... Нет, добровольно ничем заниматься нельзя. Нам сверху скажут, чем заниматься, — из обкома, из ЦК — скажут, о чем спорить можно, что коллективно обсуждать. Лучше всего, если это будет трилогия Леонида Ильича, — и в конце обсуждения мы напишем восторженное письмо автору...

Меньше года мне понадобилось, чтобы понять: я — слуга воинствующей лжи и бездарности. Меня употребляют против света и жизни. Я должен бежать. Или умереть — умереть духовно, и вступить в партию уже не формально, а по сути. И начать самому давить все живое...

Не потому ли и Хренов не хотел идти председателем? Он мужик талантливый, опытный, с идеями. Почему отказывался? А потому, что дело безнадежное. За шесть лет работы в управлении он хорошо почувствовал, что в наших нынешних условиях хозяйственная работа — дело беспросветное. Хозяйственная инициатива зажата запретами, каждое малое движение требует огромных усилий, взяток, специальных разрешений: средств нету, труд малопроизводителен, распределение неразумное или вообще неподконтрольное. Пьянство, воровство, подкуп — сверху донизу. Черный рынок становится основой экономики, да и стал уже настолько, что и государство с ним не борется, но лишь стремится использовать его в своих интересах. У нас — социализм. Вот он каков!..

Все это Хренов почувствовал, но понять разумом не смог или, вернее, не захотел понять, отказался понимать

и принимать, потому что понять — страшно: куда деваться потом? Ведь разотрут, размажут...

Помнишь, застрелился Ларионов, секретарь рязанского обкома, — после того, как вскрылись под ним приписки и очковтирательство? Одни говорили — совесть замучила, другие — испугался, третьи — что его вообще прикончили. Не знаю, как последняя версия, а первые две неверны: я знавал этого деятеля, я ведь в Рязани учился, — это был человек без страха и совести. Игрок. Я думаю, он застрелился оттого, что понял: некуда деваться. Его бы не посадили, но долго бы топтали, размазывали, — он и затосковал. Это не страх — тоска безысходности... А хочется думать, что он и того умнее: и за нас за всех понял, что и нам деваться некуда. А разве не так? Вокруг давно уже одни только приписки и очковтирательство, — но мы не стреляемся, а просто не допускаем этого очевидного факта до сознания, катимся вместе со всеми и все вместе. Куда? Зачем? По чьей воле? Хоть бы кто-нибудь задался этими вопросами...

Но вот Хренов решил выйти из игры сам по себе, в одиночку, с тем небольшим выигрышем, какой достался ему за годы, что он пробыл в руководящих должностях: сбежать хотел, словчить. Но кто же отпустит? Уйти можно только если и карманы, и душу вывернешь. Да и то еще над тобой, над нищим и растоптанным, поиздеваются вдогонку, поулюлюкают. Кто этот умница, что сказал: „Социализм легко попробовать да трудно выплюнуть”. Вот и в партию мы все вступили без труда, — а попробуй выйди...

В Заборске состоялось бюро райкома. Я знал, что Хренов готовится выступать на бюро со своими претензиями, и приехал в город, чтобы поймать его еще до заседания и отговорить от протестов и заявлений, — был он мне чем-то симпатичен, и хотел я искренне помочь ему, но опоздал и остался сидеть в райкомовском скверике, надеясь, что, может быть, на этот раз он не вылезет с речами, а там я его сумею убедить.

Заседание затянулось: приехал Жуковец — случайно

приехал, ездил мимо на лесные пожары и решил попри-
сутствовать на бюро. Такой внезапный налет — в его харак-
тере, он даже гордится своей способностью возникать там,
где его не ждут...

Как я потом узнал, обсуждали ход заготовки кормов.
Хренов, еще как начальник управления, делал сообщение
о сенокосе. Говорят, был взвинчен, все время упрекал
областные организации, даже обком, в плохой постановке
дела. Его слушали снисходительно, Жуковец два-три раза
ему поддакнул — он всегда делал вид, что обожает острую
критику, — но все знали, что он — уже последние часы
в должности начальника управления. Вопрос о его пере-
мещении был решен, и никто бы не вспомнил о том, что
вообще такой вопрос существует, если бы в конце засе-
дания Хренов еще раз не вылез бы выступать.

Уже производственную повестку исчерпали, когда он
попросил слова и провякал что-то про свои обстоятель-
ства. Это было грубое нарушение процедуры: кадровые
вопросы не обсуждаются — они, по сути, решаются обко-
мом и доводятся до сведения района. А тут он вылез...
Жуковец, говорят, от удивления рот открыл сначала, ози-
раться начал, но тут же понял, что здесь не бунт, а смерт-
ник-одиночка, камикадзе. Предложил миролюбиво пере-
нести вопрос туда, где он и решаться должен, — в обком.
Но Хренов попер на рожон: „Я как член бюро райкома
настоятельно прошу... мои коллеги и товарищи...” И так
далее и тому подобное... Все-таки, знаешь, он был еще
и действительно больной человек.

Жуковец даже развеселился. Он уже было поднялся
уезжать, а тут на место сел. Как я понимаю, решил дать
всем присутствующим предметный урок демократии.
„Ну что же, товарищи, кто даст правильную политическую
оценку позиции коммуниста Хренова?” Все молчат. „Тог-
да, — говорит Жуковец спокойно, — позвольте мне... Ком-
мунисту Хренову было поручено занять место председа-
теля колхоза (тут от, говорят, запнулся, поскольку не по-
мнил, какого именно колхоза, — ему подсказали) ... Да...

Хренов позволяет себе игнорировать интересы партии и народного хозяйства. А поэтому, если и далее Хренов будет настаивать на своей ошибочной позиции, то будет исключен из партии, снят с работы и выселен за пределы нашей области без права занять руководящую должность — такова единственно возможная политическая оценка позиции Хренова...”

Тут как бы проснулся первый секретарь райкома — ему ведь нужно было срочно отмежеваться от несчастного Хренова, которому он всегда клялся в верной дружбе, — и все знали об их товарищеских отношениях, они и семьями дружили. „Кто за оценку позиции коммуниста Хренова, предложенную товарищем Жуковцом? Прошу голосовать только членов бюро райкома... Принято единогласно”. — „Вот видите, — сказал умиротворенный Жуковец, довольный быстрой реакцией первого секретаря райкома, — ваши же товарищи и коллеги дали вам урок партийной этики”.

И тут Хренов сорвался. Это слышал даже я — он так кричал, что через открытые окна было слышно на улице: „Сволочь! Фашист! Вы все здесь фашисты!” Я понял, что с ним все кончено. Навсегда. Видимо, и он это понял. Я слышал, как в здании хлопнула одна дверь, другая. Хренов выскочил совершенно обезумевший, схватил меня, когда я поднялся ему навстречу: „Это — мафия”, — неожиданно тихо сказал он, показывая назад, на райком. Тут он отбросил меня в сторону и быстро пошел... в уборную, в ту дощатую уборную, что на пустыре, — знаешь, между райкомом и райисполкомом. По дороге, проходя мимо шофера, лежавшего под райкомовским газиком, он схватил бутылку с бензином, которым тот мыл какие-то детали. Шофер не заметил, это видел только я, — видел, но не понял, что происходит. И только когда прорвался огонь, когда уборная вспыхнула и в пять минут — в пять минут, не больше! — сгорела, я понял, что произошло...

Пока в райкоме заметили огонь, пока высыпали во двор и осознали, что горит, а осознав и убедившись, что

огонь ничему не угрожает, еще и посмеялись, поскольку никто не мог предположить, что там человек, — пока все это произошло, дощаник сгорел дотла. А у меня, знаешь, как судорогой свело и горло, и все тело — ни кричать, ни двигаться — такая сушь стояла... А тут и вовсе я почувствовал, что теряю сознание, присел на скамейку и, действительно, отключился на несколько минут...

Когда пришел в себя, уже кричали, что там человек, кто-то тащил ведра с водой. Приехала пожарная машина. Но к этому времени дощаник прогорел и рухнул в выгребную яму. Начали шуровать в поисках тела... Я ушел и тут же уехал домой. Только на похоронах рассказали мне подробности заседания бюро...

Жуковец уехал из Заборска одновременно со мной. Быстро сообразив, что именно произошло, он тут же распорядился назначить семье Хренова максимальную пенсию, — чтобы разговоров было поменьше...

Ну что же еще прибавить тебе, милый Сережа? Ты умница, ты все сам знаешь... Все это похоже на бред душевнобольного. Мы живем в бреде, в кошмаре. И как освободиться, не знаем. Уж я-то точно не знаю. Разве что скорее подохнуть.

Впрочем, ты, как всегда, — спокоен, жизнерадостен и готов принимать реальность такой, какова она есть. Ну что же, желаю успеха!

Привет жене и детям — всей твоей дружной улыбающейся семье.

Мне сказали, что ты получил новую, роскошную квартиру. Рад за тебя. Но адреса-то я не знаю, поэтому и пишу на работу. Сообщи уж адресок, а то ведь один живу, кругом один — и словом перекинуться не с кем.

Остаюсь твоим другом...

Председателю Комиссии партийного контроля
при ЦК КПСС тов. Пельше А. Я.
от члена КПСС (партбилет № . . . . .)
инструктора . . . . . отдела ЦК КПСС
Анкудинова С. М.

Докладная записка

По существу письма Изгоева В. И., адресованного мне лично и препровожденного работниками канцелярии в Комиссию партийного контроля, имею сообщить следующее.

С Изгоевым Вениамином Ивановичем я никогда не состоял ни в какой переписке, что хорошо видно из самого текста его письма ко мне. Данное письмо его ко мне было первым и единственным. С моей стороны писем не было. Совет мой Хренову В. А. познакомиться с Изгоевым В. И. был продиктован надеждой, что печальный опыт последнего поможет Хренову В. А. занять принципиальную партийную позицию.

Кроме вышеизложенного, считаю своим долгом заявить нижеследующее.

В течение многих лет я хорошо знал Изгоева В. И. как убежденного коммуниста и преданного, исполнительного члена партии. Теперь, как явствует из письма, Изгоев В. И. находится в состоянии крайнего нравственного напряжения, граничащего с болезнью. Подобное состояние представляет серьезную опасность для Изгоева В. И., поскольку в любую минуту он может сорваться, позволить себе публичные заявления, несовместимые со званием члена партии. Серьезную тревогу вызывает также и тенденция Изгоева В. И. трактовать в самых отрицательных тонах поведение и поступки партийных работников — Жуковца Н. С., покойного Хренова В. А. и мои лично. Между тем, исключение Изгоева В. И. из партии было бы не только серьезной трагедией для него самого и для его семьи, но и вызвало бы нежелательные толки в этой связи. Думаю,

что наиболее правильной мерой было бы не накладывать на Изгоева В. И. партийных взысканий или каких-либо иных санкций, а помочь ему преодолеть его недуг, для чего содействовать определению его в одну из психиатрических клиник, где можно было бы обеспечить больному индивидуально созданные условия.

Со своей стороны я чувствую тяжкую вину перед партией, заключающуюся в притуплении чувства партийной бдительности, в недооценке антипартийных настроений Изгоева В. И.

С. Анкудинов

18 августа 197... года

СОДЕРЖАНИЕ

Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать	7
Последняя надежда выжить	113
Ловушка (рассказ)	179

ЭРМИТАЖ

В 1985 ГОДУ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В НАШЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ:

АВЕРИНЦЕВ, Сергей. "Религия и литература". (Статьи, 143 с.)	7.00
АКСЕНОВ, В. "Аристофаниана с лягушками". (Пьесы, 380 с.)	11.50
АКСЕНОВ, Василий. "Право на остров". (Рассказы, 180 с.)	7.00
АРАНОВИЧ, Феликс. "Надгробие Антокольского". (180 с., илл.)	9.00
АРМАЛИНСКИЙ, Михаил. "После прошлого". (Стихи, 110 с.)	5.50
БРАКМАН, Рита. "Выбор в аду". (О творч. Солженицына, 144 с.)	7.50
ВАЙЛЬ, П. ГЕНИС, А. "Современная русская проза". (192 с.)	8.50
ВИНЬКОВЕЦКАЯ, Диана. "Илюшины разговоры". (145 с., 50 илл.)	7.50
ВОЛОХОНСКИЙ, Анри. "Стихотворения". (160 с.)	8,00
ГИРШИН, Марк. "Убийство эмигранта". (Роман, 145 с.)	7.00
ГОРЕНШТЕЙН, Фридрих. "Искупление". (Роман, 160 с.)	8.50
ГУБЕРМАН, Игорь. "Бумеранг". (Стихи, 120 с. Рис. Д. Мирецкого)	6.00
ДОВЛАТОВ, Сергей. "Заповедник". (Повесть, 128 с.)	7.50
ДОВЛАТОВ, Сергей. "Зона". (Повесть, 128 с.)	7.50
ЕЗЕРСКАЯ, Белла. "Мастера". (Интервью с Растроповичем и др.)	8,00
ЕЛАГИН, Иван. "В зале Вселенной". (Стихи, 212 с.)	7.50
ЕФИМОВ, Игорь. "Архивы Страшного суда". (Роман, 320 с.)	10.50
ЕФИМОВ, Игорь. "Как одна плоть". (Роман, 120 с.)	6.00
ЕФИМОВ, Игорь. "Метаполитика". (250 с.)	7.00
ЕФИМОВ, Игорь. "Практическая метафизика". (340 с.)	8.50
ЗЕРНОВА, Руфь. "Женские рассказы". (160 с.)	7.50
ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ ШЕСТИДЕСЯТЫХ (384 с.)	13.50
КЛЕЙМАН, Людмила. "Ранняя проза Федора Сологуба". (220 с.)	14,00
КОРОТЮКОВ, А. "Нелегко быть русским шпионом". (Роман, 140 с.)	8.00
КРЕПС, Михаил. "Булгаков и Пастернак как романисты" (140 с.)	9.00
ЛОСЕВ, Лев. "Закрытый распределитель". (Очерки, 190 с.)	8,00
ЛОСЕВ, Лев. "Стихи". (128 с.)	7.50
ЛУНГИНА, Т. "Вольф Мессинг — человек-загадка". (270 с., 15 илл.)	12,00
МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. "Маленькая Тереза" (Роман-жизнеоп., 230 с.)	9.50
МИХЕЕВ, Дмитрий. "Идеалист". (Роман, 224 с.)	8.50
НЕИЗВЕСТНЫЙ, Эрнст. "О синтезе в искусстве". (Альбом, 60 илл.)	12.00
ОЗЕРНАЯ, Наталия. "Русско-английский разговорник". (170 с.)	9.50
ПАПЕРНО, Д. "Записки московского пианиста". (208 с., 20 илл.)	8.00
ПОПОВСКИЙ, Марк. "Дело академика Вавилова". (280 с., 20 илл.)	10.00
РАТУШИНСКАЯ, Ирина. "Стихи". (На рус., англ., фран., 140 с.)	8.50
РЖЕВСКИЙ, Леонид. "Бунт подсолнечника". (Роман, 240 с.)	8.50
РЖЕВСКИЙ, Леонид. "Звездопад". (Повести, 270 с.)	12.00
РОЗИНЕР, Феликс. "Весенние мужские игры". (Пов., рассказы, 208 с.)	8.50
СВИРСКИЙ, Григорий. "Прорыв". (Роман, 560 с.)	18,00
СУСЛОВ, Илья. "Рассказы о т. Сталине и др. товарищах". (140 с.)	7.50
СУСЛОВ, Илья. "Выход к морю". (Рассказы, 230 с.)	8.50
УЛЬЯНОВ, Николай. "Скрипты". (Статьи, 230 с.)	8.00
ЧЕРТОК, Семен. "Последняя любовь Маяковского". (128 с., илл.)	7.00
ШТЕРН, Людмила. "Под знаком четырех". (Повести, 200 с.)	8.50
ШТУРМАН, Дора. "Земля за холмом". (Статьи, 256 с.)	9.00

Заказы отпр. по адресу: Hermitage, P.O.Box 410, Tenafly, N.J. 07670, USA

К сумме чека добавьте 1.50 дол. на пересылку (независимо от числа заказываемых книг). При покупке трех и более книг — скидка 20%.

Тимофеев Лев Михайлович родился в 1936 году в Москве. По образованию экономист, окончил Московский институт внешней торговли. По роду занятий — журналист. Работал консультантом редакции журнала „Молодой коммунист“.

В Советском Союзе очерки Л. Тимофеева публиковались в популярных журналах „Новый мир“, „Молодой коммунист“, „Молодая гвардия“ и др.

На Западе начал печататься с 1980 г. В журнале „Грани“ были опубликованы его рассказ „Ловушка“ и очерк „Технология черного рынка, или Крестьянское искусство голодать“. В 1984 году в Журнале „Время и мы“ были опубликованы очерк „Последняя надежда выжить“ и затем пьеса „Москва. Моление о чаше“.

19 марта 1985 года Лев Тимофеев был арестован и заключен в Лефортовскую тюрьму КГБ. Ему предъявлено обвинение по статье 70 Уголовного кодекса РСФСР. Сведений о его судьбе пока нет и вряд ли они будут отрадными.

В аннотации к одной из своих работ Л. Тимофеев пишет: „...к сегодняшнему дню автор сделал все, что мог. И не суда читательского он ищет, но соучастия в мышлении“.